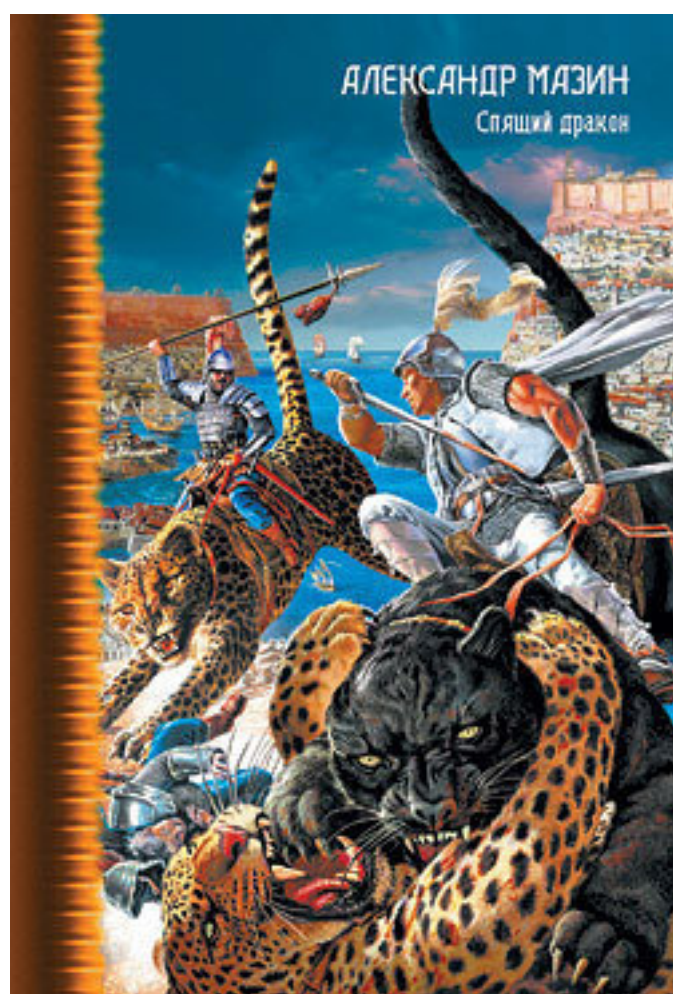

АЛЕКСАНДР МАЗИН

Спящий дракон

Дракон Конга

Александр Мазин

Спящий дракон

«Автор»

1999

Мазин А. В.

Спящий дракон / А. В. Мазин — «Автор», 1999 — (Дракон Конга)

История эта начинается с того, что в портовый город Фаранг приплывают четверо друзей из Северной империи. Трое мужчин, воинов-полководцев, прибывших инкогнито и без своих полков, и одна женщина, которая, собственно, и не женщина вовсе... В этой четверке один из мужчин является искупительной жертвой, хотя и не знает об этом, другой наделен даром неуязвимости, а третий – принадлежит к Малому народу вагаров и ростом меньше трех локтей. Но из троих он – самый опасный.

© Мазин А. В., 1999

© Автор, 1999

Содержание

Пролог	6
Книга первая	13
I	13
II	22
III	29
IV	36
V	45
VI	51
VII	64
VIII	69
IX	75
X	82
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Александр Мазин

Спящий дракон

*Солдат, солдат, глотни вина
Во славу всех богов!
Да будет кровь твоя красна,
Красней, чем у врагов!*

*Глотни, солдат, и дай глотнуть
И мне, солдат, – за нас!
Сегодня топчут пыльный путь,
А завтра топчут нас!*

*Глотни, солдат, вкус у вина
Всегда, солдат, хорош.
А кровь тем больше солона,
Чем больше ее льешь.*

*Чтоб ты, солдат, приятней пах,
Ты пей, солдат, и пой!
А девки в южных городах —
Толпой, солдат, толпой!*

*У нас, солдат, Судьба одна.
Молись, солдат, Судьбе!
Чтоб фляга ввек была полна,
Чтоб руки – при тебе!*

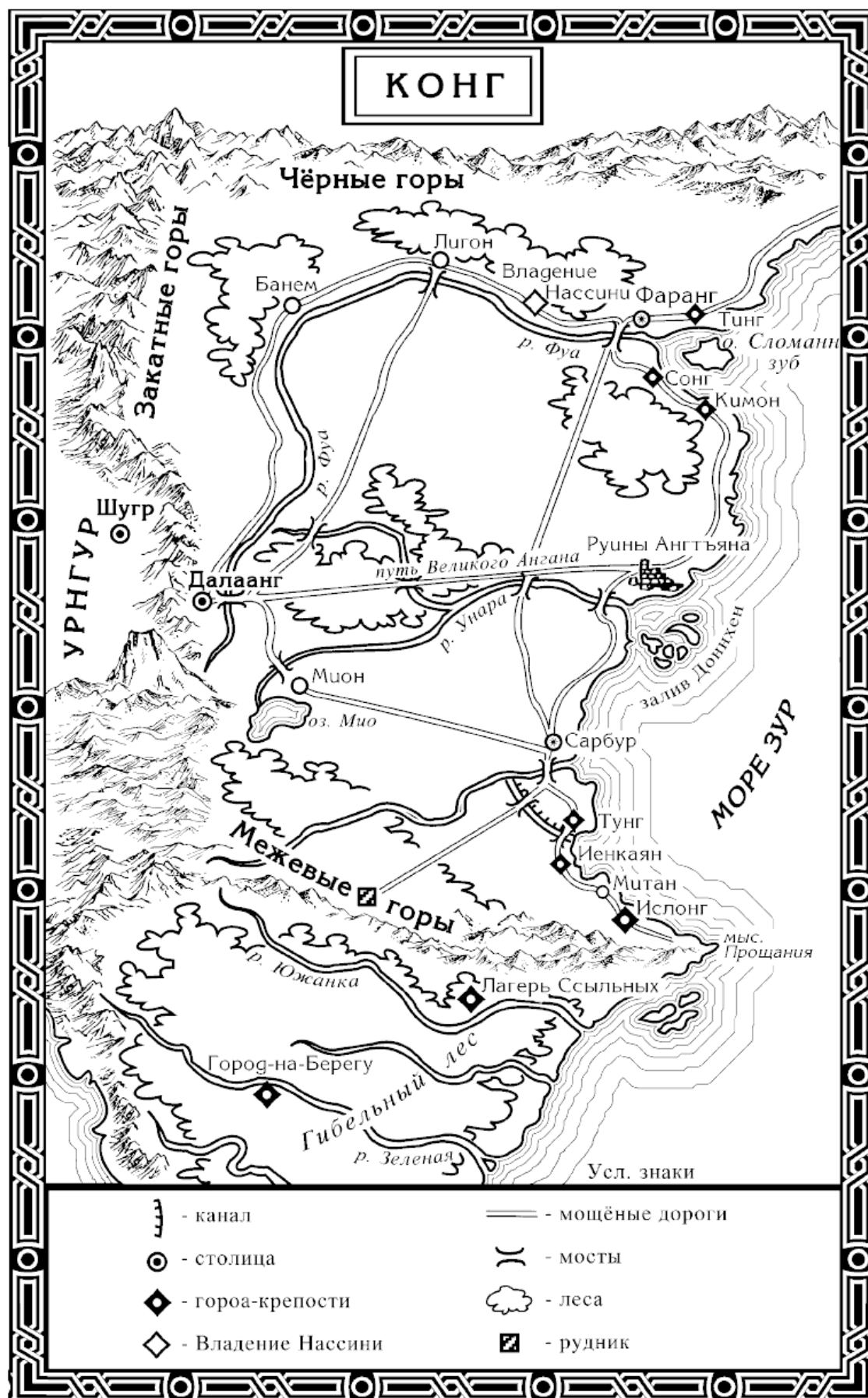
*Придут другие времена,
А ты, солдат, – живой!
Глотни, солдат, глотни вина!
Домой, солдат, домой!*

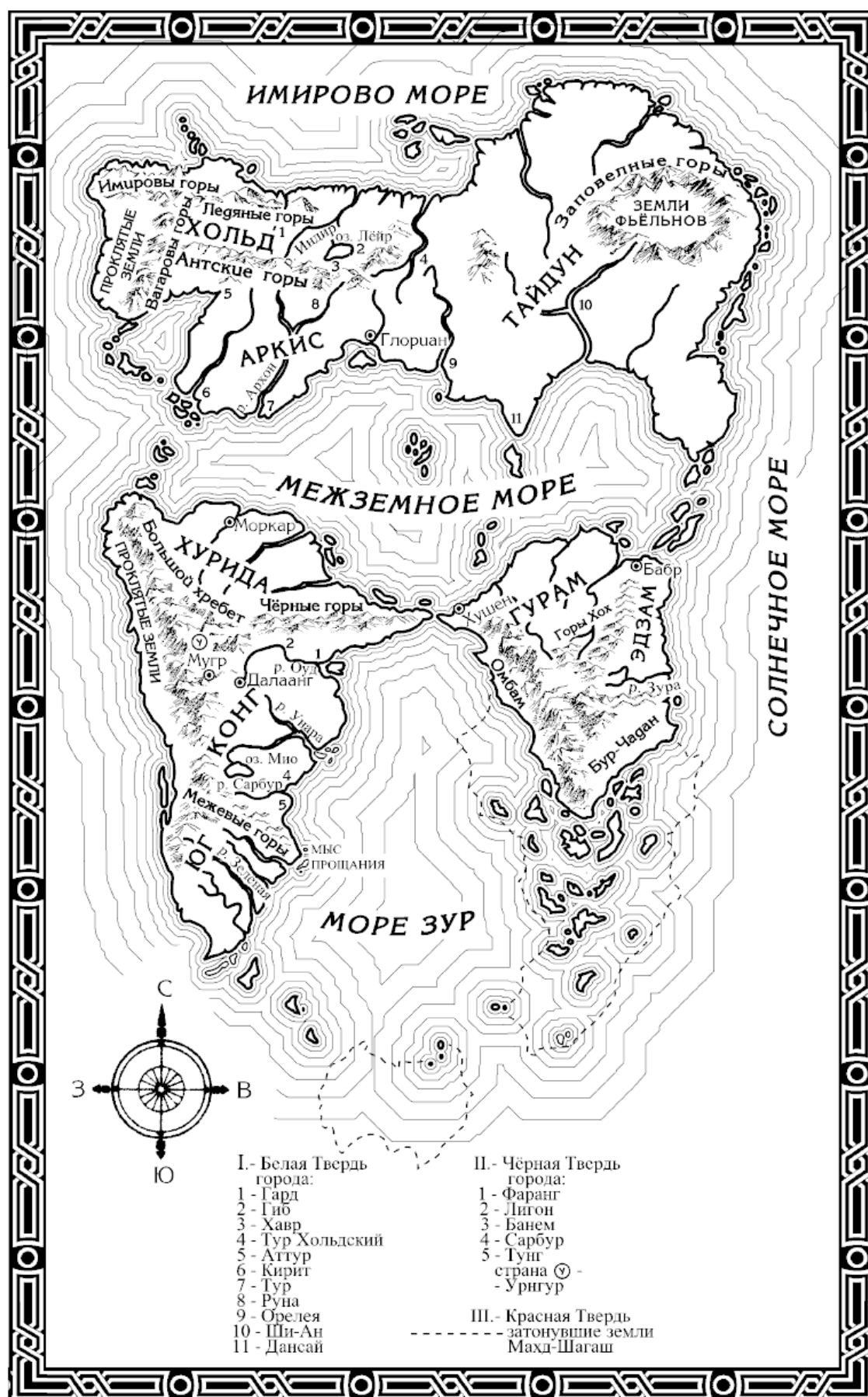
*Вино, солдат, – жена и брат:
Глотни – и ты согрет.
А дом, солдат...
Придешь, солдат,
А дома-то и нет.*

*Солдат, солдат, глотни вина
Во славу всех богов!
Да будет кровь твоя красна,
Красней, чем у врагов!*

Конгская песня

Пролог

Стылая вода с шипением сбегала вдоль черных бортов дракена. Холодное северное солнце, почти касавшееся алмазных пиков Ледяных гор, било в глаза кормчему Мёльни, отчего глаза его совсем спрятались в морщинах выдубленного морской солью лица. Мёльни был вагар из народа вагаров Севера. Выпрямившись во весь рост, он макушкой не достал бы и до середины груди обычного человека. Но храбрость вагаров не уступала высотой Ледяным горам.

По правому борту дракена сияли белизной Ледяные горы, слева ветер морщил седую кожу Имирова моря. Дракен «Ловец» возвращался в Гард.

В этот сезон удача глядела мимо желтого паруса «Ловца». Два крохотных бивня, из которых даже сносных кинжалов не выточить, да еще один, чуть побольше, застрявший в днище, – из-за него Мёльни приходилось все время закладывать кормило вправо. Три месяца в море – и почти ничего. А все потому, что старший Олафсон надумал жениться и остался на берегу. А брат его... всем бы хорош, но нет у парня магического дара чуют хармшарка за дюжину полетов стрелы.

– Коль, – позвал Мёльни своего помощника, – забрось приманку.

Помощник кормчего, на три четверти – вагар, на четверть – рус, а потому на голову выше Мёльни, сидел на скамье у правого борта и алмазной пастой счищал наплывы с маленького, не длиннее ладони, хармшаркова бивня. Чтобы выточить из бивня кинжал, потребуется полгода упорного труда. Только алмазу уступает твердостью бивень северной акулы. Зато никакое металлическое оружие, даже знаменитый узорный клинок, даже работы самих вагаров, не сравнится с белым узким лезвием из бивня хармшарка.

Коль бережно завернул поделку в кожу (из почтения, а не из предосторожности: бивень не боится ни солнца, ни соленой воды) и поднялся.

Выбрав из утреннего улова рыбу покрупнее, он вспорол ее ударом ножа, вложил в сетку и, раскрутив, метнул за корму через голову кормчего.

Брызги рыбьей крови упали на щеку Мёльни.

– Чтоб тебя крабы сожрали, Коль! – выругался кормчий.

Помощник добродушно захохотал. Кормчий, не выдержав, тоже усмехнулся. Эти двое подходили друг другу, как левая и правая рука. И вся команда «Ловца», одиннадцать вагаров, собранных Мёльни едва ли не со всего побережья Имирова моря, – словно один большой кулак. Иначе в их промысле не бывает.

– Олафсон, на мачту! – скомандовал Коль.

Иной раз хармшарк, чуя кровь, всплывает к поверхности. Тогда острый плавник видно издалека.

– Ульф, багор!

Названный вагар подхватил палку с медным наконечником и поспешил на корму. Команда «Ловца» оживилась. Три месяца – почти впустую, но Морская богиня – женщина. А значит, капризна. И вполне способна одарить именно в двойном переходе от дома.

О том, что «подарок» Богини для любого из них может обернуться смертью, вагары не думали.

Коль стравил трос с приманкой, закрепил его и, выправившись, стянул меховую куртку.

– Жара, – сказал он.

От плеч и ниже кожа помощника кормчего была белая как молоко. На спине – огромный шрам: неровное пятно шириной в две ладони. Хармшарк погладил.

Время шло. Бледное солнце Севера неподвижно висело над горами. Попутный ветер выгибал парус. Младший Олафсон раскачивался на мачте. Сторож Ульф время от времени бил багром – отгонял от наживки мелких хищников. Мёльни держал кормило. Помощник Коль дремал, подставив солнцу тощий живот.

Мёльни положил руль правее: прямо по курсу поднялась из воды рыхлая спина льдины. Достаточно далеко, чтобы успеть уклониться, но кормчему вдруг стало беспокойно. Так бывает

под землей, когда тело горы грозит шевельнуться и обрушить потолок тоннеля. Большоголовый Ульф зажал под мышкой багор и посмотрел на небо. Любой вагар чувствует близкую опасность. Иные не выживут в горных пещерах. Слепая беспечность хуже, чем ночная слепота. Но сейчас не каменный потолок над ними, а пустой небесный свод. Ни облаков, ни живой твари. Крыланы-рыболовы держатся поближе к берегу, а драконы предпочитают моря более теплые, чем Имирово.

Коль проснулся и поглядел назад, как раз когда зубан пристроился тяпнуть наживку.

– Ульф! – рывкнул он. – Чего сопли жуешь?

Вагар поспешно перехватил багор и ткнул зубана в полосатый бок. Рыба метнулась в сторону, но осталась поблизости.

– Вот нахальная тварь, – пробормотал Ульф. – Коль, влепи в него болт.

– Угу, – усмехнулся помощник кормчего. – А жрать зубана ты будешь?

Ульф промолчал.

Коль щелкнул пальцами и выдохнул магический шарик. Забавлялся. Единственное колдовство, на какое он способен. Днем от шарика проку – ноль. Его и не видно почти. Зато видно, что Колю скучно. Он бы снова взялся за бивень, но вдруг – хармшарк?

И тут, словно услышав его мысли...

– Идет! – истошно завопил младший Олафсон, и команда «Ловца» встрепелась. Трое бросились приспускать парус, четверо – готовить кожаные лодки-кайки. Коль с двумя помощниками мигом собрал малую катапульту и установил на корме.

Один только Мёльни не сдвинулся с места.

– Идет! Ого-го! – орал сверху Олафсон. – Огромный!

– Слазь! – гаркнул Коль, закладывая руль вправо.

Команда разобралась по местам. Все напряженно глядели назад.

– Вижу, – вдруг сказал Коль. – Верно, малый, нам повезло. Здоровенный акулан!

Голос его звучал напряженно. Даже небольшой хармшарк – страшный противник, а уж этот...

Теперь плавник видели все. Черный узкий серп и белые расходящиеся усы пены. Хармшарк учуял кровь и теперь шел втрое быстрее, чем турецкая галера. И, стало быть, вшестеро быстрее, чем дракен при попутном ветре.

Коль громко сглотнул слюну. Он боялся. Мёльни знал, что его помощник боится, но знал он и то, что Коль сильнее своего страха. Три четверти вагара против человеческой четвертушки.

Хармшарк нагонял, стремительный, как морской демон. Длинное черное тело, бивень длиной с половину весла. У самой кормы дракена он изогнулся, огромная пасть смахнула наживку – как не было. Плавник лег вправо, а сам господин Имирова моря прошел мимо дракена. Волна звонко шлепнула в борт.

– Бонг! – спущенная катапульта метнула тяжелую стрелу с широким, как ладонь, накопником.

Все услышали, как снаряд ударил в толстую шкуру хармшарка.

– Там! – удовлетворенно произнес Коль. – В самую...

Громовой удар заглушил его слова. В полусотне локтей от дракена хармшарк в ярости выметнулся из воды. Брюхо у него было белое, в продольных складках.

– Манки – на воду! – скомандовал Мёльни.

Вагары подхватили легкие лодочки – в каждой уже сидел, сжимая двойное весло, вагар-гребец – и швырнули их через борта дракена. Манки, мгновенно восстановив равновесие, прыгнули навстречу развернувшемуся хармшарку. Раненый хищник крушит все, что попадает на пути. Дракену от него не увернуться, маленькой кайке – легче.

Хармшарк неистовствовал. Бивень его, вырываясь из воды, рассекал воздух, словно гигантский меч, изогнутый хвостовой плавник рвал воду. Господин Имирова моря был втрое длинней каждой из каек. И вдесятеро быстрее. Но манки вертелись совсем близко и, когда хармшарк бросался на одного – другие тут же оказывались рядом, едва не касаясь бортами черной, усеянной крохотными шипами шкуры северной акулы.

Серповидный хвост хармшарка задел одну из каек, и лодочку подбросило на несколько локтей вверх.

Коль выругался. Манок упал боком. Два других тут же возникли на пути акулы. Отвлекли.

– Поднялся, – помощник кормчего облегченно вздохнул.

Потопить кайку трудно. Кожаный, затянутый вокруг пояса гребца фартук не пропускает воду. Но если манок теряет сознание, то кайка опрокидывается.

Коль разворачивал катапульту вслед за рыскающим хармшарком, выжидая. Дракен, направляемый умелой рукой Мёльни, обходил акулу по большой дуге.

– Банг!

Улучив момент, Коль выпустил вторую стрелу. С добрых сорока локтей он ухитрился попасть в голову мечущегося хармшарка.

Семеро вагаров одобрительно прищелкнули языками.

Но до конца смертельной охоты еще далеко. Двумя стрелами такую громадину не убьешь.

От новой боли хармшарк выметнулся из воды – и, падая, задел одну из лодок. Кайку перевернуло и бросило прямо под удар бивня.

Ключья разорванной кожи, изогнувшееся человеческое тело – совсем маленькое рядом с господином Имирова моря, – огромный хвост вспахивает воду, черный плавник ложится вправо – и манка больше нет.

– Прими его, Морская богиня, – шепчет Мёльни.

– Банг! – Третья стрела входит в спину хармшарка у самого плавника. Коль свирепо щерится. Его ярость – ярость человека, а не вагара. Но стреляет он – как вагар. С раскачивающегося на волнах дракена за сотню локтей человек и в мертвого хармшарка не попадет.

Крохотные лодочки пляшут вокруг северной акулы. Гибель манка – обычное дело.

Коль раздувает ноздри. Четвертая стрела наготове. На отполированном наконечнике из белого бивня (мертвый хармшарк – против живого) блестят капли воды. Коль знает, куда пошлет четвертую стрелу. И знает, как трудно будет попасть. Но он попадет. Если Коль промахнется, хищник возьмет жизнь еще одного манка. Затем, намного быстрее – двух оставшихся. И настанет очередь дракена.

Вдруг хармшарк исчез. Серая вода, ключья пены и три приплясывающие кайки. Команда «Ловца» замерла в напряжении. Хармшарк нырнул. Но северная акула никогда не отказывается от мести.

Вагары сдерживают дыхание: в любой миг дракен может содрогнуться от страшного удара, пропитанные смолой толстые доски днища лопнут с оглушительным треском, палубный настил вспухнет, как нарыв, прорвется, и из дыры выпрыгнет белый сверкающий бивень. А потом, брошенный набок чудовищной силой господина Имирова моря, дракен «Ловец» канет в ледяные объятия великого Имира...

Маленькая кайка взмыла вверх, вспоротая, насаженная на исполинский живой меч, а следом из вскипевшей воды вырвалось длинное черное блестящее тело.

Выбросилось целиком, выше мачты дракена, зависло на мгновение – и с грохотом рухнуло вниз.

Первая волна отшвырнула дракен на две дюжины локтей (только мастерство Мёльни не позволило судну опрокинуться), вторая, намного слабей, лишь встряхнула и укатилась дальше. Вагары, мокрые с ног до головы, вцепились в борта, переводя дух.

Два уцелевших манка вертелись вокруг гиганта. Их учили слетать вниз по яростным горным рекам, учили оставаться в живых, падая вместе с ревущей водой между каменных клыков, почти так же опасных, как белый бивень северной акулы. Двое были в порядке, третий – жив. Бивень не задел его, и теперь он вплавь спешил к дракену. Две сотни ударов спокойного сердца – и любого, вагара или человека, скрутит и утянет вниз ледяная вода.

Мёльни переложил руль, разворачивая дракен навстречу плывущему. Приближаться к хармшарку опасно, но двое оставшихся манков – не защита.

«С близкого расстояния Коль ударит вернее», – подумал кормчий.

И эхом отозвавшись на его мысль, Коль крикнул:

– Тоди, гарпун!

Кормчий быстро взглянул на своего помощника, и тот, поймав взгляд, ухмыльнулся.

Дракен поравнялся с пловцом, и руки перевесившихся через борт вагаров выдернули товарища из воды.

Коль выстрелил в тот миг, когда пронзенная кайка взлетела вверх. Огромное тело акулы стремительно вздымалось над водой, но стрела летела быстрее. И попала именно туда, куда послал ее стрелок. Только вагар способен на такое.

Дракен шел прямо на бьющегося хармшарка, но хищник больше не нападал. Черное тело выгнулось, и Мёльни на миг увидел стрелу, пробившую насквозь тонкий, не шире туловища вагара, стебель хвоста. И засмеялся.

Дракен подошел вплотную к умирающему хармшарку. Тот из последних сил попытался нанести удар. Но уже не смог. Коль выстрелил в упор. Стрела (на этот раз со стальным зазубренным наконечником) на три ладони вошла в черную спину. Господин Имирова моря начал медленно погружаться. Мертвый хармшарк тонет, уходит вниз, чтобы служить своему богу. Если вагар не позаботится о своей добыче.

Два моряка прыгнули за борт, в ледяную воду, быстро подвели петлю под брюхо акулы и еще быстрее взобрались обратно на дракен.

– Коль, – громко произнес Мёльни. – Я утраиваю твою долю!

Команда «Ловца» поддержала его дружным рыком.

– Младший, – сказал кормчий Олафсону. – Доставай бочонок. Мы заработали!

Мертвый хармшарк, принайтованный к борту, покачивался на волнах. Каждый из моряков стал богаче на шесть полных горстей золота. Если не больше. О Снайги Эйриксоне, отошедшем в Нижний мир, не вспоминали. О нем вспомнят на берегу, когда будут делить добычу. Семье Снайги отойдет двойная доля, и Мёльни лично вручит золото вдове. Таков обычай.

До Гарда «Ловец» добирался полных четверо суток. Из-за хармшарковой туши дракен терял половину хода. Не будь «Ловец» так близко от дома, Мёльни пристал бы к берегу и разделал добычу, взяв лишь драгоценный бивень и шкуру, которая тоже стоит немалых денег. Но какое искушение показать гиганта-хармшарка целиком! Да еще со стрелой в хвостовом стебле! О таком в пору песнь слагать.

Скалы раздвинулись, открыв узкое горло фиорда. Мёльни отобрал кормило у Ульфа, сел править сам. Не то чтоб Ульф был способен посадить дракен на скалу (фарватер любой из моряков знал отлично), но именно кормчему подобает ввести судно в порт.

Гардский фиорд – длинный. Пока шли – встретили четыре корабля. Военный из северной эскадры, двух купцов и вагарский дракен, такой же охотник, как «Ловец». Команда Мёльни сияла: на встречных судах у ближнего борта собиралась толпа: глазели на хармшарка. То ли еще будет, когда «Ловец» войдет в порт...

И тут знакомое тревожное предчувствие вновь охватило Мёльни. Он невольно взглянул вверх. Там, однако, было небо, а не каменный потолок. А скалы фиорда стояли незыблемо. Рядом беспокойно задвигался Ульф. Любой вагар чувствует гнев Потрясателя Тверди, бога Земель и Вод. Чует задолго до толчка и успевает покинуть опасное место. Но сейчас было что-то другое. И откуда грозила опасность, Мёльни определить не мог. Поэтому он просто продолжал вести дракен в глубь фиорда.

Вряд ли Мёльни успел бы что-то сделать, даже если бы знал заранее, что грозит «Ловцу». Стены фиорда отвесны, ни человеку, ни вагару не взобраться на них за несколько мгновений. А большего у них и не было.

Гигантская волна накатилась с моря, яростно ударила по скалистому берегу, захлестнула его, накрыв целиком отвесный клиф в четверть мили высотой, – и отхлынула. Только в одном месте вода нашла брешь – и устремилась по ней со скоростью пикирующего дракона.

Мёльни услышал чудовищный грохот, оглянулся и через мгновение увидел вздувшийся вровень со скалами водяной таран, летящий на него.

«Все-таки Потрясатель», – успел подумать кормчий.

И ошибся. Но это уже не имело значения.

Книга первая

Фаранг

I

«...Однажды некий муж и сын его, недавно достигший совершеннолетия, беседовали у ступеней своего дома.

– Скажи, отец, – промолвил юноша, – зачем здесь этот колокол?

– Он – мой друг, – отвечал мужчина. – Трижды прошли мы с ним пенное море Зур. Ему ведомо все.

– О! – удивился юноша. – Позволь, спрошу я: эй, скажи, бронзовобокый, кто дал нам жизнь?

– Конг! – отвечал колокол. – Конг!

– Да? Ладно. А кто даст мне то, чего я жажду?

– Конг! – отвечал колокол.

– Любовь! Он имеет в виду любовь! – вмешался старший. – Назови ему имя!

– Конг! – отвечал колокол.

– Вздор! – воскликнул юноша. – Разве это имя женщины? Отец, ты знаешь: ничего нет сильнее любви!

– За-кон! – отвечал колокол.

– Ты врешь! – вскричал юноша. – Я – воин! Я выбрал! Вот, я начинаю путь! Правый путь! Кто остановит меня?

– Конг! – отвечал колокол.

Засмеялся юноша:

– Спасибо, отец, я понял! Последний вопрос! Завтра наш корабль уходит в море Зур. Где он бросит якорь?

– Конг! – отвечал колокол.

– Прости, отец: я смеюсь! Вот славная шутка! Что ни спроси, ответ всегда один – слово без смысла. Конг! Конг!.. Но отчего ты не смеешься, отец?

– Шутка! – сказал старший. – Добрая шутка! Трижды прошли мы с ним море Зур. Но с тобой – лишь однажды, сын. Конг – твоя родина».

Притча о корабельном колоколе

Начальник Гавани Шинон, прозванный Отважным еще с тех времен, когда стоял на мостике боевого корабля, в это утро проснулся рано. Он всегда просыпался рано, потому что ценил эти утренние часы, когда зной еще не растекся по улицам и площадям славного города Фаранга. Лето тысяча одиннадцатого года по летосчислению Империи, которым по привычке пользовались в Конге даже после отделения его от северного доминиона. Обычное жаркое лето Благословенного Конга.

Начальник Гавани поднялся с просторного ложа, откинул шелковую кисею и вышел на террасу.

Красаец-город раскинулся по обоим берегам широкой, одетой в утреннюю дымку реки. Центр еще спал, но на окраинах, там, где в синеве и зелени листьев теснились домики простонародья, зоркий глаз бывшего капитана уловил движение. Что ж, простолюдин и должен вставать с восходом.

Мягко ступая по тростниковым матам, Шинон вернулся в опочивальню и ударил в гонг. Затем вышел в соседнюю комнату, к бассейну.

Погрузившись в теплую душистую воду, Начальник Гавани вытянулся, положил подбородок на опору лежака и задумался. Шинону приснился плохой сон. Над этим следовало поразмыслить.

Нагая девочка-массажистка, разбуженная, может быть, минуту назад, вошла в бассейную, заплетая на ходу отливающие зеленой медью волосы. Скрепив их узлом на затылке, девочка бесшумно опустилась в воду. Тонкие пальчики принялись разминать шею Начальника Гавани.

Шорох тростникового занавеса заставил Шинона поднять голову.

– Прошу меня извинить, доблестный, – произнес вошедший, молодой сотник Береговой Стражи. – Гонец из Минга. Полная эскадра Северной Империи прошла сторожевые форты и входит в залив. Форты огня не открывали.

Начальник Гавани охнул. Рывком поднявшись из воды, вспрыгнул на бортик бассейна. Оскользнувшись на мокрых плитках, едва не упал – сотник успел поддержать его за локоть.

– Великий Бык! – рявкнул Шинон. – Большая эскадра? Сколько кораблей?

– Двадцать шесть больших боевых.

Девочка-массажистка, открыв рот, глазела на красавца-офицера.

– Двадцать шесть больших... полная эскадра... – пробормотал Начальник Гавани, сообщая.

Понятно, почему форты сторожевых крепостей не стали открывать огня. Боевые корабли северян – это не пиратские парусники. И, как на зло, бо́льшая часть Фарангской эскадры ушла на юг.

Начальник Гавани с хрустом потянулся, сделал знак массажистке, чтобы подала накидку.

Что это? Дружеский визит? Или военный рейд? Ох, не зря ему привиделся дурной сон!

Начальник Гавани вышел на восточную террасу, кивком велел офицеру следовать за собой.

Точно. Двадцать шесть больших кораблей. Двадцать пять уже встали на якоря вне досягаемости крепостных башен.

Но один, великолепный трехмачтовик, сверкая белыми парусами, двигался к берегу. Вот он вошел в пределы досягаемости баллист левого бастиона. Шинон увидел, как засуетились крохотные фигурки, подтаскивая к орудиям снаряды с зажигательным зельем.

Четыре оставшихся в Гавани боевых корабля Фарангской эскадры подняли паруса и готовились отойти от причалов. Вчетвером они управились бы с приближающимся северянином. Но остальные двадцать пять...

Шинон прикинул: двадцать шесть больших кораблей. Это шесть-семь тысяч моряков-воинов, не считая судовых команд.

На пирсах уже стопилась пара сотен зевак. Еще бы, не каждый день большая эскадра Империи входит в залив!

Флагман приблизился настолько, что стало видно: порты катапульт на выпуклых бортах имперца задрасны. Шинон облегченно вздохнул. И все же окончательно он успокоился, лишь когда корабль северян выбросил гостевой сигнал.

Не то чтобы Шинон Отважный боялся драки... Однако война с Северной Империей – вовсе не та драка, о которой он мечтал.

За спиной Начальника Гавани возбужденно переговаривались слуги. Шинон обернулся, нахмурился... Бассейная тут же опустела. Остались только домоправитель и молодой сотник.

– Скорохода ко мне, кисть, бумагу! – скомандовал Шинон, и домоправитель тоже исчез.

– Иди вниз, передай: кораблям – ждать, фортам – готовность! – приказал Начальник Гавани сотнику.

Появился домоправитель с кистью и бумагой. И заспанный скороход.

Начальник Гавани набросал послание, прижал печать личного перстня к мягкой смоле на краю листа.

– Во дворец, – приказал он.

Вернулся сотник.

– Выполнено, – доложил он. – Вы разрешите им высадку, доблестный?

Начальник Гавани посмотрел на него в упор, и молодой воин смущенно отвел глаза: солдат не задает вопросов.

Но Шинон, похоже, не сердился.

– Пока нет, – ответил он, усмехнувшись. – Пусть погреются на рейде. Дадим время писаркам из канцелярии поменять штаны!

Молодой офицер засмеялся. Его отец, так же как и отец Шинона, был моряком. Когда-нибудь и у сотника в мочке уха заблестит золотая серьга братства Морской богини.

Скороход неторопливо трусил по широкой улице. Вчера он здорово перебрал и теперь предпочел бы вздремнуть где-нибудь в тени, а не тащиться вверх по пыльной дороге. Но Шинон за такое шкуру спустит. К счастью, до дворца Наместника не так уж далеко.

Спустя четверть часа посланец добрался до высоких железных ворот, над которыми горел золотом Спящий Дракон Конга.

Стража беспрепятственно пропустила скорохода внутрь: знак профессии на лбу и печать Начальника Гавани заменяли пропуск. Скороход вошел в правое крыло дворца, где размещалась канцелярия. В служебной приемной недовольный чиновник с медным значком на рукаве принял у него свиток.

– Жди тут, – приказал чиновник, прежде чем удалиться.

Скороход только ухмыльнулся. Он знал здешние порядки. Едва сутулая спина в серой рубашке скрылась за занавесом, скороход преспокойно покинул приемную и отправился в харчевню для мелких служащих. На территории дворца можно вкусно и бесплатно позавтракать. Если сумеешь миновать стражу. По пути скороход выкупался в общем бассейне.

Когда через полчаса он вернулся в приемную, ответа еще не было. Скороход задремал.

Тычок в плечо разбудил его. Потный озабоченный чиновник, не тот, с медью на рукаве, а рангом повыше, вручил скороходу ответ. И даже потрудился, проводив до ворот, лично дать посланнику пинка, чтоб бежал бегом, а не тащился вразвалочку, как обычно.

Начальник Гавани пил кофе в своем кабинете на втором этаже фарангской таможни. Отсюда он мог видеть весь порт: склады, пирсы, сотни больших и малых судов, пеструю толпу у причалов, храм Владычицы морей и, конечно, корабли северян. Вот три «купца» без малейшей опаски миновали грозных имперцев. «Купцы» северянам доверяли. Не раз, должно быть, видели, как бросаются наутек пиратские галеры и шекки,¹ когда сверкнет на горизонте снежный имперский парус.

Шинон успокоился. Кто хочет развязать войну, тот не станет покорно ждать на рейде.

Запыхавшийся скороход с поклоном вручил Начальнику Гавани опечатанный свиток. Шинон, не читая, бросил его на стол.

– Вели сигналить: «Разрешаю!» – приказал он офицеру.

Спустя четверть часа шестивесельная шлюпка отвалила от имперского корабля и, ловко сманеврировав между судами, причалила к пирсу. Матросы быстро и аккуратно выгрузили багаж. Последний тук лег на доски причала раньше, чем сошел последний из пассажиров. Не теряя ни мгновения, шлюпка отошла и, так же ловко петляя между торговыми судами, вернулась обратно. Флагман имперцев принял ее на палубу, развернулся и присоединился к эскадре. Все двадцать шесть кораблей перестроились в походный порядок и вскоре исчезли в просторах пенного моря Зур.

¹ Шекка – небольшое быстроходное парусно-гребное судно.

* * *

Четверо пассажиров шлюпки, сопровождаемые носильщиками, двигались сквозь толпу к зданию таможни.

Первым шел огромный бледнокожий детина в сером трико и короткой зеленой куртке. Меч у него за спиной был в два раза шире и на четыре ладони длиннее обычного. И вполне подходил к росту в пять локтей² и могучей, как у тура, груди. Плоское, бесстрастное, с расплюснутым носом, лицо великана казалось маской каменного демона.

Шедший за бледнокожим был, напротив, изысканно красив. Герб на белоснежном камзоле свидетельствовал о принадлежности к высшей имперской аристократии. Широкополая шляпа с берилловой пряжкой-брошью. Пышные брыжи, узкие, тисненой кожи туфли с золотыми застежками контрастировали с голыми телами конгаев-носильщиков. Аристократ шествовал, не обращая внимания на толпу, раздвигаемую плечами гиганта.

Третьей была женщина. Шелковое платье, серо-голубое, с закрывающими кисти руками, доходило ей до щиколоток. К огорчению зевак, лицо женщины скрывала вуаль.

Четвертый, маленький бородатый человечек, нес на спине мешок, из которого выглядывала любопытная мордочка пса-следопыта. Коротышка был одет в узкие штаны, короткий плащ и серую шапочку. Вооружение его составляли меч и арбалет. Последними рысили шестеро носильщиков.

Маленькая процессия вошла в здание таможни.

Не замедлив шага, северяне пересекли обширное помещение, полное ожидающих, и направились прямо к кабинету начальника сборов.

Тощий чиновник, сидевший подле двери за столом, привстал:

– Э-э-э...

Гигант походя опустил ладонь на его макушку и вдавил чиновника в стул.

Затем распахнул дверь и пропустил аристократа вперед. Все четверо вошли в «святая святых» Фарангского порта.

Носильщики, оставив багаж, тихо выскользнули из комнаты.

За обширным столом расположился жизнерадостный толстяк с серебряным шевроном на рукаве. В углу высилась гора из разноцветных тюков и рулонов ткани. Багровый коротконогий купец из Гурама с ужасом глядел на двух таможенников, копошившихся в его имуществе. Время от времени один из конгаев выдергивал из развороченного тюка отрез подороже и демонстрировал толстяку. Благосклонный кивок – отрез откладывается в сторону. Нет – возвращается обратно в кучу.

Аристократа империи таможенник опознал мгновенно.

С изумительным для его комплекции проворством толстяк выскочил из-за стола и подставил благородному северянину собственное кресло. Гость с важностью опустился в него. Чуть раньше коротышка пододвинул стул женщине. Больше в кабинете сесть было не на что, и сам начальник таможни остался на ногах. Плосколицый детина расположился за спиной аристократа, коротышка – рядом с женщиной.

– Светлорожденный Эрд, сын Дина, наследник Асенаров, высочайший, владыка Мориты, Аснора и Элэка! – провозгласил великан.

– О! – почтительно произнес чиновник.

Прислужники у кучи тканей прекратили разбой и устали на северян.

– Нил! – процедил светлорожденный.

² Локоть – 43–45 см.

Великан извлек из кармана серебряную монету. Таможенник подхватил ее на лету. Чувствовалось: это движение он освоил в совершенстве.

– Мой господин желает получить открытую подорожную Конга, – прорычал великан. – Мы путешествуем.

Чиновник замялся. На щекастом лице его выразилась целая гамма чувств.

– Да не сочтет светлейший дерзостью... – забормотал он.

Золотой кругляш лег на гладкую поверхность стола.

Глаза толстяка алчно сверкнули.

– Вон! – бросил он прислужникам, и те покинули кабинет, прихватив с собой купца.

Чиновник извлек из ящика цветной бланк, быстро заполнил его почти неразборчивыми каракулями, приклепнул личной печатью-перстнем и вопросительно взглянул на светлорожденного.

Еще одна золотая монета легла на стол, и документ переключался в куртку Нила.

– Угодно ли высочайшему... – начал чиновник.

Но тут одна из резных панелей за его спиной бесшумно отодвинулась, и в комнату в сопровождении шести солдат вошел Начальник Фарангской Гавани.

Таможенник оглянулся, и лицо его перекошилось.

Начальник Гавани грозно посмотрел на аристократа.

Эрд взгляда его не удостоил.

– Что ты дал ему, жаба? – спросил Шинон чиновника.

Толстяк затрясся.

– Пропуск, только пропуск! – пролепетал он.

– Возьми назад!

Светлорожденный Эрд улыбнулся. На Начальника Гавани он по-прежнему не смотрел.

Шинон положил руку на эфес.

– Имею приказ, – прорычал он на языке империи. – Доставить вас во дворец Наместника Владыки Конга!

Солдаты шагнули вперед.

– Нил, – вяло произнес светлорожденный.

Рык, вырвавшийся из груди гиганта, оглушил конгаев. Одним рывком великан вырвал из столешницы толстенный кусок, расколол его ударом о собственную башку и швырнул обломки в отпрянувших солдат.

Коротышка у него за спиной сбросил со спины арбалет, с необычайным проворством наложил стрелу.

Эрд остался сидеть.

– Правильно ли я тебя понял? – осведомился он.

На конгаэне он, как и большинство имперских аристократов, говорил без малейшего акцента.

Начальник Гавани молча смотрел на аристократа. Пришедшие с ним солдаты также не рвались в бой: арбалетный болт с трех шагов прошибает навывлет.

Стало слышно, как возится под развалинами стола толстяк-таможенник.

Какое-то время Эрд и Шинон глядели друг другу в зрачки, наконец Начальник Гавани слегка склонил голову.

Коротышка тут же опустил арбалет, и стражники с облегчением зашевелились.

– Прошу простить мою резкость, благородный господин, – произнес Начальник Гавани.

Эрд кивнул, принимая извинения.

– Могу я взглянуть на бумагу, которую дала тебе эта ничтожная тварь?

Эрд снова кивнул, и Нил протянул Шинону документ.

– Все в порядке, – сказал, прочитав, Начальник Гавани. – Не могу понять, почему этот слизняк так трясся.

– Что это? – заинтересованно спросил светлорожденный.

– Обычный пропуск в город.

Таможенник под столом всхлипнул.

Нил захохотал и выволок толстяка наружу.

– Подорожная? – спросил он и отвесил чиновнику оплеуху, едва не оторвавшую тому голову.

– Господин не возражает? – спросил Эрд у Начальника Гавани.

– Я еще не вошел.

Стражники захихикали.

Нил вывернул карманы толстяка, отобрал две золотые и одну серебряную монеты, а остальные деньги бросил в угол, на тюки с тканями. Туда же гигант швырнул и таможенника.

– Он что-нибудь обещал? – поинтересовался Шинон.

– Открытую подорожную.

– Он даст ее вам, – улыбнулся Начальник Гавани. – Обязательно даст. Когда станет Великим Анганом.

Чиновник жалобно стонал. Щека его распухла на глазах. Нил бросил на пол мелкую серебряную монету.

– Этого довольно? – спросил Эрд.

– Вполне, – кивнул Шинон. – Я пришлю человека, он проводит вас в приличную гостиницу.

– Благодарю, – отозвался Эрд. – Мы еще встретимся.

– Это будет честью для меня, – бывший капитан выпрямился. – Я, Начальник Фарангской Гавани, Носитель Бронзового Дракона Шинон, приветствую тебя на земле Конга!

* * *

– Я пришел, господин!

– Тебе есть, что сказать?

– Да, госп один. Лишенные имен отправлены. Старший – на Юг, младший – как условлено.

– Надежен ли кормчий?

– Как я, господин!

– Плоть Безымянного! Красноглазый будет доволен!

– А ты, господин?

– И я. И ты, Хуран. Это – твое.

– Да живешь ты вечно, господин!

– Спасибо, Хуран. Ступай.

* * *

– Прекрасная страна! – произнес светлорожденный Эрд, положив в рот перламутровую виноградину. – Простолюдин улыбается здесь чаще, чем на севере.

Четверо путешественников расположились на широкой террасе третьего этажа, в тени горшечных деревьев с сине-зеленой глянцевой листвой.

– Север тоже красив, – мягко сказала женщина.

Сейчас вуаль ее была откинута, и переливчатые, как жемчуг, глаза ласково смотрели на Эрда.

– О! – аристократ улыбнулся. – Позволь, благородная Этайа, мне, знающему запах битвы, судить о цене мира!

– Этайа права, светлейший, – вмешался маленький бородач. – Не ты ли едва не обнажил меч сегодня утром?

– Твоя правда, туринг, – согласился Эрд и взял еще одну виноградную гроздь.

– Не дразни меня, светлорожденный! – предупредил бородач. – Мое имя – Биорк, Биорк Эйрикссон!

– Разве не турингом звал тебя мой батюшка? – спросил Эрд весело. – Разве это ложь, скажи, Нил?

Великан, сидевший, скрестив ноги, на циновке, повернул голову, посмотрел на аристократа из-под белесых бровей:

– Если ты хочешь задеть отца, – сказал он, – потренируйся сначала на мне.

– Не могу, – Эрд развлекался. – Телохранителей и шутов обижать не полагается!

Нил отвернулся. Конгайская безрукавка на его торсе казалась кукольной.

– Не сердись, – проговорил Эрд примирительно. – Вот я, во власти твоего меча!

– Я не сержусь, светлорожденный, – ответил великан. – Но мне не нравится здесь. В империи мало знают о юге. Кое-кто считает, что Конг – все еще наша отколовшаяся провинция. Клянусь сердцем Быкоглавого, здесь неблагополучно. Я чую опасность. И отец мой чует. Не забывай: он – вагар.

– Я более склонен полагаться на чутье Ахмеса, – Эрд кивнул на свернувшегося клубком песика-следопыта.

Тут светлорожденный покривил душой: врожденным чутьем вагара мог пренебречь только глупец.

– Сегодня мне представится возможность узнать побольше, – сказал Эрд. – У Наместника этого города.

– Я пойду с тобой, – заявил Нил.

– Нет, – возразил светлорожденный. – Ты не аристократ, а я не хочу, чтобы этот конгай подумал: я боюсь.

– Это чужая земля, – напомнил великан. – А я отвечаю за твою жизнь. Ты не должен идти один!

– А не будешь ли ты возражать, светлорожденный Эрд, если с тобой пойду я? – неожиданно предложила женщина.

– Почту за честь, светлорожденная Этайа, – не задумываясь, ответил Эрд.

– Ты удовлетворен, Нил Биоркит? – спросила женщина.

– Да.

Теплый воздух, густой, сладкий, обволакивал, как вода. Кроны горшечных деревьев смыкались над головами, укрывая людей от палящих лучей солнца. Иногда порыв ветра приносил дыхание реки, и тогда запах тины примешивался к приторному аромату цветов. Летящие ящерицы металлическими стрелками мелькали в листве. В белесом от зноя небе плыл, держа курс на запад, бронзовый дракон.

«Откуда здесь, на севере Конга, дракон с восточных гор?» – подумал Нил.

Рычание, донесшееся снизу, отвлекло его от этой мысли. Гостиница «Добрый привет» знавала лучшие времена, но до сих пор держала верховых пардов³ для заморских гостей.

³ Пард (парда) – верховое животное из породы кошачьих, размером с лошадь, но иначе сложенное. Существует множество различных пород пардов: северные, южные, боевые, беговые, горные. Породы различаются окрасом, сложением, длиной шерсти и, разумеется, рыночной стоимостью. Беговой пард скачет со скоростью почти сто километров в час. Но недолго. Более быстрый, чем лошадь, пард менее вынослив. Пард всеяден, но от мяса никогда не откажется. Как и большинство используемых людьми Мира животных, пард выведен не без помощи магии. Для верховой езды на падрах используется специальное седло с

Рычание разодравшихся пардов не ускользнуло от слуха Эрда.

– Нил, – заявил он, – я желаю совершить верховую прогулку!

– Слишком жарко, – лениво отозвался великан.

– Вздор! Я три недели не был в седле!

– Хорошо, – согласился белокожий гигант.

– Биорк?

– Нет. Я не любитель верховых прогулок.

– Ты, светлорожденная?

– Пожалуй, да.

– Этайа! – произнес укоризненно маленький бородач.

– Биорк! Довольно тебе беспокойства и без меня!

Женщина встала и пристегнула вуаль.

Северяне покинули террасу. Трое спустились вниз, а четвертый отправился поболтать с хозяином гостиницы.

Оседланные парды перебирали сухими ногами, порывая на удерживающих их слуг. Это были беговые животные, с короткими туловищами и маленькими круглыми головами. Эрд взялся левой рукой за луку высокого седла. Пард мотнул головой и глухо зарычал. Светлорожденный швырнул ему в пасть кусочек вяленого мяса и ловко прыгнул в седло. Огромная кошка присела на задние ноги. Толстый полосатый хвост с такой силой стегнул слугу по ногам, что тот едва не упал. Эрд треснул парда кулаком по загривку и пристегнул к поясу седельный ремень.

Нил принял у слуги второго парда, подвел его к женщине и помог ей сесть в седло. Этот зверь не огрызнулся, а напротив, прошелся жестким языком по руке гиганта.

Вскочив на третьего, самого массивного, Нил бросил одному из слуг монету.

– На всех! – крикнул великан и, сжав коленями горячие мохнатые бока, послал зверя вперед, вслед за уже проехавшим ворота Эрдом.

Длинными прыжками парды мчались по широкой улице.

Всадники пересекли аристократическую часть Фаранга, миновали предместье и прилегающие к городу фруктовые сады и выехали на тракт.

Справа, сколько хватало глаз, тянулись возделанные поля, разделяемые полосками краснелиственных деревьев, в основном – могучих конгских платанов, и узкими каналами, заполненными мутной, почти неподвижной водой. Кое-где на полях виднелись коричневые спины работников. Но сейчас их было немного. Жарко.

Эрд, скакавший впереди, резко осадил парда. Путь ему преградила высокая, в два человеческих роста, деревянная решетка.

Рядом, сбросив на траву остроконечные шлемы, играли в кости три солдата.

Увидев всадников, один из солдат нехотя поднялся, не застегивая, нахлобучил на голову шлем и протянул руку:

– Подорожная!

Тяжело дышащий пард светлорожденного ляскнул зубами, но солдат был начеку и успел отдернуть руку раньше, чем клыки отхватили ему пальцы.

Нил соскочил наземь и протянул конгаю пропуск, полученный в порту.

Солдат глянул вскользь.

– Только в пределах Фаранга, – сказал он и рыгнул. – Поворачивай назад, чужеземец.

Лицо Эрда, не привыкшего к подобному обращению, потемнело от гнева. Он сжал коленями бока парда, и тот прыгнул вперед. Солдаты кинулись врассыпную, но не для того, чтобы

высокими луками, опорными пружинами и ремнем, крепящимся к поясу всадника. Как всякая кошка, пард способен к резким мощным прыжкам, во время которых усидеть на его спине непросто.

спастись бегством. Подхватив лежащие на траве снаряженные арбалеты, они обратили их на всадников.

– Светлейший! – крикнул Нил по-хольдски, встав между Эрдом и стражниками. – Ради истинной цели!

Эрд подавил гнев. Но арбалеты стражников все еще были направлены на него.

– Ты оскорбил солдат Великого Ангана! – сурово сказал старший. – Ты ответишь!

– Серебряного «дракона» будет довольно? – примирительно предложил Нил.

– Каждому!

– Ты жаден, – с презрением уронил Эрд. – Не получишь ничего!

Он повернул парда и рысью поехал в сторону Фаранга. Нил и Этайа последовали за светлорожденным. Солдаты стрелять не посмели. Один бросил вслед грубое ругательство, но Эрд, разумеется, не обратил на это внимания. Собака лает...

Когда они вернулись в гостиницу, было уже три часа пополудни. Скоро начнет спадать жара.

Эрд ушел к себе и до вечера упражнялся с мечом, а Нил отправился поболтать с управляющим. Но ничего существенного, кроме разве что рыночных цен, он не узнал.

II

«В одном из селений на северном берегу Межземного моря жил старый охотник на акул. Женица его умерла. Сыновья плавали на белопарусных кораблях Империи. Никто не навещал старика. Даже смерть. Впрочем, каждое мгновение жизни прекрасно. Денег у старика было довольно, чтоб быть сытым. Маленькая лодочка с крепким парусом исправно скользила по синим волнам Межземного моря. И был он по-своему счастлив. Но однажды подул упрямый южный ветер и пригнал к берегу двухмачтовую шекку. Три дюжины воинов с желтыми обветренными лицами сошли с нее на землю. Кривые мечи держали пришельцы в жестких ладонях. Взяли они воду, пищу, женицин, вино – все, что пожелали, взяли они, и никто не смел им противиться. Сказать по правде, не были желтолицые чрезмерно жестокими – убили только троих.

Прошло три недели.

Каждый вечер мужчины селения сходились на тайное собрание, но договориться между собой не могли. Одни предлагали рискнуть и послать за помощью в ближайший город, другие – ждать: должны же пришельцы когда-нибудь уйти. Никто не предлагал самим изгнать их. Год за годом, три сотни лет лучшие, отважнейшие уходили из селения. Кто-то обрел власть и славу, кто-то – холодные сны Нижнего мира. Назад не пришел никто. Мужество уходило из селения.

– Мужество покинуло нас! – так сказал старик охотник. – Пришли другие оплодотворять наших женицин!

– Что предлагаешь ты, старик? – спросили одни.

– Ты сам скоро умрешь, конечно, ты не боишься! – сказали другие.

– Боюсь, как не бояться! Разве я воин, чтоб искать смерть? – отвечал старик. – Но помните, было сказано:

Если придет к тебе враг – собери сыновей своих и извергни его!

Если нет с тобой сыновей – возьми острый меч свой и извергни его!

Если нет у тебя меча – собери всю силу свою и извергни его!

Если и силы нет у тебя – собери тогда мужество свое – извергни его!

Если и этого у тебя нет, не враг к тебе пришел – наставник!

Покорись!

Встал старик и пошел к желтолицым, шутил с ними, пил их вино. И полюбили они его. Миновало еще пять недель, подул хороший северный ветер. Собрали пришельцы свою добычу, лучшее, что было в селении: женицин, деньги, вино. И старика. Погрузили на корабль и уплыли. Селение же осталось. И стояло еще две сотни лет. И две сотни лет уходили из него отважнейшие. А потом вновь подул влажный южный ветер...»

Из «Вечерних историй Дансая»

Часть дворца Наместника, предназначенная для торжественных приемов, существенно отличалась от крыла, где располагалась канцелярия и обитал весь штат чиновников, заправлявших жизнью Фаранга. Обширный ухоженный парк, маленькие беседки под тенистыми деревьями, чистые водоемы, фонтаны, питаемые от городского акведука, мраморные статуи и удобные скамьи, на которых можно вздремнуть или выпить вина, поданного почтительным слугой.

На взгляд светлорожденного Эрда, и парк, и дворец свидетельствовали о вульгарном вкусе хозяина. Архитектурные изыски не могли скрыть отсутствия гармонии.

Светлорожденные Эрд и Этайа не менее получаса прогуливались по мраморным дорожкам между фигурно стриженными кустами. До тех пор, пока не начало темнеть. Тогда слуги зажгли светильники, двери над широкой лестницей распахнулись, и гости, около полусотни представителей высших сословий Фаранга, были допущены внутрь.

Наместник, подвижный старик в традиционной форме чиновника (единственное украшение – золотая цепь, на которой висел медальон с серебряным Спящим драконом на крышке), ответил на приветствия гостей общим поклоном и сразу же направился к северянам.

Наместник был совершенно лыс (редкость для конгая), обладал сильным проникновенным голосом и рыбьими белесыми глазами. Посетовав, что аристократия Северной Империи в последнее время редко посещает Конг, Наместник осведомился о цели визита.

– Мы путешествуем, – коротко ответил Эрд.

– Вот как? Разве Империя все еще интересуется Благословенным Конгом?

На языке Империи конгай изъяснялся ничуть не хуже, чем на родном.

– Даже если и так, – сказал светлорожденный с достоинством, – Наследник Асенаров не может быть шпионом. Это оскорбление чести!

– О нет! – запротестовал Наместник. – Разве я посмел бы намекнуть на что-то подобное высшему аристократу Империи? Но Великий Анган...

Тут он многозначительно замолчал.

Эрду первый человек Фаранга показался ничтожеством. Вот Начальник Гавани выглядел настоящим воином! А этот – просто слизняк. Но ведь и на родине светлорожденного, как ни прискорбно, к власти приходит все больше и больше торгашей и болтунов. Пусть слизняк даст им открытую подорожную – и Эрду больше не придется иметь с ним дела.

– Светлейший познакомит меня со своей спутницей?

– Что? – переспросил задумавшийся Эрд.

– Светлейший представит меня своей даме?

– Да, безусловно.

Пока они беседовали, Этайа отошла в сторону, и вокруг нее сразу же образовался кружок из молодых конгаев. Трое офицеров Береговой Стражи, пара чиновников, молодой сотник из Фарангского гарнизона, старший жрец Быкоглавого...

Вуаль и закрытое платье Этайи так же контрастировали с почти обнаженными телами конгаек, как белый костюм Эрда – с шортами и рубашками конгских чиновников.

Эрд и Наместник приблизились, и группа, окружавшая северянку, тут же рассеялась.

– Благородная Этайа, – представил свою спутницу Эрд.

– Алан, Наместник Великого Ангана в Фаранге! – отрекомендовался конгай.

Ростом он был на ладонь ниже Этайи.

– Могу я предложить светлейшей глоток вина из розового фарангского винограда? – осведомился Наместник. – Или благородная Этайа предпочитает другой сорт?

– Я бы выпила немного лимонного сока, – ответила женщина.

– Все, что у меня есть, – к твоим услугам! – проворковал Наместник.

Свет масляной люстры-шара отражался от его коричневой лысины. Ноздри подрагивали, словно он принюхивался.

Эрд посмотрел в окно на подсвеченный сад и увидел двух стражников, шагающих по мраморной дорожке.

Слуга принес два узких серебряных бокала с вином и хрустальную чашу с золотистым соком – для Этайи.

– Да не сочтет меня неучтивым благородная гостья, – произнес Наместник, заметив, что Эрд отвернулся, – но долг повелевает мне взглянуть на твое лицо.

Женщина молча расстегнула брошь, удерживающую вуаль. Наместник впился взглядом в лицо светлорожденной... и даже всхлипнул от восхищения.

Изящным движением затянутой в шелк руки Этайа вернула вуаль на место.

– Почтенный Наместник понимает, что я совершила это жест лишь в знак расположения к обычаям Конга? – спросила она.

– О да, безусловно! И прошу тебя, не открывай более своего лица. У нас в Конге любовь владычествует надо всем! – Голос Наместника стал приторно-сладким. – Я потрясен и очарован!

– Благородная Этайа вольна в своих действиях! – жестко произнес Эрд.

Наместник кивнул, соглашаясь. Но взгляд его, обращенный на гостью, был полон вождения.

– Слышал я, что светлейший желал бы получить открытую подорожную Конга? – проговорил Наместник, с усилием переводя взгляд на Эрда.

– Да, это так, – ответил светлорожденный.

– Мы могли бы побеседовать об этом и о многом другом, – Наместник сглотнул слюну, – если светлейший придет ко мне попозже, когда мои слуги, – кивок в сторону гостей, – оставят меня. В этот сезон ночь не располагает ко сну, не так ли?

Эрд нахмурился. Ему не нравилось, как лысый конгай глядит на его спутницу. Но поскольку приглашение касалось только самого светлорожденного...

– Я приду, – лаконично сказал Эрд.

– Тогда, светлейший, я жду тебя во второй час полуночной стражи. Но... Ты не обратил внимания, что ни у кого здесь нет оружия?

– Мой меч – знак моего рода и положения, – холодно произнес Эрд. – Так же, как и это! Он коснулся герба на своей груди: серебряной чаши на фиолетовом фоне.

– Ничья рука, кроме потомка рода Асенаров, не должна прикасаться к моему мечу. Если ты опасаешься...

– Я ничего не опасаюсь, – перебил Наместник. – Мой собственный маг, Срезающий Плоды, оберегает меня от злых умыслов и предательства. Но, – Наместник поднял желтый палец, – у нас в Конге кровь у людей вскипает от южного солнца, и потому дерзость порой опережает повиновение. Ты не конгай, поэтому твой меч останется при тебе. Но наше солнце одинаково горячо для всех. Помни об этом, светлорожденный Эрд! Жду тебя во второй час пополночи.

* * *

Эрд пришел, и пришел один. Нил с пардами остался по ту сторону ворот. Впрочем, с Эрдом его меч. Меч Наследника Асенаров, чей клинок выточен мастерами-вагарами из бивня хармшарка. Меч, с которым не сравнится ни один клинок из металла.

Начальник ночной стражи, жилистый угрюмый конгай со значком сотника на рукаве, проводил Эрда к левому крылу дворца и передал двум слугам. Первая половина ночи уже миновала. Светильники в парке погасли. Лишь звезды да серебряная луна озаряли кроны деревьев и искусно подстриженные кусты.

Неслышно ступая босыми ногами, один – впереди, второй – сзади, безмолвные слуги провели Эрда анфиладами темных залов в небольшую комнату с желтыми панелями. Там ждал светлорожденного Наместник Алан.

Старик склонился над превосходно выполненным рельефом Черного материка и сделал вид, что не сразу заметил вошедшего Эрда. Зато два огромных боевых пса повернули к светлорожденному черные брыластые морды и предупреждающе оскалились.

Сквозь окно в комнату текли густые запахи цветов и тихие шорохи ночи.

Наместник поднял голову.

– Если бы не мой долг перед Великим Анганом, – сказал он, – я бы отправился с тобой, светлейший. Путешествовать – это прекрасно. Покажи, куда бы ты желал направиться?

Эрд наклонился над рельефом.

– Вверх по вашей реке Фуа,⁴ – сказал он, – затем вот сюда, на запад и через перевал – к границе Урнгура. А там... – светлорожденный помедлил, показывать было нечего: никому в цивилизованных странах не известно, что лежит за Закатными горами. – Попробую достичь Шугра, столицы этой неведомой страны.

– Урнгур? – изумился Наместник. – Смело! Не будь ты столь благороден, я сказал бы – глупо!

Наклонив голову к плечу, конгай испытующе поглядел на северянина:

– Зачем тебе нужен Урнгур, светлейший Эрд?

– Моего желания довольно! – надменно ответил аристократ. – Никто из подданных моего императора не преступал границ Урнгура. Это вызов моей чести. И я это сделаю!

– Сказано неплохо, – пробормотал Наместник, словно бы разговаривая сам с собой. – Но убедит ли Великого Ангана? И убедит ли врагов светлейшего?

– У меня нет врагов в Конге! – возразил Эрд.

– Вот тут ты ошибаешься, благородный господин! – с удовольствием произнес Наместник. – Конечно, у Конга с Северной Империей мир. Но только глупец станет утверждать, что мы – друзья. У тебя множество врагов, светлорожденный. И первый из них – отважный Шинон, Начальник Гавани.

– Шинон? – удивился Эрд.

– Ты оскорбил его. Заставил признать свое превосходство. Если он не велел изрубить тебя на куски, то лишь потому, что я€ приказал пригласить тебя ко мне. Пригласить! Без принуждения! Шинон – сильный враг. Особенно для того, у кого нет покровителей в благословенном Конге. Учти, эскадра твоего дяди далеко! (Эрд приподнял бровь.) А солдаты Шинона повинуются ему беспрекословно. Начальник Гавани – неважный политик, но отличный командир. Кстати, и о твоей, хм... прогулке мне тоже доложено. Учти, светлейший: в Конге ты не могущественный аристократ, а всего лишь чужеземец.

– Угроза?

– Отнюдь. Ты же мой гость. Но милость Великого Ангана стоит дорого. А милость Великого Ангана... – Наместник многозначительно поглядел на северянина. – Милость Великого Ангана в Фаранге – это я.

– Дорого? – Эрд усмехнулся. – Назови цену.

– Назову, – Наместник захихикал. – Непременно назову! Пойдем, светлейший!

Длинный тощий слуга шагал впереди, держа над собой лампу. За слугой шел Наместник. Эрд решил, что Алан далеко не так стар, как кажется на первый взгляд. Морщинистое личико, голый череп, блеклые глаза... Но и – мускулы крепкого мужчины.

Два огромных, холки – по плечо Эрду, боевых пса цокали когтями слева и справа от светлорожденного. Второй слуга замыкал процессию.

Миновав не меньше дюжины залов, они оказались у запертых дверей. Псы ошетинились и зарычали. За дверью кто-то был.

– Молчать! – цыкнул на собак Наместник и достал ключи.

За дверьми оказалась большая комната. Отвратительная вонь ударила в ноздри. Эрд пригляделся и различил в полумраке некое живое существо. Когда люди подошли ближе, существо поднялось.

⁴ Фуа – вторая по величине река Конга, берущая начало в Закатных горах (Западная граница Конга) и впадающая в Фарангский залив.

Мышцы Эрда мгновенно напряглись.

Магхар!

– Рога Тура! – прошептал северянин, потянувшись к мечу.

Огромный уродливый магхар⁵ в пять локтей высотой. Покрытая сизой чешуей кожа, вытянутая голова с кожистым гребнем. Один глаз – карий, другой – белесый. Нос – две дыры, из-под раздвоенной верхней губы – четыре длинных резца. На мощной груди – багровый нарост, толстое брюхо, покрытое темными пятнами, острый, как у животного, пенис, беспальные ступни с кривыми когтями.

– Прочь! – бросил Наместник.

Магхар отскочил в сторону.

Когда они проходили мимо, Эрд вблизи посмотрел на отвратительную морду чудовища. Магхар следил за Наместником. Красный язык свешивался на подбородок.

Еще несколько залов. И – высокая дверь с причудливыми серебряными узорами. Наместник и Эрд вошли внутрь. Собаки и слуги остались снаружи.

Здесь было светло. В резные, янтарного цвета панели были встроены плафоны из алебастра. В каждом горел погруженный в масло фитиль. В центре комнаты располагался шестиугольный бассейн, а в нем – спящая девушка.

Совершенно нагая, золотистокожая, сначала она показалась Эрду не старше двенадцати лет. Но потом он вспомнил, что на теле конгаек волосы не растут.

– Подойди ближе, светлейший, – предложил Наместник. – Оцени, насколько она прекрасна.

Светлорожденный подошел ближе. Светлые длинные волосы девушки плавали на поверхности воды, как дикий водоросли. Она действительно была очень красива. Эрд не сразу обратил внимание на ее руки. Узкие длинные ладони и... четыре пальца! Четыре точеных пальчика с перламутровыми ногтями на каждой руке! Фьэль! Пораженный Эрд посмотрел на Наместника, и тот кивнул:

– Да, светлейший, фьэль! И она будет твоей, если пожелаешь. Твоей на целые сутки – с восхода до восхода. И еще открытая подорожная Конга.

– А взамен?

– И взамен – немало. Твоя спутница, светлейший! Не спеши, – воскликнул он, заметив, как гневно сузились глаза Эрда. – Здесь не оскорбления чести, светлейший! Она не жена твоя и не возлюбленная, верно? Да, я прошу ее. На одни сутки. А взамен даю фьэль. Настоящую фьэль, которая спит и видит волшебные сны, даже когда глаза ее открыты. И она будет покорна тебе. Власть моего мага, Срезающего Плоды, – на ней. Фьэль, светлейший! Кто из твоих высокочтимых предков мог сказать, что обладал фьэль? Взамен же – только женщина. Прекрасная, как горный цветок, но всего лишь женщина! Мой личный маг (хотя кто знает, может это я – его личный Наместник?) сделает так, что она ничего не будет помнить, только то, что внушит ей маг. Она вернется к тебе без малейшего ущерба, духовного или телесного. Вернется такой же, как ушла, – чистой и прекрасной. Это будет честный обмен, светлейший! – Выпуклые глаза конгая заблестели от возбуждения. – Уступи моей прихоти, и ты получишь то, что желаешь. Подорожную и маленькую волшебницу-фьэль. И еще приобретешь друга.

Эрд повернулся в бассейн. Дивное создание плавало в своем золотистом ложе. Кончики острых грудей выглядывали из воды. Нежное, с перламутровым отливом лицо спящей принцессы из древней сказки.

Эрд покачал головой.

⁵ Магхар – существо, разумное или не разумное, порожденное магией, не обязательно злой. Магхаром также называют человека, чьи необычные способности вызваны не его собственной магией, а чужим, внешним колдовством. В большинстве государств Мира магхары подлежат уничтожению.

– Ты щедр, – сказал он. – Но мы, светлорожденные, не торгуем женщинами!

– Напрасно, светлейший! – Наместник не скрывал своего недовольства. – Я хочу эту женщину, и я не привык отказывать себе в подобных желаниях!

– Многим приходится привыкать и к более неприятным вещам, – произнес светлорожденный и зевнул, прикрыв рот ладонью. На конгая Эрд не смотрел, он смотрел на фьэль.

Лицо Наместника потемнело от гнева.

– Ладно, светлейший! Ты сам выбираешь свою судьбу! Ты пришел в мой дворец по моему желанию. Я рад. А теперь попробуй выйти из него – по собственному желанию!

Эрд перевел взгляд с фьэль на ее хозяина и улыбнулся. Они вдвоем в этом зале. И ничто не мешает светлорожденному отсечь лысую голову Наместника Алана. Но это слишком скучно.

– Если ты рассчитываешь на своего магхара – пошли со мной твоих псов, – сказал светлорожденный. – Им понравятся его внутренности!

– Ну что ты, – произнес Наместник. – Это было бы несправедливо!

Он подошел к двери, противоположной той, через которую они вошли, и распахнул ее:

– Прощай, светлейший!

Эрд молча покинул зал.

Наместник Алан удивился бы, узнав, что не испугал своего гостя, а сделал ему подарок. То, что другому показалось бы ужасным, для светлорожденного было наслаждением! Лишь в минуту подлинной опасности он жил по-настоящему. Эрд любил искусство, женщин, свой род и землю отцов. Но еще больше он любил, когда Смерть шла по его следам.

Стремительно и бесшумно двигался Эрд по темным покоем дворца. Узкие ноздри втягивали воздух, губы изогнулись в свирепой счастливой улыбке. Мрак не смущал его. Как всякий воин, Эрд немало времени провел, тренируясь с завязанными глазами: тело лучше глаза знает, куда направить меч.

Упругая петля упала на шею Эрда. Упала – но не затянулась. Круговым взмахом меча воин отсек аркан. Отсек и замер, прислушиваясь.

Но ни одного звука не доносилось из темноты. Эрд шагнул вперед... и что-то маленькое и быстрое бросилось ему под ноги. Взмах белого клинка, визг! Дальше!

Плита под ногой едва заметно подалась, щелчок... Эрд успел припасть к полу, и стрела арбалета-ловушки пропела впустую. Дальше.

Шаги позади. Эрд не остановился и не обернулся. Шаги – ближе. Двое. Они еще не напали, а воин уже определил по звуку: сети и короткие копыя. Опасное оружие. Особенно когда его использует тот, кто видит в темноте, против того – кто не видит. А ведь крадущиеся за светлорожденным наверняка получили зелье, сделавшее их зрячими в ночном мраке.

Даже Эрд мог бы потерять жизнь. Если бы не Белый меч, совершенное, никогда не тупящееся лезвие. Уловив момент, воин присел. Брошенное копьё пролетело над ним. Эрд выпрямился. Взмах – и отсеченный наконечник второго копыя ударился о стену. Мелькание белого клинка – прием «серебряный конус», – и ошметки сети полетели в разные стороны. Выпад – укол – стон. Топот бегущих ног. Дальше.

Негромкое рычание. Гнилостный запах. Леопард? Кугурр?⁶ Слева-впереди. Прыгнет?

Эрд набрал в грудь воздуха – и свирепый рев Серого Убийцы, громадного ящера северных лесов, прокатился по дворцовым залам. Затем – пульсирующая в ушах тишина. Прыгнет? Пятясь, чтобы не поворачиваться спиной, Эрд отступил в следующий зал. И увидел окно. Большое окно, затянутое шелковой кисеей. Окно, ведущее в парк. И еще – Серого Убийцу, словно вызванного его криком. Двадцать локтей могучей плоти. Под самый потолок. Огромная круг-

⁶ Кугурр – хищная кошка, напоминающая бенгальского тигра, но значительно крупнее, матерые самцы весят до четырехсот килограммов.

лая голова с разинутой пастью... Не задумываясь, Эрд выбросил руку с мечом, целя вверх, в светлое горло. Удар – и прыжок назад, чтобы уйти от цепких лап.

Меч пронзил пустоту. Иллюзия! Ну конечно! Присутствие крысоподобного магхара так поразило Эрда, что он был готов встретить кого угодно. Хоть воплощенного демона!

Светлорожденный прыгнул сквозь наваждение, разорвал кисею и полетел из окна вниз. Упав на траву, Эрд припал к земле, огляделся. Никого. Перебегая от дерева к дереву, он добрался до ворот.

Здесь Эрд выпрямился, вложил меч в ножны и неторопливым шагом вышел на освещенное пространство.

Три солдата и начальник стражи. С ними он справится.

Однако сотник вежливо коснулся рукой шлема и сделал знак солдату: выпустить.

Эрд ощутил разочарование.

Из дымчатых сумерек (до рассвета осталось немного) вышел Нил, ведя в поводу двух оседланных пардов.

Не сказав друг другу ни слова, они вернулись в гостиницу. Подъемник, двигателем которому служила пара волов, поднял их на третий этаж.

Первым делом Эрд сбросил с себя одежду и окунулся в подогретую воду бассейна. Нил принес ему кусок холодной говядины. Лежа в теплой воде, светлорожденный жевал жесткое мясо и думал о фьёль.

Когда вода остыла, Эрд вытерся и лег в постель. Нил к этому времени уже давно спал в своей каморке у двери. Пушистый песик-следопыт свернулся у него в ногах.

III

Когда Неизъяснимый создавал Мир, он разделил Твердь на три части: Белую, Красную и Черную. Об остальном позаботился Царь демонов.

Пословица

Утреннее солнце не разбудило Эрда – разбудил его Нил.

– Светлорожденный, наш вчерашний знакомец Начальник Гавани Шинон приглашает тебя и меня на завтрак!

– Шинон? – мгновенно проснувшись, Эрд скатился с ложа, встал на руки и сделал несколько шажков. Нил с удовольствием смотрел на него. Оттолкнувшись ладонями, Эрд одним гибким движением встал на ноги.

– Прислал бегуна? – спросил он.

– Да, светлейший.

– Хорошо, – светлорожденный натянул малиновые трико и стал зашнуровывать рубашку. – Нил! Мне снился сон... Я видел бога. Или демона. Без атрибутов их сам Тур Быкоглавый не разберет. Нет, скорее это был бог. Выглядел, как дитя. Немного похож на ту девочкуфьель...

– Какую девочку, светлейший?

– Ты не знаешь. Расскажу. Потом. Ребенок. Мальчик. Огромный, как бог, и холодный, как зима Имирова моря. Взял меня, как ты взял бы мышонка, и держал перед своим лицом. Долго. Потом разжал руку, я полетел вниз... Ты разбудил меня. Что скажешь, Нил? Вы, вагары, разбираетесь в снах.

– Я вагар лишь наполовину, светлейший, – покачал головой великан. – Думаю, тебе следует рассказать свой сон Этайе.

– Этайе? Зачем?

– Слышал я, она зналась с магами Руны. Может, даже взошла на лестницу мудрости.

– Женщина? Не может быть!

– Так говорят, светлейший.

– Что ж... Может, и правда. Игра ее чудесна. Не удивлюсь, если здесь не обошлось без чар. Бегун внизу?

– Как и парды, светлейший.

– Как почивали наши друзья?

– Полагаю, хорошо. Управляющий сказал: каждый завтракал у себя. Госпожа велела не беспокоить, а Биорк ушел. Передал – вернется к полудню.

– Ты распорядился по поводу обеда?

– Да, светлейший. Мы не разочаруемся. Фарангские повара знают свое дело.

Смуглокожий посланец бежал впереди, стараясь держаться подальше от клыков пардов. Лопатки его ритмично двигались. Редкие прохожие, в большинстве – мужчины в набедренных повязках и с нарисованным на лбу знаком ремесла, уступали им дорогу. Иногда всадникам приходилось наклоняться, чтобы не задеть головами ветви деревьев.

Дом Начальника Гавани был прекрасен. Возведенный из желтого песчаника, сверкающий позолотой лепных украшений под плавными линиями нежно-голубой крыши, он наполовину утопал в синей листве. Эрд нашел, что дом этот, безусловно, совершеннее, чем огромный Дворец Наместника. Ничего сверх необходимого для гармонии.

Хозяин встретил гостей у входа. Два боевых пса мраморной масти, неперенные спутники конгского вельможи в его доме, вежливо обнюхали северян. После обмена приветствиями хозяин и гости поднялись на просторную террасу второго этажа.

Стол был накрыт в тени цветущих крон. Трое мужчин и одна женщина уже сидели за столом. Двое были военными. Увидев Эрда и Нила, они поднялись. Третий мужчина и красивая женщина в конгской распашонке и короткой шелковой юбке остались сидеть.

– Ганг, начальник войска, Бронзовый Дракон! Приветствие! – отрывисто произнес старший военный с квадратным лицом, толстыми губами и багровым шрамом на подбородке.

На рукаве у него блестел золотом «строенный меч» – знак начальника тысячи.

– Сотник КоноЕн из моряков-воинов, – представил Шинон второго, – молодого, быстрого в движениях, с лицом мужественным, но не жестоким.

Третий мужчина Эрду не понравился. Мелкие черты очень смуглого лица носили отпечаток давней привычки повелевать, но были лишены благородства. Узкие губы маленького рта дернулись, изобразив улыбку. Глаза, два серых ледяных озера, не выразили ничего.

– Даг! – негромко произнес он, дотронувшись до шейного медальона – бронзового Спящего Дракона на голубой эмали. – Моя жена, – небрежный кивок в сторону женщины.

«Ого! – подумал Эрд. – Считая хозяина, целых три Бронзовых Дракона – за одним столом!»

Взгляд конгайки перепрыгивал с Нила на светлорожденного и обратно, пока не остановился окончательно на Ниле. Цепкий. Изучающий. Волнующий.

Как принято в Фаранге, первая часть завтрака прошла в молчании. Лишь когда гости утопили голод и был принесен десерт, по знаку хозяина появились музыканты. Тоже традиция. Если бы это был обед, Шинон позвал бы актеров или кукольников. К ужину «подавались» певцы или, в очень богатых домах, – певцы-волшебники, скадды.

Первым нарушил молчание чиновник:

– Я слышал, светлорожденный Эрд провел ночь во дворце опоры Великого Ангана?

Светлорожденный кивнул.

– У лучшего из нас забавные причуды. Тебе понравилось, светлейший?

– Мне они не показались забавными, почтенный Даг. Я скучал.

– Вот и мы любим Великого Ангана – каждый на свой вкус, – заметил Даг.

– Любовь имеет много оттенков, – вставил старший военный. – Мы, например, уважаем воинов империи.

– Даже когда видим их мечи, – добавил Шинон и усмехнулся.

– Доблестный Шинон готов поручиться за тебя, светлорожденный, – сказал чиновник. – Пусть нас оставят.

Хозяин жестом удалил музыкантов.

– Я мог бы помочь тебе, – продолжал Даг. – В этом городе правит достойнейший из нас, но за верность Фаранга и его неприступность отвечаем мы. – Шинон и Ганг согласно кивнули. – Я поразмыслил, что можно сделать для тебя. Если сочту нужным. Одно скажу уже сейчас: ты не исчезнешь.

По лицам присутствующих Эрд понял: конгай сказал нечто важное.

– Не смею оскорбить светлейшего расспросами о его достойной родине, – сказал Ганг. – Но если светлейший не возражает, все, что к юго-востоку от империи, – крайне интересно для нас.

«Часть платы за подорожную», – сообразил Эрд.

– Знания мои невелики, – ответил он. – Но если достойных интересуют взаимоотношения Гурама и Эдзама,⁷ то могу поделиться тем, что знаю. Я посетил их столицы по велению императора три луны тому назад.

И Эрд рассказал все, что счел нужным.

Даг и Ганг казались удовлетворенными.

Завтрак завершился в приятной беседе. Эрд поведал несколько забавных историй из жизни Императорского Двора, а Шинон с большим юмором рассказал, как он, в бытность флагман-капитаном Фарангской эскадры, подстерег у Южных берегов три пиратские шекки, захватил их и сжег, а пленных привязал в канату, спущенному за борт, и все конгайские моряки до заката наслаждались зрелищем.

– Клянусь сосцами Морской богини, до этого я еще никогда не видел сытых акул! – завершил Начальник Гавани.

– Не знаю, суждено ли мне вернуться в империю, но если вернусь, ты, доблестный Шинон, – желанный гость в моем дворце, – искренне произнес Эрд.

– Благодарю, светлейший! Да будет с нами милость богов!

* * *

– Думаю, ты напрасно сказал «нет», светлорожденный, – заметила Этайа, когда Эрд рассказал им о событиях ночи и своем сне.

– Он не мог поступить иначе, – сказал вагар, – хотя и не знал, что сделка была нечестной.

– О чем вы? – спросил Эрд.

– Госпожа полагает, что ты должен был согласиться на предложение Наместника (Эрд удивленно посмотрел на женщину). Хоть он и пытался обмануть тебя: то была не фьэль, а обыкновенная девочка, над которой потрудился маг. Ты ошибся. Но поступил как должно. Теперь судьба твоя – в руках Неизъяснимого.

– А ваша?

– О нашей твой сон не говорит. Отказавшись от покровительства Наместника, ты отдал себя (и нас, разумеется) на милость того, чье имя – Даг.

– Милость – неподходящее слово, – сказала Этайа. – Но выбор не так уж важен – и тот и другой служат Пути Тьмы.

– Ты говоришь о маге?

– Нет, о людях. Знак мага скрыт от меня. Но он не слишком силен...

– Да?

– ...иначе ты не ушел бы так легко, – сказал вагар. – Создавать иллюзии могут даже вагары.

– Мне приятно это слышать. Особенно то, что ты, владея магией, скрыл это от меня!

– Не обижайся, светлорожденный Эрд! Моя магия сродни твоей: я воин.

– Мне ли этого не знать!

– Отец! – вмешался Нил. – Пирог с телячьим паштетом лучше всего есть, пока он горячий. Если мудрость ваша обратилась к прошлому, ее можно совместить с обедом.

Трех перемен блюд оказалось довольно для всех, кроме Нила. Великан при необходимости мог поститься несколько недель, но, когда была возможность, ел самое меньшее за четверых.

⁷ Гурам и Эдзам – два независимых государства на севере Красной Земли – материка, расположенного по другую сторону моря Зур.

Отдав должное кушаньям и напиткам, светлорожденный откинулся на спинку стула и пропел первые строки баллады о Вэрде Смелом:

– Кипят цветные облака Страны Туманов.
Рычит река, течет река к Таайдуану...
Рычит и скачет, словно пард, и камни месит.
А Вэрд идет, а Вэрд поет – он сыт и весел...

– Это ты о своей особе, светлейший? – невинно спросил Нил.

– О своем животе. Или ты забыл здешние традиции: музыка полезна для брюха, – ответил Эрд на морском жаргоне.

Трапезная – высокие окна, яркие краски, блестящий шелк и резное дерево – могла бы вместить две сотни пирующих. Но в этом двухъярусном зале Эрд и его спутники были одни, если не считать слуг и только что вошедшего мальчика-разносчика.

– Время поедает эту страну, – задумчиво пробормотал светлорожденный.

– Да, – согласился Нил. – Пованивает мертвечиной.

– Зато каковы эти деревянные колонны! Даже моим мечом не разрубишь с одного удара.

– Дерево иногда тверже человека, – заметил Биорк. – А иногда человек тверже дерева.

– Но кухня у них отменная, – подытожил Нил.

Этайа коснулась плеча вагара и легким кивком указала на мальчика-разносчика. Расстелив на полу кусок ткани, он, напевая, расставлял на нем деревянные резные фигурки.

– Останься сегодня со мной
В стране, где не знают о лишних,
Где полночь сиренево дышит
В раскрытое настежь окно.

Останься сегодня со мной,
Где тени бегучие рыжи.
Как много мерцает над крышей
Сквозящих в небесное дно...

Биорк и Этайа обменялись многозначительными взглядами.

– Светлейший, – тихо сказал вагар, обращаясь к Эрду. – Обрати свой слух к маленькому резчику.

Светлорожденный прислушался, и глаза его засияли.

– В страну опьяняющих снов
Кораблик – лимонная долька —
Умчит нас по небу, ты только
Останься сегодня со мной...

Мальчик продолжал петь, не замечая, что привлек внимание северян.

– Не скажу, что очарован голосом, – задумчиво произнес Эрд, – но песня хороша. Он мастер, клянусь переменчивым сердцем Морской богини.

– Ты почти прав, светлейший, – улыбнулась Этайа. – Нет, он не мастер. Но станет им, если воля сильных не оборвет его путь.

– Мое слово – тень твоего, благородная Этайа, – Эрд привстав, поклонился. – Ты – владычица звуков! Нил! Позови отрока!

Нил поднялся, подошел к мальчику, что-то ему сказал. Оборвав пение, тот робко посмотрел на светлорожденного. Нил слегка подтолкнул его вперед.

Тщедушный, длиннорукий, крупноголовый юнец вдруг вызвал у Эрда ощущение опасности. Может, потому что сам мальчик его боялся? Впервые Эрд подумал, что неосознанный страх, испытываемый многими при виде его, Эрда Асенара, возможно, происходит не из уважения к воину-аристократу. И Эрд еще раз удивился тому, что изуродованное лицо Нила совершенно не пугает слабых: детей, женщин, животных...

Между тем мальчик приблизился к столу и поклонился.

– Моим друзьям понравилась твоя песня, – произнес светлорожденный, стараясь, чтобы голос его звучал мягче, чем обычно. – Я хочу наградить тебя! Нил!

Гигант осторожно взял руку мальчика, перевернул ее ладонью вверх, вложил серебряную монету, двойной тенг, и сжал пальцы. Мальчик посмотрел на него снизу вверх. Борьба чувств отразилась на его подвижном лице.

– Нет! – сказал он наконец. – Благодарю тебя, мой господин: я не достоин. Прости. Это не моя песня, – и положил на стол нечаянное богатство.

Эрд усмехнулся.

– Честность и правда, – сказал он, – опасные друзья.

Мальчик задрожал. Рука Нила ласково коснулась его головы. А Эрд, удивив сам себя, снял с пальца одно из золотых колец, положил на монету и придвинул к мальчику. – Высока мера искусства. Но мера чести – выше. Клянусь Рогами Быка! Будь ты моим подданным, я возвысил бы тебя, но, – добавил он с сожалением, – кто же автор?

– Не спрашивай, господин! – прошептал мальчик, и на глазах его выступили слезы.

– Позволь мне, светлейший, поговорить с ним, – вмешался Нил, заметив в глазах Эрда зарождающийся гнев.

Светлорожденный кивнул.

Великан увел мальчика в одну из соседних стенных ниш.

– Ты голоден, брат? – спросил Нил, когда они сели за стол.

– Нет.

– Врешь! Когда я был таким же тощим юнцом, как ты (мальчик недоверчиво окинул его взглядом), я всегда был голоден. Эй, друг! – крикнул он слуге. – Еще две порции.

Когда мальчик утолил голод, великан сказал:

– Друзья зовут меня Нил!

– А меня – Соан.

– Мой господин, светлорожденный Эрд Асенар Элэкский, Аснорский и Моритский, очень любит музыку. Признаться, иногда мне кажется, что он немного сумасшедший. Ну, ты знаешь, все эти благородные – немного свихнувшиеся.

Мальчик кивнул.

– Но ты его не бойся. У нас в империи благородные не жрут людей, как у вас. Он тебя не обидит. А поможешь – отблагодарит. Очень богатый, понимаешь?

– Да, господин.

– Нил!

– Да, Нил!

– Тот, кто сочинил песню, – твой друг?

Мальчик кивнул. Он хотел что-то добавить, но прикусил губу и с опаской огляделся.

– Мой господин желает видеть его. И уж если он чего желает, будь уверен – получит. А он прямо помешан на песенках. Твой друг хорошо поет?

– Как фьёлн! – воскликнул Соан и тут же съезжился от испуга.

– Мощь Быкоглавого, перестань трястись! – сердито произнес Нил.

Приблизив свое широкое белокожее лицо почти вплотную к лицу Соана, северянин процедил с угрозой:

– Скажи только, кого ты боишься, и я так его вздую!

Великан сжал кулак размером с голову собеседника.

– Не кричи, – сказал Соан. – Ты же чужой здесь. На этот раз твой господин ничего не получит. Он опоздал. – Губы мальчика предательски задрожали, но он справился. – Санти исчез. Три ночи назад.

– Значит, его зовут Санти? Уже лучше. Что значит – исчез?

– Тише! Иначе и ты исчезнешь. И твой господин. И я.

– Вот в этом, малыш, я очень сомневаюсь! – усмехнулся Нил. – А сейчас мы с тобой пойдем ко мне наверх и доберемся до сердцевины этого ореха. – И, не обращая внимания на слабое сопротивление Соана, увлек мальчика наверх.

Через полчаса он знал все.

* * *

– Так его звали Санти?

– Сантан, сын зодчего Тилода. Я учился у его отца. Видел ли ты дом Начальника Гавани Шинона, такой, с бирюзовой крышей, недалеко от порта?

– Его построил Тилод?

– И не только его. Как мог мастер Тилод исчезнуть? Он был так осторожен в словах. А Санти? Ему лишь семнадцать лет! Если бы ты знал его! Весь Фаранг поет его песни! Хочешь, я приведу его девушку, ту, что видела его последней?

– Нет. Объясни-ка мне лучше, что значит – «исчез»?

– Не знаю. Об этом не принято говорить, Нил. Пройдет месяц – и дом продадут. Считается – исчез, значит, пропал без вести. Мой отец говорил: кого-то из таких видели на болотах Юга. Ты уверен, что нас никто не подслушивает?

– Уверен. Если то, что я слышал о вашем Юге, – правда, им лучше было бы умереть.

– Что ты говоришь, Нил! Лучше быть живым на Юге, чем Великим Анганом – в Нижнем мире!

– Складно говоришь! Сам придумал? А кто твой отец?

– Моряк. Ходит помощником кормчего на торговом паруснике.

– Что ж ты подался в строители?

– Я слабый. Больной. Зато умею резать по дереву. Видел мои фигурки? Лучше всего у меня получаются собаки... и девушки!

– Да, славные.

Соан вздохнул:

– Знаешь, я отдал бы свое умение за твои плечи. Не смейся!

– Я и не смеюсь, брат. Дай-ка мне руку!

– Это зачем?

– Не трусь. Ты сказал мне то, что не сказал бы никому, верно?

– Ты чужеземец, Нил. А потом я знаю, что ты меня не выдашь. Не выдашь?

– Само собой! – великан похлопал его по спине. – Открою тебе тайну: во мне есть кровь вагаров. Слыхал о них?

– А то! Такие маленькие человечки с крысу размером и такие же подлые, – он осекся, испуганно посмотрел на Нила.

– Не болтай, если не знаешь! – строго сказал северянин.

– Прости меня, господин!

– Нил меня зовут! Давай руку. О! Из тебя выйдет толк!

- А что войдет? – попытался пошутить Соан.
- Остроумие. Смотри – вот линия здоровья. Она идет вверх. Болезнь выйдет из тебя, уже вышла. Сколько тебе лет?
- Шестнадцать, просто я медленно расту.
- Будешь расти быстро. Грудь по утрам болит?
- Бывает. Лекарь сказал: меня не вылечить.
- Знаешь, есть такой зверь – дикилидокс?
- У которого рот на хвосте?
- Почти. Черепушка у него маленькая, думает слабо. Мозги – в заднице. Как у твоего лекаря.
- Хи-хи!
- Не думай – не будешь болеть.
- А что, все вагары гадают по руке?
- Нет. Моя мать была прорицательницей в Орэлее, есть такой городишко у нас в Империи. А что, этих, исчезнувших, их кто-нибудь ищет? Друзья, родные?
- Что ты! Кто ищет – сам исчезает. Это всем известно! Хотя, знаешь, Тилода как раз искали! Начальник Гавани, Отважный Шинон. Он-то никого не боится. Но и он не нашел. А уж у Шинона свой человек за каждой дырявой стеной.
- А где жил Тилод? Была у него жена?
- Нет, они с Санти жили вдвоем. Вдвоем и исчезли. Дом его – приметный. И недалеко отсюда. Могу показать! – Соан оживился. От огромного северянина исходила такая уверенность... Как тепло от нагретой солнцем скалы.
- Не надо. Вот бумага – рисуй.
- ...Готово. Только ты уж, Нил, помалкивай...
- Не трусь, брат! Дать тебе еще денег?
- Хватит. Я теперь богач!
- Тогда я подарю тебе вот это.
- Что это?
- Оружие вагара. Иглы с ядом червя хум. Нажмешь сюда – выскочит игла. Их здесь – двадцать три. Число магов. Летит, учти, недалеко – шесть-семь шагов. Но если проткнет кожу...
- Убьет?
- Нет, усыпит. На полчаса. Нравится?
- А то!
- Всё, брат. Спасибо тебе. Храни тебя Неизъяснимый! Пойдем вниз!

IV

*Легче отыскать след, оставленный тенью пролетевшей птицы,
чем след вагара.*

Пословица

Биорк взбежал по ступеням. Какое-то время его темная фигурка отчетливо выделялась на фоне белой стены, затем исчезла за приоткрытой дверью. Тростниковый занавес – цветные соломины на шелковых нитях – прошелестел, раздвинутый руками вагара. Биорк застыл, прислушиваясь. Впрочем, вагар знал, что приставленный неизвестно кем соглядатай потерял его еще до наступления темноты.

В доме было пусто. И, конечно, темно. Но не для рожденного в утробе северных гор вагара. Тише, чем дикий кот, двигался Биорк по пустому дому. Тонкий слой пыли уже успел лечь на предметы. Никаких следов борьбы или поспешных сборов. Комната за комнатой, шаг за шагом, беззвучно и тщательно вагар обследовал все. Но тщетно. Ни малейшего намека на то, куда подевались хозяева. Лишь внизу, в спальне, в изголовье меньшей из кроватей, он нашел обрывок бумаги. Поднявшись на первый этаж, где мрак был не так густ, Биорк разобрал ровные строчки каллиграфического конгайского письма:

«Дверь плотней прикрой, дружок,
За собой.
Не споткнись о порожек,
Не споткнись.
Все ли твой вместил мешок?
Ведь не на дни,
Не на дни, а навеки ты ушел.
Бог с тобой!»

– Власть Незыяснимого! – прошептал вагар.

Этайа не ошиблась. Она не могла ошибиться. На мгновение бывший туринг ощутил пугающую раздвоенность. Он знал, что Этайа присоединилась к ним не ради определенной цели. Ее не волнует исток бешенства земных недр. То, что ее волнует, – глубже. И – непостижимо. Для людей. А вагары, они ведь почти люди...

Биорк бережно сложил обрывок и спрятал в сумку.

Прежде чем выйти, он остановился и впитал в себя наружные запахи и звуки. Что-то настораживающее было там. Но того, что неизменно выдает вагару готовящуюся на него засаду, – запаха страха – не было. И он шагнул наружу...

Мощнейший удар обрушился на голову Биорка. Сознание потухло, и вагар, скатившись по ступеням, ничком упал на камни. В себя он пришел от жестокого удара по спине. Биорк попытался встать на четвереньки, но новый удар – сапогом под ребра – свалил его набок.

– Вот живучий мальчишка! – сказал грубый голос на конгаэне, и вагар понял, почему они не боялись.

Сильная рука ухватила Биорка за шиворот и поставила вертикально. Он не сопротивлялся, выжидал. Тень скрывала его лицо от глаз напавших, зато сам вагар видел отлично: трое солдат – справа, слева, и еще сзади – тот, что держал. А прямо напротив – начальник, чиновник, судя по одежде.

– Ты, крысенок! Говори, что вынюхивал? – зашипел чиновник.

– Нужно обождать, достойный! – сказал тот, что держал. – Сопляк еще не очухался.

– Не учи меня, сын жабы! – огрызнулся чиновник и пнул Биорка ногой в пах. Точнее – попытался пнуть...

Лучше бы он этого не делал.

Пользуясь тем, что солдат все еще держал его на весу, вагар уперся спиной в его кирасу и выбросил вперед ноги. Страшный удар раздробил височные кости чиновника. Вскинувшись переворотом через голову, вагар оказался на плечах державшего его воина. Сдернув с солдата шлем, Биорк оглушил его ударом в затылок и встал на ноги прежде, чем тот упал. Солдат справа ткнул мечом, но вагар отвел удар боевым браслетом. Второй удар, слева, подсекающий колени... вагар подпрыгнул. Локоть его врезался в крепкий подбородок. Оттолкнувшись от головы мечника, он вскарабкался на террасу второго этажа, промчался на другую сторону дома, соскочил, мягко ударившись ногами о землю, и канул в темноту.

* * *

Эрд проснулся от шума на террасе. Верней, от едва слышного шелеста, производимого рукой, осторожно отодвигающей листья. Эрд нащупал меч, лежащий справа от ложа. Но едва он начал приподниматься, как широкая ладонь накрыла ему лицо. Запястье правой руки будто попало в тиски.

– Ч-ш-ш! – Широкое лицо Нила белело над ним в полутьме.

Совершенно бесшумно гигант прокрался к выходу на террасу. Между серебристыми листьями горшечных растений двигалась маленькая фигурка. Биорк. Эрд отложил меч и потянулся к светильнику, но вагар отрицательно покачал головой и показал на каморку Нила.

Песик-следопыт проснулся, приподнял острую мордочку, но, узнав хозяев, спрятал нос под пушистым хвостом. Тусклый свет масляной лампы отбрасывал длинные тени. Нил протянул отцу чашку с холодным кофе и горсть сушеных плодов. Кожаный пояс с коротким мечом – суортом, снятый Биорком, великан спрятал в шкаф.

Вагар ел и рассказывал.

– Я должен уйти, – сказал он в завершение.

Нил и Эрд не стали спорить. Мастеру скрадывания нетрудно сбить со следа охотников. Но столь же легко догадаться, кто убил чиновника. А уж тогда любой фарангский пес-следопыт живо опознает убийцу.

– Тебе надо изменить внешность! – сказал Нил.

Биорк потрогал бороду.

– Шестьдесят лет никто не видел моего подбородка, – пробормотал он.

– Подходящий случай показать мне свое настоящее лицо, отец! – ухмыльнулся Нил, доставая бритву. – Как бы оно нас не разочаровало.

– С тех пор, как тебя поцеловала корабельная мачта, ты, сынок, можешь потягаться красотой с кем угодно, даже с гигантской жабой из здешних болот, – парировал вагар.

– Тур любит мужественные лица! – примирительно произнес Эрд.

– Хочешь, светлейший, я расплющу твой благородный нос? – ухмыльнулся великан. – Пусть Быкоголовый полюбит и тебя!

Он отложил ножницы и взялся за кинжал, чтобы довести до конца работу брадобрея.

– Потрясатель Тверди может обидеться! – отказался Эрд. – Клянусь Рогами Тура, вагар, у тебя – Подбородок! Скажи, где ты намерен укрыться?

– Там, где меня не найдут, – лаконично ответил вагар.

– Я имел в виду: ты останешься в Фаранге?

– Да. Ты закончил, сын?

– Почти. Немного гиима.⁸ Удачно, что эти конгские парни так любят мазать физиономии. Все, отец. Теперь ты – очаровательный фарангский мальчуган. Никто не признает в тебе вагара... Если, конечно, будет стоять к тебе спиной.

Биорк взглянул в карманное зеркальце:

– Пойдет!

Он расшнуровал ремни боевого браслета, отделил от каркаса внутреннее лезвие и вынул шипы.

– Когда ты уходишь? – спросил светлорожденный.

– Сейчас.

– И оставляешь оружие?

– Я возьму нож и «язык змеи».

– Тебе хватит денег?

– Они мне вообще не нужны.

– Что же ты будешь есть? – изумился Эрд. – Только Неизъяснимый знает, сколько мы здесь проторчим!

– Украсть безопаснее, чем купить! – пояснил за отца Нил.

– Да хранят вас боги! – произнес вагар.

Маленький, худощавый, в коричневой набедренной повязке и конгской безрукавке-распашонке, вагар и впрямь походил на мальчишку.

– Храни себя! – отозвался Нил.

И вагар ушел – так же бесшумно, как и появился. Нил задернул паутинную кисею и отправился спать. Эрд последовал примеру Нила, но этой ночью сон его был беспокоен. Да и утро не принесло облегчения светлорожденному. Гнев ворочался у него в горле, как сгусток огненного зелья. Власть над судьбой ускользала от него, и не на кого было выплеснуть сжигающее его пламя.

Они завтракали вдвоем, в отгороженной занавесом нише. Ласковое тепло, исходившее от Этайи, и изысканная пища немного облегчили муки светлорожденного. Если б Эрд мог, он попросил бы женщину сыграть для него. Но наследнику Асенаров не подобало просить. А сама Этайа не предлагала. Тростниковый занавес отделял их от зала, и лицо женщины было открыто. Если ночные события и взволновали ее, то это никак не отразилось на облике светлорожденной.

– Ты все еще хочешь отыскать юношу? – спросила она Эрда. – Несмотря на неудачу Биорка?

– Да, – светлорожденный поковырял вилкой плавающие в соусе кусочки мяса и отхлебнул светлого вина. Эрд не заметил, как обменялись взглядами его спутники.

– Пошли бегуна к Шинону, светлейший, – посоветовал Нил. – Только сначала успокой свое сердце.

– Хочешь, я сыграю тебе? – предложила Этайа. – Чуть позже.

– Хочу. – Голос светлорожденного сразу потеплел.

За занавесом послышались шаги, и женщина поспешно закрыла лицо.

– Господин? – Сильный низкий голос принадлежал явно не гостиничному служке.

Занавес разошелся, и в нишу шагнул молодой офицер – тот, с кем они вчера завтракали у Начальника Гавани.

– Приветствие! – произнес он, коснувшись шлема.

– Привет тебе, Конон! – добродушно отозвался Нил.

Эрд и светлорожденная промолчали.

⁸ Гиим – темный пигмент.

– Здоровы ли твой скот, дети, жена? – осведомился великан.

Он шутил.

Если ритуальная формула пастухов Хуриды и была известна Конону, конгай этого не показал.

– Благодарю, достойный. Я не женат. – И – Эрду: – Носитель Бронзового Дракона Шинон прислал меня к тебе, светлейший. Не соблаговолишь ли посетить его?

Нил ухмыльнулся.

– В час послеполуденной трапезы? – недовольно спросил Эрд.

Он не любил, когда другие опережали его планы.

– Так скоро, как тебе будет угодно.

– Благодарю. Принимаю. Можешь идти.

Лицо офицера окаменело. Это было неуважение.

«Хорошо еще хоть монету не бросил!» – подумал Нил.

– Не хочет ли достойный Конон позавтракать с нами? – вежливо спросила Этайа.

Черты мечника смягчились.

– Благодарю, светлейшая, нет.

– Вина? – пророкотал Нил.

– Благодарю. Я дал обет не пить кровь винограда до праздника Плодов. – Он поклонился и вышел.

Нил догнал его в дверях, положил руку на закованное в броню плечо.

– Не бери в голову, командир! – сказал он дружелюбно.

Удивленный подобным обращением не менее, чем словами, офицер зыркнул снизу вверх на безбровое лицо гиганта.

– Мой господин опечален, – сказал Нил. – Этой ночью пропал наш друг, маленький воин Биорен!

Взгляд конгая стал острее его кинжала.

– Пропал?

– Его не было утром в апартаментах. И никакого сообщения. Мы обеспокоены. Очень обеспокоены, командир!

– Мой начальник также обеспокоен! – произнес конгай.

– Чем же?

– Богам известно. Благодарю тебя, достойный! – офицер резко поклонился. Гостиничный слуга подвел к нему парда, Конон вскочил в седло и пустил своего зверя рысью в сторону Гавани.

* * *

Комнаты Этайи внешне ничем, кроме размеров, не отличались от апартаментов Эрда. Но каждый раз, когда он входил сюда, то неизменно ощущал нечто, присущее только ей, Этайе. Шелковые ленты на деревянных панелях, запах цветов, ставший уже и не запахом, а тем особенным ароматом, которым отличны составленные настоящим мастером духи. Воздух, пятна света на ткани, все отдельные цвета, запахи, звуки вдруг приобретали гармонию, гармонию ее самой, Этайи. И всякий, в ком живо было ощущение прекрасного, мгновенно и безошибочно понимал: вот Единственное! Эрд знал: даже после того как светлорожденная покинет эту гостиницу, стены комнат будут помнить, будут хранить ее след.

Тонкие пальцы Этайи с жемчужными лепестками ногтей, нежные, почти светящиеся, поплыли над серебряными струнами. Тихие, осторожные, бережней первых ласк влюбленных, звуки плавали в теплом мире, смешивались, отдельные еще, но уже знающие о своем единстве.

Собственная сила гнала их, толкала, подхватывала...

Когда Эрд вновь ощутил себя, последние радужные шарики флажолетов таяли на поверхности тишины. Смутное недовольство, изнурявшее его, ушло и не оставило после себя опустошения – только бледную память, холодноватую и зыбкую, как лунный свет.

Когда желание перестает быть прихотью, оно становится Целью. Этайа, положив на колени чернолаковую ситру,⁹ смотрела на светлорожденного искрящимися глазами, и Эрд понимал ее молчание лучше, чем собственные мысли.

* * *

Пламя полуденного солнца разбивалось о глянцевые листья деревьев. Два парда, низко опустив головы, отчего шерсть на их загривках вздыбилась пыльной щеткой, неторопливо бежали по шероховатым шестиугольным плитам. Всадники мерно покачивались в высоких седлах под монотонный скрип седельных пружин. Зной опустошил улицы Фаранга. Рубашка Эрда намочила от пота. Он с завистью поглядывал на Нила, на котором не было ничего, кроме набедренной повязки и сапог для верховой езды. Ни одной капли пота не выступило на коже гиганта, все такой же бледной, несмотря на свирепость прямых солнечных лучей. Причудлива воля богов: удивительней магхара спутник светлорожденного Эрда. И страшнее магхара – если стоять против него с обнаженным мечом.

Всадники въехали в ворота, и прохлада парка укрыла их.

Три молодых длинноногих пса выскочили на аллею и, вихля костлявыми задами, запрыгали впереди. Парды недовольно зарычали.

На этот раз Шинон не встретил гостей лично, а прислал домоправителя, долговязого тонколицего конгая с морщинами на лбу и разводами смытого потом грима на осунувшемся лице.

«Должно быть, в это утро ты побегал немало!» – подумал светлорожденный.

Учтиво поклонившись, конгай проводил их на террасу второго этажа. Обменявшись приветствиями с хозяином, гости расположились в высоких креслах, обитых черным холодным шелком. Две молоденькие девушки-прислужницы подали гостям фрукты: виноград, маленькие сладкие бананы, красно-зеленые манго, гладкие, почти фиолетовые, конгские персики.

– Рад вновь встретиться с тобой, светлорожденный Эрд! – жизнерадостно произнес хозяин.

– Как и я, достойный Шинон!

– Слышал, ты потерял слугу?

– Друга.

– Пусть так! – согласился Начальник Гавани.

Он взял круглую чашу с двцветным лаковым рисунком, налил в нее сваренного с корицей холодного кофе, добавил подслащенного лимонного сока, сделал глоток.

– Я могу помочь тебе.

– Был бы признателен, – спокойно ответил светлорожденный.

– Он – в храме Быкоглавого! – без всякой интонации произнес Шинон. И откинулся на спинку кресла, наслаждаясь произведенным эффектом.

– Да? – вежливо удивился светлорожденный. – И что же он делает там?

– Полагаю, подметает полы. Или задает корм быкам.

– Не думаю, что это так, – столь же вежливо возразил Эрд. – Это работа мелкого служки, а не воина.

– Напротив, это очень разумно с его стороны! – сказал Шинон, продолжая наслаждаться ситуацией. – Прошлой ночью у дома одного из достойных граждан Фаранга был убит человек.

⁹ Ситра – струнный музыкальный инструмент, напоминающий гитару, но лишенный ладов.

– Рад, что такое событие – редкость в Конге! – отреагировал северянин.

– Не просто человек, – продолжал конгай, не обратив внимания на реплику, – а доверенный чиновник очень влиятельного в городе лица. И мне известно, кто убил его.

– Кто же? – поинтересовался Эрд.

Начальник Гавани покосился на Нила, с безмятежным видом развалившегося в кресле, и решил, что если Эрд доверяет этой горе мускулов, то и у конгая нет оснований сомневаться в огромном воине.

– Прости, светлейший, мою прямоту – тебе это известно не хуже, чем мне, – сказал он.

– Достойный Шинон так полагает?

Начальник Гавани поднялся. Вежливая улыбка на загорелом лице, серые веселые глаза сощурены:

– Светлейший, мои люди следили за этим домом!

– Сожалею, что погиб твой человек, – серьезно проговорил Эрд.

– Я не держу дураков! – Шинон наклонился над сидящим светлорожденным. – Им приказано было следить, а не хватать! И они следили. И узнали твоего друга. И были достаточно умны, чтобы не бегать за ним по Фарангу, как полоумные крысы. Нет! Они отправились прямо к «Доброму приюту» и нашли то, что требовалось. Ты хочешь что-то сказать, светлейший?

– Нет. Я внимательно слушаю тебя, достойный Шинон!

Начальник Гавани придвинул свое кресло вплотную к светлорожденному.

– Так, благородный Эрд! – произнес он мягко, почти интимно. – Тебе наверняка уже сказали, что зодчий Тилод – мой друг. И сказали, что я ищу его. А ты?

– Я ищу его сына, – прямо сказал северянин.

– Это одно и то же. Ты можешь отправить в Нижний Мир столько чиновников, сколько тебе заблагорассудится. Для меня они не дороже собачьего дерьма. Я хочу, чтобы ты нашел Тилода!

– Разве пришельцу из Империи это сделать легче, чем Носителю Бронзового Дракона? – спокойно спросил Эрд.

– Я ищу его, светлейший. И у меня лучшие сыщики в Фаранге – кое-кому совсем не по нраву платить пошрины. Но меч мой – в ножнах закона. Я не желаю из Носителя Дракона превратиться в корчевщика на южных болотах. Я знаю, кто в Фаранге занимается чистотой помыслов. И ты знаешь...

– Я? – искренне удивился Эрд.

– Разве Даг сам не сказал тебе об этом? – в свою очередь удивился Шинон.

– А-а! – внезапно Эрду стала понятна реплика неприятного господина Дага. «Ты не исчезнешь».

– Даг здесь ни при чем! – уточнил Начальник Гавани. – Он сам вынюхивает. Это его прихвостня прикончил вчера ночью твой друг. – Шинон улыбнулся. – Отличный удар! Я рад: Хунхон был редким ублюдком. Даг, безусловно, огорчен, но не я!

Шинон поднялся, прошелся по комнате и добавил более спокойным тоном:

– Найди мне их, светлейший. Все, что могу сделать для тебя, – сделаю.

Появился домоправитель.

– Носитель Бронзового Дракона Даг, мой господин! – сказал он.

– Сын слизняка и крысы! – выругался Шинон. – Он наверняка знает, что ты здесь, светлейший!

– Сказать: тебя нет, господин? – осведомился домоправитель.

– Кто с Дагом? Воины?

– Только телохранитель.

– Пасть Равахша!¹⁰ – Шинон задумался. – Ладно, веди!

– Я сказал, светлейший, – ты слышал! – прошептал он.

Эрд кивнул.

Нил, все это время молча сидевший в своем кресле, вдруг ударил себя по ляжке и захохотал. Как раз тогда, когда на террасу вышел Даг в сопровождении громадного бритоголового конгая с расплюснутыми ушами.

Сановник уставился на веселящегося Нила, потом – на светлорожденного. Дождавшись, когда Нил перестанет смеяться, Даг велел телохранителю подать кресло и уселся.

– Приветствую тебя, Шинон! – сказал он сердито.

– Приветствую тебя, Даг!

– Хочу поговорить с тобой, Шинон!

– Что ж, говори! – радушно отозвался Начальник Гавани. – Слушаю.

Чиновник бросил косой взгляд в сторону аристократа.

– Не тревожься, светлейший! – сказал Шинон. – Вряд ли светлорожденного Эрда интересуют наши сплетни. К тому же я не окончил своей беседы с ним – прости, ты пришел неожиданно. Если благородный Эрд позволит просить его подождать, пока ты изложишь свое, безусловно неотложное, дело... – он повернулся к светлорожденному.

– Разумеется, отважный Шинон, я подожду!

Почувяв в голосе Начальника Гавани ту твердость, против которой идти не стоило, «блюститель помыслов» смирился. И настроение его от этого не улучшилось.

– Может, и хорошо, что ты здесь, Эрд Асенар! – проворчал он. – У меня есть к тебе вопросы. Неприятные вопросы.

Светлорожденный вежливо улыбнулся.

– Ты слышал, Шинон, – ночью убили моего доверенного? – Даг выругался. – Ты не знаешь, кто в этом замешан?

– Нет, светлейший Даг!

– Мои люди... вернее, солдаты, переданные мне Гангом, упустили убийцу.

– Удивительно! – пособлезновал Шинон. – Такие опытные воины!

– Они наказаны. И преступник тоже будет наказан. Торон, – Даг ткнул пальцем за спину, в сторону бычьешеего телохранителя, – кое-что подсказал мне!

– Что же? – с интересом спросил Начальник Гавани.

– Говори! – велел сановник.

Детина кашлянул.

– Мангхэл-серк! – сказал он сипло. – Я дрался с парнем из северян. На больших состязаниях три года назад. Он хвастал, что знает тайное искусство вагаров. Он ударил ногой Хета Гурамиди и убил его. Точно так, как убили этого недоноска Хунхона. Мангхэл-серк! Этот парень из империи напился и орал на весь кабак. Хо! – Пасть Торона растянула улыбка. – На следующий день я с ним боролся. И свернул ему шею! Вот так схапал его за патлы, – мощные руки Торона сжались в кулаки, – и свернул ему шею! Насрать мне на всех вагаров! – Он вызывающе оглядел развалившегося в кресле Нила. – И на всех беложопых из империи тоже насрать!

– Заткнись, – деловито сказал Даг. – Скажи мне, благородный Эрд, кого ты привез в Конг? Ты привез вагара? Твой приятель – вагар?

– Он стоял за моей спиной в битве, – спокойно ответил светлорожденный. – И видишь: я жив. Я не спрашиваю своих побратимов, кем они рождены.

– Ты лжешь мне, имперец!

Нил неспешно поднялся на ноги.

¹⁰ Равахш – бог южных джунглей Черного материка. В Конге – одно из самых нелюбимых божеств.

– Так ты назвал светлейшего лжецом? – проговорил он с ленцой.

– Говори, северянин! – рявкнул Даг, не обращая внимания на Нила. – Где он? Где твой вагар?

Гигант сложил на груди могучие руки.

– Ты сказал: светлейший лжет? – повторил он громче. – Это очень невежливо.

Бритоголовый Торон вышел из-за кресла.

– Заткни пасть, плоскомордый! – рявкнул он.

– Всыпь ему, Торон! – велел Даг. – Он такой же недоносок, как и его хозяин!

Прежде чем он успел закрыть рот, Нил прыгнул вперед, смахнул в сторону бритоголового, как деревянную куклу, и сгреб «блюстителя помыслов» за отвороты куртки. Вздернув вверх, гигант потрянул его так, что челюсти сановника громко лязгнули. Подскочивший Торон ударил Нила кулаком в висок, но великан обратил на него не больше внимания, чем на летучую ящерицу.

– Я вырву тебе язык, паскудник! – проникновенно говорил он Дагу, тряся его при этом, как пес крысу. Торон зарычал и ударил Нила сдвоенными руками по затылку. Тут наконец гигант соизволил обратить на него внимание. Продолжая одной рукой держать обмякшего чиновника, он повернулся и коротким ударом в челюсть отбросил конгайского силача.

Торон отлетел назад, врезался спиной в деревянную оградку террасы. Резные перила с треском переломились, и бывший борец Торон рухнул вниз, на вымощенную розовыми плитками дорожку.

– Прошу меня извинить за причиненный ущерб! – церемонно произнес Эрд, обращаясь к Шинону.

– Пустяки! – отозвался Начальник Гавани. – Ради такого зрелища я готов пожертвовать любым предметом в этом доме! Но попроси воина положить почтенного Дага обратно: я не хотел бы, чтобы пол был загажен, – это очень дорогая ткань, настоящий тайский шелк.

– Оставь его, Нил. Он сожалеет, – сказал светлорожденный.

Гигант неохотно отпустил чиновника.

– Запомни! – прорычал он в красное, с выпученными глазами лицо. – Если ты еще раз оскорбишь светлейшего Эрда, я вот этой рукой откручу твой мерзкий член!

Даг с натугой дышал, вцепившись рукой в левую сторону груди. Вряд ли он сейчас что-либо слышал.

– Пожалуй, я позову лекаря, – сказал Шинон.

Светлорожденный встал, подступил к краю террасы и взглянул вниз.

– И трупноноса, – сказал он. – Похоже, день так же неудачен для людей уважаемого Дага, как и ночь.

Ни Эрд, ни Шинон не заметили, как переменялось при этих словах лицо Нила. Смерть Торона совсем не входила в его планы.

– Похоже, – согласился Начальник Гавани. – Однако на сей раз ты можешь не беспокоиться: храбрый Даг ничего никому не расскажет. Позор у нас в Конге стоит крыльев Дракона. Но, – Начальник Гавани усмехнулся, – подорожной он тебе тоже не даст.

Большелапый пес-однолеток подбежал к лежащему лицом вниз Торону и обнюхал его. Потом лизнул алую лужицу, натекающую из-под головы борца.

Шинон перевел взгляд на хрипящего человека.

– Лекаря! – приказал он возникшему домоправителю. – И поживей! Я не хочу, чтоб он умер в моем доме!

Даг смотрел на Шинона налившимися кровью глазами. Он силился что-то сказать, но ничего, кроме невнятного клекота, не вырывалось из отдавленного горла. Шинон достал из кармана его куртки плоскую шкатулку и вытряхнул на ладонь коричневый шарик. Даг не сводил с него выпученных глаз. Эрд заметил, что правый зрачок сановника косит.

Оттянув Дагу нижнюю челюсть, Шинон бросил ему в рот коричневую пилюлю.
– Хорошо, что я не женат! – сказал он.

V

«Эй-арк разгреб светящийся песок и выдернул сочное тело гриба.

– Видишь? – указал Ман-Таут ученику. – Жизнь поддерживает жизнь даже там, где стоит печать Смерти.

– Ты полагаешь это жизнью, владыка? – ученик смотрел на жрущего магхара.

– Не будь тебя, он занял бы твоё место. Не будь также и меня, моё место – его!

Эй-арк запихнул в лягушачий рот последний комочек гриба и облизнул мохнатые пальцы.

– Он отвратителен! – сказал ученик. – Позволь, я убью его.

– Убей, – согласился Ман-Таут. – Зачем копить желания?

Ученик приблизился к магхару и плеснул волшебным огнем на скошенный затылок. Белое пламя вспыхнуло, магхар подскочил, дико завизжал, заплясал по песку, распространяя запах горелой шерсти. Ученик брезгливо отвернулся.

Но Ман-Таут продолжал смотреть. И вот охваченная огнем чернеющая оболочка надорвалась, как яищичье яйцо, а из пульсирующего багровым пламенем разрыва поднялась в флюоресцирующий воздух огненная тень развоплощенного Демона. Миг-другой очертания ее метались, как чудовищный факел в бурю. Затем Демон обрел подобающую форму. Горящие глаза его описали круг: огненная плоть упала на ученика и всосала его, как пасть дикилидокса всасывает ил. Ман-Таут предусмотрительно заслонился щитом заклинаний, но в этом не было необходимости: Демон узнал его.

– Владыка, – шепнул Ман-Таут. – Так ли содеяно?

Щель на лице Демона разошлась, и желтый дым на миг заслонил хищное светило Проклятой земли, выпрыгнувшее из-за кромки гор.

– Сделано, раб! – прогремело в мозгу Ман-Таута.

Демон развернул угловатые, цвета тлеющих углей крылья и полетел в сторону пульсирующих злым огнем развалин. Ман-Таут последовал за ним».

Сантай Темный. Праздные маги.

Глава «Цепь послушания»

Биорк солгал бы Эрду, если б сказал, что не знает, куда пойдет. И он не был бы вагаром-воином, если бы еще вчера не отыскал место, где найти его будет так же трудно, как упущенную рыбу – в океане. А нашедши – еще труднее схватить. Храм Быкоглавого! Многолюдный, общедоступный Дом Могучего, где никто не удивится чужеземцу или мальчишке-бродяге, храм, постоянно испытывающий нужду в руках для черной работы, ибо бог Силы, как всем известно, не любит рабов. Храм Быкоглавого примет любого, кто пожелает скромно служить ему. И на территории его фарангские стражники – всего лишь почитатели бога, уважаемого как земледельцами, так и носителями мечей.

Когда Биорк подошел к храму, огненный шар солнца еще не выглянул из-за горизонта. Но толпы людей уже стекались к святилищу. Центральная башня храма в восемьдесят локтей высотой издали казалась огромной головой Быка с высунутым красным языком. Обширное подворье опоясывала железная ограда. Прутья ее, загнутые наружу и заостренные, поднимались на добрых два человеческих роста. Черные бычьи головы с огромными рубинами вместо глаз взирали на входящих с привратных столбов. От распахнутых ворот к храму вела просторная аллея длиной в восемь раз по восемьдесят шагов. Утренние паломники, ручейками стежав-

шиеся к воротам, пройдя меж бычьих голов, двигались под сенью деревьев Священной Аллеи к восьмиступенчатой лестнице, поднимающейся к вратам святилища.

Смешавшись с толпой, Биорк поднялся по желтым, стертým до кривизны ступеням. Входя, он незаметно подмигнул красной бычьей голове над вратами. Той, что издали казалась высунутым языком.

Войдя, Биорк свернул налево и поднялся на третий ярус хоров, опоясывающих внутреннюю часть центральной башни. Перила из темного полированного дерева оберегали неосторожных от падения с высоты двадцати локтей.

Биорк повернул голову и увидел прямо перед собой свирепую-тупую бычью морду. Черные тяжелые рога загибались вперед. Расстояние между их выкрашенными в алый цвет остриями достигало почти шести локтей. А сама громадная статуя – голова зверя на покатых плечах мощного человеческого тела – была никак не меньше двадцати пяти локтей высотой. Она занимала центр святилища. Алтарь располагался у ее ног и выглядел совсем маленьким сверху.

– Могучий! О! Многосильный! О!
Средоточие мужества! О!
Многоплодный! О!
Взываем! Взываем! Взываем!

– заревели густые басы величальных жрецов. Наклонясь мускулистым телом, вытянув руки, бог Силы угрюмо и грозно внимал. Клубы цветного дыма поднимались от его ног к непропорционально большим гениталиям и, расплываясь, облекали черный торс подобием светлой ауры. Рогатая голова глядела вниз яростными рубиновыми глазами, возвышаясь над текущим облаком курений.

– Прими, прими, Всепобедный, угодную жертву! – возгласил Верховный Жрец, задирая голову.

Сверху и он сам, и алтарный стол с дарами казались игрушечными.

– Прими, прими, прими! – отозвались басы. – Мощный, мощный...

Дым загустел, накрыв рыжим облаком и жреца, и алтарь. Хрипло загудели рога. Им вторили визгливые флейты со второго яруса. Дым рассеялся. Даров не было.

– Принял!!! – возопил жрец.

– О-о! У-ум-м! – вступили басы.

– Мм-о-о! У-ум-му-у! – заревела толпа, подражая бычьему реву.

– Мо! – свирепо зарычал вагар, чтоб не выделяться. Голос его был тонковат для подобных упражнений, но то была не его вина.

Как и все вагары, Биорк считал религию красивой забавой. Сомневаться в существовании Высшего нелепо для одаренных внемчувственным восприятием, но напяливать бычью голову на человеческое тело!.. Любой магхар выглядел естественней, чем этот урод с копытами вместо ступней и свисающей до колен мошонкой.

Толпа потекла из храма. Сейчас они омоются в двух священных водоемах и разойдутся по своим и чужим пажитам. Хвала Богу Оплодотворяющему!

Вагар спустился вниз.

– Хвала Быкоглавому! – обратился он к первому попавшемуся жрецу.

– Хвала, – рассеянно отозвался жрец. – Что тебе, парень?

– Хочу служить богу, – проговорил Биорк, скромно потупившись.

Жрец, тучный рослый мужчина в голубой хламиде, скользнул по нему взглядом:

– Похвальное желание! Видишь того длинного юнца, слева от малого жертвенника? Ступай к нему, он определит тебя.

– Хвала Быкоглавому! – поблагодарил Биорк.

– Истинно так! – кивнул жрец и, гордо неся круглый живот, направился к выходу.

– Как, гришь, ты зовут? – спросил старший служка, костлявый юноша на голову выше Биорка.

– Тумес.

– Так ты чужак! – воскликнул старший служка. – То-то, гляжу, у ты такая странная физия! – Голос его ломался, и потому в шаткий баритон врывались звуки визгливого дисканта.

– Да, – согласился Биорк-Тумес. – Я из Гурама. Ходил юнгой на торговом судне.

– Ну и как там, в Гураме? – спросил старший служка и, не потрудившись выслушать ответ, продолжил: – Ты, пацан, не дурак, что пришел к Быкоглавому. Он своих жалует. Работы, коэшно, хватает, но всяко лучше, чем день-ночь по реям лазать да тухлую воду глотать. Нет, ты точно угадал. С пустым брюхом не останешься! – Он похлопал себя по тощему животу. – А станешь «синим», служителем, о! Винище – рекой, девки, всё! Смотри на меня, пацан: два года – и я – «синий»! Уразумел, кто я? То-то!

Биорк-Тумес кивнул.

– Имя мне – Скон. Но ты зови меня... – он хлопнул вагара по плечу, – Старшо€й! О! А ты – здоровяк! – закричал он. – О! Молодец! Могучий любит сильных! – Его некрасивое лицо растянула улыбка. – Ставлю тебя кормить быков. Не обоссешься?

– Нет.

– Правильно. Храмовые быки – что волы. Зелье им дают. Чтоб не баловали – богу зряшней крови не надо. А уж если мощь показать – есть у нас один. Во зверюга! Яйца – во! Уж его не замай – злой, сущий демон! Только верховный с ним и вошкается. Потому как – маг. А без магии он бы и Верховного убодил! Истинный Равахш!

Они вышли из святилища через дверь за спиной статуи бога и оказались на служебном дворе. Скон привел вагара к маленькому домику в самом углу двора рядом с чугунной оградой.

– Тут будешь жить, – сказал старший служка и подтолкнул Биорка внутрь.

Вагар оказался в большой комнате без окон, но с несколькими проемами в крыше. Тонкие стенки были сделаны из неплотно подогнанных досок, в щели между которыми просачивался свет. Мебели почти не было. Узкие лежанки вдоль стен, тумбы для одежды, длинный стол с изрезанной ножами крышкой. Пятеро подростков – старшему на вид семнадцать, младшему – около четырнадцати лет – усталились на вошедших.

– Твое место! – Скон ткнул пальцем в сторону одной из лежанок.

– О! – сказал старший подросток. – Новичок!

– Ха! Новичок! – Они обступили вагара, бесцеремонно разглядывая его.

– Ну, вы, парни, не очень! – сказал Скон, выходя. – Полегоньку.

– Не! – засмеялся юнец со щербатым ртом. – Мы – не очень!

– Как заведено! – подхватил другой, толкая вагара в спину.

– Погоняем маленько!

– Тряхнем по разику!

– Не, мы не очень! – самый высокий схватил Биорка-Тумеса за руку и потащил за собой. – Не бойся, чай, не до смерти!

Вагар стряхнул потную руку и легонько толкнул юнца в грудь. Легонько – для воина. Ошарашенный юнец отлетел к противоположной стене и сел на пол, жадно глотая воздух. Вагар шагнул к одной из опорных стоек и приемом «косая клешня» вырвал из нее изрядный кусок дерева. Уронил щепу на пол. Затем подошел к лежанке, скинул обувь, лег и закрыл глаза. Никто из подростков не посмел проронить и звука. Тихо, один за другим, они выскользнули из комнаты и снаружи раздались их высокие резкие голоса. Потом звуки смешались, и Биорк уснул.

* * *

- Дай мне свои губы, Черенок! Свершилось!
- Ты торжествуешь, сирхар? Он – сделал?
- Да, Черенок, он сделал это, Черенок, он преступил запрет, и теперь он – мой!
- Теперь ты убьешь его, сирхар?
- Да, теперь я убью его.

* * *

Звук гонга.

- Входи, – сказала Этайа, прикрыв лицо вуалью.

Дверь отворилась. Молоденькая девушка нерешительно шагнула на покрывающую маты шелковую ткань. Ткань была расписана под лесной луг. Желтые и белые цветы в голубой траве. Художник изобразил даже пару серебряных ящерок-медовниц,¹¹ пьющих нектар. Девушка потерла друг о друга маленькие босые ступни, очищая их от уличной пыли. Серебряные браслеты на щиколотках тихо зазвенели. Чуткий твердый пальчик с перламутровым ногтем потрогал шелковый цветок...

– Госпожа! – Голос у девушки был глубокий, полный обертонов. – Можно мне говорить с тобой?

- Войди и сядь, – предложила Этайа.
- Благодарю!

Двигаясь плавно, чуть покачивая бедрами, девушка пересекла гостиную и осторожно присела на край стула, плотно соединив круглые загорелые колени, но расставив узкие ступни на шаг одну от другой. У нее было типичное конгайское личико, нежное, приятное, с мелкими правильными чертами. Умело подведенные большие карие глаза казались влажными. Тяжелый узел волос оттягивал затылок. Ожерелье из крупных красных гранатов спускалось с длинной сильной шеи до линии ключиц. Голубая безрукавка была расстегнута на груди.

По ножным браслетам и нарисованному на лбу знаку нетрудно было догадаться, что гостя – танцовщица.

- Хочешь пить? – спросила светлорожденная, кивнув на кувшин с соком.

– Если госпожа позволит – чашку вина! – Лицо девушки было спокойно, но пальцы рук, лежащих на коленях, безостановочно двигались.

Этайа потянула шнурок под светильником. Появился служка. При виде девушки на лице его выразилось слабое удивление.

- Светлейшая?
- Чашку светлого вина! – велела Этайа и, обращаясь к госте: – Слушаю тебя, девушка!

Конгайка облизнула карминно-красные губы. Запах юного тела, смешанный с ароматом благовоний, коснулся ноздрей светлорожденной, и Этайа подумала, что танцовщица наверняка не испытывает недостатка в мужском внимании.

– Мальчик, – сказала девушка, – его зовут Соан, говорил с большим воином. Большой воин сказал ему: он будет искать Санти... Сантана...

¹¹ Медовницы – самые маленькие ящерицы Мира. Обитают на всех континентах и бывают самых причудливых цветов. Пленка их крыльев настолько тонка, что почти полностью прозрачна и преломляет свет так, что крылышки переливаются всеми цветами радуги. Медовницы живут колониями в труднодоступных местах или специально выращиваются людьми для получения белого сладкого медоподобного вещества, которым медовницы вскармливают только что вылупившихся детенышей.

– А не сказал ли он также, что большой воин велел ему держать язык за зубами? – спросила Этайа.

– Он не виноват, госпожа! – Девушка еще раз облизнула губы розовым язычком. – Ему трудно скрыть от меня то, что для меня важно. Он еще молод.

– А ты – нет?

Девушка улыбнулась, но эта улыбка не украсила ее. Было в этой улыбке что-то непристойное.

– Я – не он, – сказала гостья. – Прошел слух, что ночью у дома Тилода, отца Санти, что-то произошло. Скажите мне, – мольба слышалась в ее голосе, – вы ищете Санти? Да, госпожа? Позвольте мне помочь вам! Я... – Девушка осеклась, потому что в комнату вошел слуга, принесший вино. Выхватив у него чашку, она залпом осушила ее и вытерла рот тыльной стороной ладони. На руке остался влажный след.

Слуга взял чашку и вопросительно посмотрел на Этайю. Женщина отпустила его взмахом руки.

– Я не верю тебе, девушка, – сказала она.

На глазах у ее гостьи выступили слезы.

– Но почему?

– А даже если бы и верила – не думаю, что это дело – твое.

Слезы на глазах девушки мгновенно высохли.

– Это мое дело! – заявила она гневно. – Мое, а не твое! – Молодая конгайка вскочила на ноги. Глаза разгорелись. Круглые груди подпрыгивали в такт быстрым взмахам руки. – Он любит меня!

– Сядь! – повелительно произнесла Этайа.

И сила, которая была в голосе светлорожденной, заставила ярость молодой конгайки угаснуть. Обмякнув, она безвольно опустилась на стул.

– Оставь свою магию для мужчин, – сказала Этайа. – Мне оскорбителен твой крик. Ты поняла?

Девушка кивнула. Потухший взгляд ее блуждал по стенам комнаты. Этайа взяла кувшин с соком и плеснула гостье в лицо. От неожиданности девушка вскрикнула, вскочила. Густой сок, холодный, желто-зеленый, тек по ее груди и животу, по складкам красной повязки, туго охватившей бедра, по стройным ногам. Он лужицей скапливался у ее ноги, на голубом паутинном шелке, не пропускающем влагу.

– Полегчало? – спросила Этайа.

– Да, госпожа.

– Я скажу тебе. Да, мы ищем Санти. Я знаю, что он, может быть, еще жив. Если так, мы найдем его. (Лицо девушки посветлело.) Но не для тебя. (Ровные белые зубки впились в губу.) Согласна ли ты и теперь помогать нам?

Девушка кивнула, не поднимая глаз.

– Молодец! – похвалила Этайа. И отстегнула вуаль.

Щелчок застежки заставил гостью поднять взгляд.

– Боги! – прошептала она. – Как ты прекрасна!

Этайа ласково улыбнулась:

– У меня есть то, чего нет у тебя, но ведь и у тебя есть то, чего у меня нет, девочка.

– Это слишком сложно для меня, – тихо сказала конгайка.

– Ты – танцовщица... И не только танцовщица, верно?

– Да, госпожа.

Девушка смутилась.

– И у тебя есть друзья... Важные друзья.

– Да, госпожа.

- Они многое рассказывают тебе...
- Да, госпожа.
- Я хочу услышать о Наместнике!
- Девушка смотрела на точеный подбородок Этайи.
- Наместник... не в числе моих друзей.
- Знаю. Но у него есть доверенные. Я думаю, он причастен... Понимаешь?
- Да, госпожа.
- Ты узнаешь?
- Попробую, госпожа.
- Я дам тебе денег?
- Не нужно. Денег у меня хватает.
- Не для себя. Для тех, кому есть что сказать.
- Нет, госпожа. Платить опасней.
- Этайа с новым интересом посмотрела на девушку:
- А ты права. Не зови меня госпожой. Когда мы вдвоем, мое имя – Тай. А твое?
- Мара.
- Храни себя, Мара! Нет, стой! – Женщина протянула ей полотенце. – Вытрись. И будь осторожна, девочка!
- Храни себя, Тай!

VI

«Маги и люди равно совершают ошибки и, исправляя их, совершают новые ошибки, еще более опасные, а исправляя последние, совершают подчас ошибки почти гибельные. Но не следует думать, что это падение. Наоборот, сие есть – путь вверх, ибо с каждой исправленной ошибкой сила наша растет».

Сантай Темный. Праздные маги. Комментарий к главе «Живое ремесло»

Лекарь воткнул золотую иглу в колено спящего Дага. Две такие же иглы уже подрагивали в правой кисти сановника. Лекарь был сухой крепкий старик невысокого роста с непроницаемым очень смуглым лицом. Вращая иглу между большим и указательным пальцами, он ввел ее на необходимую глубину и оглянулся, услышав шаги.

Нил вошел в гостиную, неся на руках Торона. Походка его потеряла кошачью мягкость, но все же могучее тело борца не слишком обременяло гиганта. Воин опустил свою ношу на тростниковый мат. Лекарь мельком взглянул на превратившееся в кровавую кашу лицо Торона.

– Нет, это не мое, – сказал он и вновь повернулся к чиновнику.

Подошедший Шинон коснулся плеча лекаря.

– Ты должен сделать все, что возможно, – сказал Начальник Гавани. – Я не хочу, чтоб болтали о том, что я не проявил милосердия в собственном доме!

Лекарь пожал плечами (ты – господин) и присел около тела борца. Достав маленькое зеркальце, он поднес его к окровавленной щели в сплошной ране, в которую превратилось лицо Торона. Серебряная поверхность осталась незамутненной. Взяв руку, более толстую, чем бедро самого лекаря, старый конгай пощупал пульс.

– Мертв, – сказал он уверенно.

И вновь занялся сановником.

Нил, расставив ноги, стоял над телом Торона. Лицо его ничего не выражало, но светлорожденный, хорошо знавший его, по неуловимым признакам понял: великан думает, и думает напряженно. Вот он опустил на колени рядом с борцом, провел рукой по круглой, как днище лодки, покрытой шрамами груди... И вдруг резко ударил по груди основанием ладони. Звук был такой, как если бы он ударил в дно пустой деревянной бочки.

Лекарь с любопытством посмотрел на северянина. Нил положил ладонь на левую сторону груди борца, замер, словно прислушиваясь... И нанес еще три быстрых удара, не таких сильных, как первый, но достаточных, чтобы утомить среднего мужчину. Еще какое-то время Нил держал обе руки на груди борца, потом переместился поближе к голове и погрузил пальцы в месиво, которое прежде было лицом Торона.

Лекарь оставил своего пациента и, присев на корточки рядом с воином, с крайним интересом наблюдал за его действиями.

Нил закончил свои манипуляции и вытер окровавленные пальцы о набедренную повязку борца. Положив руки на ребра Торона, он с силой нажал.

Пузырящаяся пена выплеснулась из рта борца. Еще толчок – еще один алый фонтанчик. После пятого раза в бронхах лежащего раздался хрип и судорога прошла по телу Торона. Трижды повторив ту же операцию, Нил отодвинулся от тела.

– Твоя очередь, – сказал он лекарю.

Тот с уважением посмотрел на воина.

– Слышал я, что врачи Тайдуана делают подобное, – сказал он. – Но сам не видел никогда. Не сочтешь ли за труд показать мне...

– Прости, целитель. Это скрытое знание. И не врачей Тайдуана, а воинов Севера. Клятва связывает меня.

– Понимаю, – согласился лекарь. – А что можешь ты поведать, не нарушив обета?

– То, что ты плохо ценишь настоящих бойцов, целитель. Этого парня мало треснуть головой о камни. Он живуч, как леопард, иначе давно бы уж развлекал своей глупостью Нижний мир. Да, он никогда не будет дышать носом. Но он и так им не дышал. Челюсть сломана в двух местах, но этот череп прочней скорлупы гигантского ореха. Корми его кашей, не давай болтать – и через три месяца он опять будет безобразничать с портовыми девками.

– Мудрость твоя покорила меня, – улыбнулся лекарь. – Прими мое уважение.

– И мое, Нил, сын Биорена, – сказал Начальник Гавани. – Не будь ты так вспыльчив, я уступил бы тебе свой чин.

Великан покачал головой.

– Я верен своему долгу, – сказал он.

– Скажу тебе, Шинон, – вмешался светлорожденный, – что, прежде чем стать моим хранителем, Нил был Хранителем Проклятой Границы на севере империи. Раздери меня магхар, если я понимаю, зачем он сделал то, что сделал!

Начальник Гавани удивленно взглянул на воина.

– Достойный, – сказал он, поклонившись, – я думал, ты простой боец.

– Думай так и сейчас, ошибки не будет! – сказал гигант. – Прошу тебя, отважный Шинон, забыть то, что ты слышал. Ты и лекарь узнали то, что надо бы оставить в тайне! – Он укоризненно посмотрел на Эрда. – Надеюсь, ты не откажешь мне. А лекаря и просить не нужно: тайна – его профессия.

Врачеватель кивнул.

– Настало время нам вернуться в гостиницу, – сказал Эрд. – Благодарим тебя, отважный Шинон!

– Предлагаю вам переселиться в мой дом, – сказал Начальник Гавани. – Он не менее удобен, чем «Добрый приют», и более... безопасен.

– Благодарю тебя. Мы останемся в гостинице.

– Как угодно светлорожденному. Хранят вас боги.

– Хранят и тебя! – ответили Эрд и Нил.

* * *

Жара, обычная в Фаранге в этот сезон, начала спадать. Мощенные камнем улицы и улочки заполнились людьми. Смуглые мужчины и женщины в разноцветных косынках и набедренных повязках спешили воспользоваться временем между окончанием полдневной жары и короткими южными сумерками.

Глядевший на конгаев со спины парда светлорожденный ни разу не заметил недоброго взгляда. Напротив, люди улыбались друг другу. И ему, чужаку, тоже улыбались. Даже нервные беговые парды, не упускавшие возможности лякнуть зубами на прохожего или на самого наездника, кротко протискивались сквозь толпу там, где улица становилась тесной. Казалось, благодушие овладевало Фарангом, когда лучи дневного светила переставали сжигать голые спины.

Как обычно, когда светлорожденный ехал вместе с Нилом, взгляды, сперва обращенные к непривычно одетому красавцу-аристократу, потом будто притягивались могучей фигурой Нила. Эрд не испытывал ревности, наоборот, ему нравилось, что столь незаурядный человек – его слуга. Конечно, он, Эрд Асенар, выше любого из своих спутников, но разве не окружение подчеркивает блеск правителя?

Мысли Эрда обратились к Этاية.

Сам император даровал ей титул светлорожденной. Чудесна игра ее. Чудесна и сама Этайа. Но это все, что Эрд знает о ней. Говорят, она приехала в Глориан, столицу империи, из Тайдуана. Но светлорожденная столь же не похожа на желтокожих женщин-таек, как и на желтоволосых красавиц Хольда.

Эрд не отказал ей, когда светлорожденная пожелала стать его спутницей. Может быть, надеялся узнать ее ближе. Загадочная Этайа...

– Господин! Господин!

Босоногий бегун в оранжевой головной повязке догонял их, расталкивая прохожих.

Эрд придержал парда, подождал, пока бегун проберется к нему.

– Начальник Шинон просит тебя вернуться! – задыхаясь прокричал бегун. Струйки пота текли по худому лицу.

– Что он еще сказал? – осведомился Эрд.

– Сказал, что зовет тебя по интересующему тебя делу, господин. Больше ничего.

– Ты хочешь вернуться? – спросил Нил.

Светлорожденный задумался.

– Меня беспокоит светлорожденная, – сказал он. – Чем дальше, тем больше я опасаясь этой страны.

– Думаю, Этайа сама позаботится о себе, – сказал Нил. – Кто станет обижать женщину?

– Как знать. Так что езжай в гостиницу. А я вернусь к Шинону. Один.

Эрд хотел бы пообщаться с конгаем с глазу на глаз. Нил будет ему мешать.

– Мне это не нравится! – заявил гигант.

– Не бойся за меня, – недовольно произнес Эрд. – Шинон силен в Фаранге. И расположен ко мне. Ты сам видел: он не вступился за Дага. Шинон – воин. Я ему доверяю. Он обеспечит мою безопасность не хуже, чем это сделаешь ты.

– Светлейший, – осторожно сказал Нил, заметив, что Эрд начинает сердиться. – Я не стал бы слепо верить никому в этой стране. – Он погладил пятнистую шею парда.

– Ты считаешь меня юношей, впервые увидевшим кровь? – спросил Эрд, с трудом сдерживая себя. – Ты думаешь, мой меч недостаточно остр для шей моих врагов?

– Воля твоя, светлейший. Поступай как знаешь.

И, не сказав больше ни слова, Нил поехал в сторону гостиницы.

Эрд, оскорбленный его поведением, обещал себе впредь поменьше обращаться за советами к слугам.

* * *

Биорк проснулся, когда дневная жара начала спадать. Пройдет час или около того – и вечерние паломники потянутся в храм, чтобы принести бескровные дары Великому Быку.

Комната, в которой спал вагар, была пуста. Биорк вышел на воздух. По храмовому двору бродили лохматые овцы, пачкая пометом мостовую. Два старых вола вращали деревянный маховик над колодцем, и струйка воды непрерывно текла по узкому акведуку в священные водоемы слева и справа от Аллеи Паломников. Был на подворье и собственный водоем под двускатной тростниковой крышей. Омовение – вещь крайне необходимая в здешнем климате. «Слава» о Тумесе уже разнеслась по служебному двору, но вагар надеялся, что его известность не выходит за пределы касты храмовых служек. Он ополоснулся в бассейне (двое голых мальчиков-служек, увидев Биорка, поспешно полезли из воды) и отправился искать Скона.

Старшего служку он застал за благородным занятием – поркой. Заметив Тумеса, будущий «синий» оставил в покое разрисованные розгами ягодицы наказуемого (тот тут же улизнул) и обернулся к вагару.

– Не знал, что ты такой крутой! – сказал он. – Думаю, тебе больше пристало бы служить отважному Шинону, чем Быку.

– Я думаю, сила угодна Тору.

Скон уставился на недетское лицо вагара.

– Сила угодна всем, – сказал он не спеша. – Но многие принимают за силу жестокость. Здесь, в нашем храме, жестокость не должна быть чрезмерной! – выговорил он явно услышанную фразу. – Смотри у меня! Быкоглавый не любит зряшной крови: если покалечишь кого – отдам страже Наместника.

– Меня не обидят – я не обижу! – сказал Биорк-Тумес.

– Тебя не обидят. Видели, каков ты. Дураков нет.

Опыт вагара диктовал обратное, но он промолчал.

– Все! – оборвал разговор Скон. – Быкам надо жрать. И тебе надо жрать. Набей брюхо и принимайся за работу. Живо, живо!

* * *

– У меня есть к тебе предложение, благородный Эрд, – сказал Начальник Гавани, когда светлорожденный вновь оказался в его доме. – Но прежде не соблаговолишь ли ты со мной отобедать?

– Почту за честь, – вежливо ответил светлорожденный.

На этот раз обед подали не на террасе, а внутри дома, в высоком, на два яруса, пиршественном зале. Потолка не было – вероятно, крыша была раздвижной. Сквозь шелковую сетку синело безоблачное небо. Высокие стены были расписаны фресками. Деревянные раскрашенные фигуры стояли рядом с большими окнами-арками. Посреди зала находился небольшой помост, крытый алым бархатом. Полукругом, рядом с помостом, располагался пиршественный стол, за которым могло поместиться человек сорок.

Впрочем, Шинон и Эрд обедали вдвоем.

Прислуживали им те же девушки, что и утром.

После третьей перемены в зал вошли четверо актеров в живописных одеждах и столько же музыкантов. Актеры поднялись на помост и без всякого энтузиазма принялись разыгрывать жанровые сценки. Две ситры, тростниковая флейта и барабан сопровождали их движения.

– Тебе не нравятся актеры? – спросил Шинон, поймав брезгливый взгляд Эрда, брошенный на подиум.

– Они двигаются, как больные волы, – сказал светлорожденный. – И пыла в них столько же.

– Да, они не слишком стараются, – сказал Шинон. – Обычно их зовут, чтобы соблюсти приличия. К чему стараться, если плата все равно останется прежней.

– Пожалуй, я мог бы подарить им пару серебряных монет, – произнес Эрд, глядя на трех мужчин и одну женщину. Закончив одну импровизацию, они еще не начали другой и просто толклись на помосте, пока музыканты наигрывали одни и те же пять тактов. – Я видел ваших кукольников, – продолжил светлорожденный. – Это очень недурно. Жаль, что в Конге нет настоящего театра.

– Театр есть при дворе Великого Ангана, – отозвался Шинон. – Но я пока не удостоился. Да и не уверен, что мне понравилось бы то, что нравится соххогам.¹² Скажу тебе откровенно,

¹² Соххогой – правящая раса Конга. И внешностью, и привычками они настолько же отличаются от конгаев, насколько кугурр отличается от домашнего парда. Некогда конгаи поклонялись соххогам, как божествам, и приносили им обильные кровавые жертвы. Впоследствии, когда Конг и его северный сосед Хурида были захвачены Империей, «божественность» соххогов была подвергнута сомнению. Но земли соххогоев по-прежнему принадлежали им, и, когда войска Империи покинули Конг, соххогой вернули себе и власть. Впрочем, только ту власть, которой хотели обладать соххогой. Преклонение перед сох-

светлейший: искусство Конга умирает. Наши скадды стары, певцы поют одни и те же баллады. Это огорчительно для понимающего человека.

– Однако, я слышал, не так давно в твоём Фаранге жил юноша, что мог бы потягаться с певцами Тайдуана, – заметил Эрд.

– Вряд ли, светлейший. Уж я бы знал.

– Думаю, ты знал, – предположил Эрд. Он не мог понять, действительно ли Шинон в неведении о пропавшем юноше или хочет скрыть это от него. – Его зовут Санти.

– Санти? – Начальник Гавани задумался. – Нет! – покачал он головой.

– Достойный Шинон, ты удивил меня, – сказал светлорожденный. – Санти! Мы уже вспоминали о нем сегодня. Он – сын Тилода, и он – тот, кого я ищу.

– Ой-май! – воскликнул Шинон. – Зеленоглазый Сантан! Ты удивил меня, светлорожденный! Тилод никогда не говорил, что сын его – поэт. И что, ты полагаешь, у него было будущее?

Эрд кивнул.

– Трижды прискорбно! – проговорил конгай.

Лицо его омрачилось, но потом он вспомнил, что должен развлекать гостя, и повернулся к актерам:

– Эй, бездельники! – произнес Шинон, не скрывая раздражения. – Вы слышали о Санти?

Те переглянулись. Было заметно, что они испуганы.

– Не трусить! – рявкнул Начальник Гавани. – Все знают, что Тилод был моим другом («Был», – отметил Эрд.) А Тилод – его отец. Мой благородный гость говорит, что Санти – превосходный поэт. А значит, так оно и есть, потому что мой гость – светлорожденный Империи. Стыдно мне, что я узнаю об этом от того, кто лишь два дня назад ступил на землю Конга. Ну, знаете песни Санти?

Актеры молчали.

– Так, – тихо сказал Шинон. – Или вы развяжете сумы своего красноречия, или вас будут сечь плетью, пока кожа ваша не раскиснет, как земля в сезон дождей!

Актеры переглянулись.

– Хорошо! – вдруг сказал один из них, худой черноволосый мужчина с горбатым носом и длинными беспокойными руками. – И пусть возможная кара падет только на меня! Я спою тебе песню, отважный Шинон. Санти подарил мне ее... Полмесяца назад. Слушай! Слушай и ты, светлейший, и знай: пусть у нас нет таких театров, как в Империи, но сердца наши не оскудели, как бы ни убеждал тебя этот моряк!

Шинон захохотал.

– Мне нравится твой язык, длинноволосый! Не бойся! Никто не накажет тебя за то, что ты выполнил мой приказ. Но учти: если песня будет плоха, ты уйдешь немой!

– Если она будет хороша, – вмешался Эрд, – награда будет достойной.

Актер внимательно посмотрел на аристократа.

– Жизнь – за жизнь! – неожиданно сказал он.

Ни Эрд, ни Начальник Гавани его не поняли.

– Начинай же! – приказал Шинон.

Актер стал на середину помоста, а его товарищи отступили в стороны. Сбросив с плеч алый плащ, он вывернул его наизнанку и вновь накинул на костлявые плечи. Теперь плащ был черным, как ночное небо. Запахнувшись в него так, что осталось на виду только узкое лицо, конгай медленно произнес:

– Мы были рядом: вот я, вот Ночь.
Вот сонное море Зур.

И луны мчались во тьме точь-в-точь,
Как парусник в пору бурь...

Глухо заурчал барабан. Ему отозвались струнные. Словно зашумел длинный морской накат.

– И я позвал ее: слышишь, Ночь,
Давай я тебе спою (и сам он уже не говорил – пел),
Спою тебе, как другим невмочь,
Как только я не боюсь!
Я так спою для тебя, о Тень,
Что смолкнет пенный накат.
Я так спою, чтобы к нам слетел
Дракон на песчаный плат!

И я запел. И все было так.
И Ночь – на моей груди.
И жар ее – на моих устах...
– Плати! – я сказал. – Плати!
Я отдал все. До живой воды,
Что влил в меня черный Юг!
И вот я сух пред тобой. И ты
Отдай мне силу свою!

Черный плащ упал. Певец сделал несколько шагов – до самого края помоста. И так стоял, раскачиваясь, запрокинув вверх голову, казалось, – вот-вот сорвется. Крылья волос падали на его худые плечи и тоже раскачивались в такт его движениям.

И Ночь, которой я пел тогда,
Ответила мне: «Что ж,
Коль хочешь силу мою, – отдам!
Но ты от нее
Умрешь».

Он еще какое-то время стоял не шевелясь. Как воин, получивший смертный удар и осознающий это. Потом как-то съежился, опал, неловким движением подхватил с помоста плащ, волоча его за собой, пошатываясь, сошел со сцены и, не обернувшись, покинул зал.

– Не гневайся на него, отважный Шинон, – сказал пожилой актер. – Он стал тем, кого играл.

Шинон согласно склонил голову:

– Я понимаю. Передай ему мое восхищение. Да простит он меня за злые слова. Как имя его?

– Харм, светлейший.

– Он тронул мое сердце. Отныне оно открыто для него. Не смею оскорбить мастера деньгами. – Шинон хлопнул в ладоши – появился домоправитель. – Морон! Принеси мой браслет из черного металла!

Домоправитель вышел, но тотчас появился, так быстро, будто браслет уже заранее лежал в его кармане:

– Вот, мой господин.

Шинон показал браслет заинтересовавшемуся Эрду.

– Я взял его на пиратской шекке. Бывший хозяин уверял, что он волшебный. Хотел, должно быть, купить себе жизнь, болван! – Шинон усмехнулся. – Волшебный или нет, но красив!

Широкий, в три пальца, браслет, из абсолютно черного блестящего металла, в который были впаяны крохотные алмазы, сверкающие, точно звезды в ночном небе, был действительно хорош.

– Возьми его для мастера Харма! – Шинон протянул браслет пожилому актеру и остановил Эрда, который тоже хотел отблагодарить артиста.

– В моем доме расплачиваюсь я! – произнес он. – Благодарю тебя, светлорожденный! Ты подарил мне звезду, что лежала перед глазами слепца. – Он проводил взглядом выходящих актеров. – Теперь, если ты все еще не оставил своего замысла, я хочу предложить тебе способ получения подорожной Конга.

– Я был бы признателен! – сказал светлорожденный.

– Полагаю, тебе ясно, что ни уважаемый Наместник Алан, живи он столько лет, сколько желают ему благодарные жители Фаранга, ни достойный Даг (даже если он оправится от сегодняшних переживаний) вряд ли помогут тебе.

– Я мог бы обойтись вовсе без подорожной, – сказал Эрд. – Металл, белый или желтый, иногда оказывается надежней бумаги.

– Допустим. А слышал ли ты о соххогоях, светлейший?

– Немного.

– Это почти хороший ответ для Конга.

– Почти?

– Хороший ответ был бы: нет. Только высшим офицерам и сановникам дозволено, в силу необходимости, рассуждать о них. Так же, впрочем, как и о том, что кто-то может «исчезнуть», если его мысли или речи, по мнению Дага, неуютны Великому Ангану. Только – высшим. Мне, например, – нельзя.

– И ты говоришь?

– Светлейший! – улыбнулся Шинон. – Ты не побежишь на меня доносить. А слуги меня не предадут: знают, что, оберегай их тогда хоть сам Наместник, все равно их кожу натянут на седла моих пардов. И, наконец, третья причина – я люблю делать то, что опасно. Быть может, только я один во всем Конге знаю, почему ты идешь в Урнгур. Я понимаю тебя, как брата, светлейший, да не сочти это оскорбительным для себя!

– Так что же соххогой, достойный Шинон?

– Соххогой? Чиновника ты купишь, солдата убьешь. С соххогоем не пройдет ни то, ни другое.

– Я встречал неподкупных, – заметил Эрд. – Бессмертных не встречал.

Начальник Гавани позволил себе засмеяться:

– Да, они не бессмертны. И каждый замок не более неприступен, чем мои форты. Причина в том, что для слуг Владетель выше Великого Ангана. А слуг они покупают лучших в Конге. Ты намерен плыть вверх по реке?

Эрд насторожился: никому, кроме Наместника, он не говорил об этом.

– Отчего ты так решил? – спросил он.

– Самый простой путь.

– Да, я собирался, но переменил решение.

– И что же?

– Куплю пардов, по паре на всадника. Поедем верхом. Это быстрее.

– Пожалуй, ты прав. Только скажи, к чему запасные парды? Мы, конечно, не Империя, но подстав на дорогах довольно. Ты мог бы и карету нанять.

– Зачем? Светлорожденная держится в седле не хуже начальника конной сотни, мы – воины. Ты говорил о соххогаях.

– Поплывешь ли ты по Фуа или поедешь по дороге – их владений тебе не избежать. Если на подорожной будет оттиснута моя личная печать – городская стража тебя выпустит. Но для соххогая такая подорожная не значимей банановой шкурки. А если тебя схватят и увезут во Владение – лучше бы тебе умереть от жажды посреди пресного озера.

– Не понял тебя, светлейший!

– Ой-май! У достойнейшего Наместника есть палач. Зовут его Ихм (он не конгай, а настоящий омбамту). У достойного Дага тоже есть палач. И у меня есть мастер тайных бесед, я тоже привез его из-за моря, и он стоит того. Но все трое потрошителей – сущие дети в сравнении с десятилетним соххогоем.

– Да, я об этом слышал, – задумчиво произнес Эрд. – И сколько в этом правды?

– Пусть твои знания о них и впредь питаются только слухами!

– Но если пропуска для них не имеют силы, – сказал светлорожденный, – то стоит ли вообще беспокоиться о подорожной?

– О нет! – возразил Шинон. – Я сказал «наши пропуска». Открытая подорожная Конга – дело другое. На ней – печать Великого Ангана.

– И что же?

– Для соххогая любой из нас – хоб, ничтожный. Но не Великий Анган, ибо Великий Анган – тоже соххогой. Хотя, если ты спросишь, правит ли он страной, я тебе отвечу: это тайна. Для тебя, впрочем, важно лишь то, что, имея печать Великого Ангана, ты – «собственность» Великого Ангана и табу для любого соххогая.

– Ты полагаешь, высший светлорожденный Империи ниже конгского людоеда? – процедил Эрд.

– Нет, я так не полагаю, – отозвался Шинон с добродушной усмешкой. – Но какая разница для тебя, что полагаю я€, если ты€ будешь сидеть в замковой тюрьме? Не забывай, ты идешь один, а не во главе своей армии. Впрочем, приди ты с армией, и я бы говорил с тобой мечом. Чту твою честь, светлейший, но без подорожной путь твой будет непрост.

– Понимаю. Ты хочешь мне что-то предложить?

– Иначе не затевал бы этот разговор. Знай, должность, которую я занимаю, можно получить только из рук Великого Ангана. Лично.

– Хочешь сказать, что у тебя есть заслуги перед вашим правителем?

– Не перед ним самим, но перед лицом, очень значительным, одним из трех Исполняющих Волю. И я готов дать тебе эскорт из двух десятков всадников и гонца с письмом. Значок гонца защитит вас от внимания соххогоев. А если ты сумеешь убедить моего покровителя, что ты не враг Конга, он сделает тебе подорожную.

– А я сумею его убедить?

– Убедил же ты меня. А Исполняющий Волю не всегда был одним из трех правителей. Когда-то он был капитаном флагманского корабля, где я служил младшим кормчим. И он доверяет мне. Выхав из Фаранга на рассвете, гонец может еще до заката прибыть в резиденцию Великого Ангана, если не станет жалеть себя и пардов. Завтра утром ты отправишься, а через два дня, в случае успеха, вернешься с подорожной для себя и своих спутников. Особый гонец Великого Ангана и эскорт неприкосновенны. Кстати, этой же дорогой ты отправишься потом к границам Урнгура. Жду твоего решения, светлорожденный!

– Я еду.

– Не сомневался. Окажешь ли ты мне честь переночевать в моем доме? Ужин, скатда и умелую девушку, чтоб скрасить тебе ночь, я обещаю. Или ты предпочтешь юношу?

– Благодарю, достойный Шинон. Я предпочту девушку.

– Превосходно! Слуги покажут тебе покои. Там есть кисти и бумага: вероятно, ты захочешь предупредить спутников? Бегуна даст домоправитель, его имя – Морон, если ты пожелаешь звать его по имени. А сейчас я должен покинуть тебя, светлейший, прости! Меня ждут в Гавани.

* * *

– Он потерял чутье, Этайа! – воскликнул Нил, прочитав письмо.

– Ему грозит опасность?

– Уверен. Не следовало оставлять его одного: он стал слишком доверчив.

Нил нахмурился.

– Не веришь Шинону? – спросила светлорожденная. – Не потому ли, что в его доме ты едва не нарушил обет?

Великан покачал головой.

– Я верю девушке, что была подругой этого юноши-поэта, – сказал воин. – Она обманет, но не предаст. Вообще это было очень неглупо: привлечь ее к поискам. Эти... хм... подруги мужчин – отличные шпионы. Надеюсь, она не угодит в неприятности?

– Если она попадет в беду, вы с Биорком ее выручите, – спокойно сказала Этайа. – Так почему ты не веришь Шинону?

– Я не верю ни одной твари в этой стране, что носит значок Спящего Дракона. Голова этой ящерицы пропитана ядом!

– Может быть, – согласилась светлорожденная. И добавила медленно, взвешивая каждое слово: – Я вижу опасность для Эрда. Явную опасность. Но ты ведь помнишь, почему он с нами?

– Да, – мрачно произнес воин. – Оракул назвал это жертвой. Но я не думал, что так скоро...

Этайа молча смотрела ему в глаза... И Нил сдался.

– Будь по-твоему, Тай! – буркнул он. – Но мне это не нравится.

– Мне тоже, – светлорожденная не сводила с него переливчатых глаз, – ты ведь не забыл, кто я, Нил Биоркит?

Маска каменного идола, изувеченное лицо великана, сморщилось, словно пошло трещинами.

– Тебе самому надо быть осторожнее, Нил! – Этайа положила маленькую руку на веслоподобную кисть гиганта.

С нежностью, которую трудно ожидать от человека подобной наружности, Нил коснулся ее щеки.

– Знаю! – сказал он. – Хвала Быкоглавому, мне удалось исправить последствия своей ошибки. Прости, Тай, но я бы поел.

– Я распоряжусь, чтобы принесли ужин. Ты не переселишься в апартаменты отца?

– Нет, я останусь здесь. Биорк дал о себе знать? Его убежище раскрыто!

– Может быть, он сам раскрыл его? Его планы... Ты знаешь, твой отец непредсказуем. Это – часть его силы. Иди, смой с себя фарангскую пыль. Ты не слишком изнурил себя упражнениями?

– Ты шутишь, да? – засмеялся гигант, сбрасывая с себя набедренную повязку. – Я изнурил трех пардов – им нелегко было под моей тушей!

Он хлопнул себя кулаком по животу, четко разделенному на выпуклые прямоугольники мышц. Затем медленно втянул воздух, согнул ноги и сильным толчком бросил свое тело сквозь тростниковый полог. Выплеснувшаяся из бассейна вода хлынула в гостиную и лужицей заплескалась на паутином шелке.

Крохотная медовница, впорхнувшая в комнату с террасы, опустилась в шаге от лужицы и, шурша цепкими лапками, подбежала к воде.

Этайа присела рядом и погладила отливающую золотом спинку. Ящерица сердито дернула маленькой заостренной головкой: не мешай! Этайа тихонько засмеялась.

* * *

– Он попался, мой господин! Наживка пришлась по вкусу!
– Ты так уверен в успехе?
– Совершенно, мой господин! Я возьму его двойной петлей.
– Мне приятна твоя твердость. Не сомневайся, я оценю твой пыл.
– Милость Носителя Дракона выше любой награды!
– Сказано хорошо. Но и награда будет, обещаю. А пока, Хуран, изложи мне детали твоей ловушки...

* * *

– Скажу вам, парни, я ее видел! – сказал Биорк-Тумес, закатив глаза.
Он сидел на лежаке, опершись спиной в дощатую стену, а кучка мальчишек сгрудилась перед ним на полу. В жадных, расширенных зрачках отражался свет масляной лампы. Уши ловили каждое слово вагара.

– Мы шли с грузом шерсти в Атур. С нами были еще три судна и большой военный трехмачтовик империи – на случай пиратов. На четвертый день пути мы попали в штиль. Паруса висели, как желтые тряпки. Металл раскалился так, что впору было жарить на нем мясо. А палубу все время обливали водой, чтоб не вспыхнула.

Один из мальчиков хмыкнул. Вагар строго взглянул на него:

– Ты не веришь мне?

Остальные тут же стали пихать скептика локтями:

– Дальше, дальше, Тумес!

– Мы поливали палубу из кожаных ведер каждые полчаса. Это работа, я вам скажу! Солнце палит так, что волосы на голове начинают дымиться. Воздух – хоть ножом режь. Над водой стоит марево, будто ты сам – в воде!

Вдруг море, ровное, как лысина, закипело, вздулось бугром, огромным, как холм, лопнуло – и будто лес вырос: она! Щупальца – в шесть локтей толщиной, не менее, а два длинных – храм обхватить могли бы – и еще б осталось. Сама, как гора, а в горе – два глаза. Огромные! Ка-ак выбросит щупальце – да на наш кораблик!

Рассказчик сделал паузу и посмотрел на слушателей: у всех ли открыты рты? У всех.

– Но капитан у нас, как она к нам потянулась, он горшок с огненным зельем хватъ – и прям на коготь, что у щупальца на конце. Огонь вспыхнул – зверюга щупальце и отдернула. А вторым – цап за грот имперца. И на борт его! Матросы так в воду и посыпались. А тварь корабль к себе подтянула, а людей малыми щупальцами подбирает. Это я говорю – малые, а так они – локтей сорок. А мы стоим, смотрим – ветра нет, штиль. Один торгош спустил шлюпку, так тварь ее сцапала. А в шлюпке шестеро гребцов было да младший кормчий. Хвала Морской богине, ветерок подул, тут мы по-тихому, по-тихому – и ушли. Капитан потом Богине весь барыш отдал. Так-то, парни. Море – это вам не яйца чесать!

– Слышь, Тумес, а правду говорят: тайдуанские маги могут человека в быка превратить? – спросил один из мальчиков.

– Не видал, – сказал вагар. – С магами не знался. А вот быков видел – не вашим чета.

– Это где ж? – спросил старший из подростков.

– Бур-чаданн! – сказал Биорк. – Народ там, честно скажу, диковатый. Лица – будто сплюснутые, кожа желтая, как мокрый песок. А поклоняются богу-быку, как вы.

– Быкоглавый – не бог-бык! – возразил один из ребят. Остальные поддержали его.

– Ну, будь по-вашему, – согласился Биорк. – И то: поглядишь на этих бур-чаданну – бог у них точно другой. Да не о нем речь. Земля там не сады да поля, как у вас – степь! Трава голубая, в человеческий рост, а то и в два, верхушки белые, пушистые, как хвост у пса-следопыта. Ветер подует – заволнуется, будто не трава, а вода морская, и барашки пенные поверху бегут.

– А что быки? – спросил кто-то.

– Не торопи. Представь: поднимаешься на холм и видишь: в голубой траве – темный поток. Быки, телята, коровы – огромное стадо. Тоже, как волны, колышутся. А за ними, в кругловерхих низких фургонах, – бур-чаданну. А уж быки! В холке – локтей шесть!

– Бреешь! То есть не может быть! – воскликнул старший и сам же испугался собственного возгласа.

– Клянусь рогами Могучего! – серьезно сказал вагар. – Шести локтей.

– Да-а! – восхитился кто-то. – Нам бы такого!

– А что эти бур-чаданну, как они живут? – спросил щуплый подросток с торчащими ушами и добрым взглядом.

– Бур-чаданну? Живут. Быков пасут.

– А скажи, – осторожно поинтересовался лохматый толстогубый подросток. – Где ты так драться выучился?

– Отец научил, – сказал Тумес-Биорк после паузы.

– А отец твой кто? Воин?

– Умер, – буркнул Тумес-Биорк. И лег лицом вниз на жесткую постель.

Старший подросток отвесил лохматому затрещину.

– Крысиный огузок! – прошипел он.

Однако делать было нечего. Мальчики перебрались на другой конец комнаты и шушукались там еще с полчаса. Потом расползлись по своим ломам, и старший задул лампу.

Теплые сумерки стерли краски с фарангских предместий. Зато четче, рельефнее обозначились границы вещей, отчеркнутые тенями. Звуки, чье место в нашем сознании обычно сужено зрительными образами, тотчас утратили свою суматошность, наполнились смыслом: тут рокот прибоя, переставший быть просто шумом, и шелест листьев, обретший тысячу голосов, тут потрескивание камней, остывающих, просыпающихся, и тонкий свист ящерицы. Шепоты и шепоты. Скоро вязкая южная тьма освободит и остальное: водопад запахов ударит в ноздри, осязаемым станет ветер, и влажный пар, исходящий от поверхности вод, станет теплым и соленым, какой он и есть на самом деле.

Мужчина смотрел на обнаженную девушку. На темный, нет – черный, потерявший выпуклость – силуэт, тень на светлой стене воздушного пространства, поднявшейся над восходящей плоскостью Фарангского залива. Сильная рука мужчины черпала мелкий песок, приятный сохранившейся в нем теплотой, и, медленно разжимаясь, отдавала его назад, туда, где он переставал быть песком в руке, а становился частью сущности, называемой «берег».

Девушка двигалась. Из-под босых ног вспархивали маленькие песчаные вихри. Она танцевала. Музыкой ей были мерное дыхание волн и собственное пение и еще шорох, с которым ноги ее разбрасывали песок:

– В темной воде синеватая нить.

Мир разделяется – «мы» и «они».

Желтые пятна и соль на пустом берегу.

Тысячи звезд осыпаются в нас.

Мы улыбаемся. В тысячный раз
Наши тела утопают в песке,
Как деревья в снегу.

Веточки пальцев в сугробах песка.
Капли зрачков – дважды два огонька.
Сполохи голоса в раковине наших рук.
Тяжкие головы темных домов.
Желтая пена клубящихся снов.
Тянет к себе голубой, чуть задымленный круг.

Боги не спят, они смотрят на нас.
«Мы» – это больше, чем здесь и сейчас.
Кокон света на чуткой груди Пустоты —
Наши глаза. В колыбели песка
Мы засыпаем – висок у виска:
Звезды. И звездная пыль на плече Темноты.

Песня кончилась, и девушка, оборвав движение, подошла к мужчине. Она опустилась рядом с ним на песок. От мокрых ее волос пахло водорослями и женственностью. Мужчина положил руку на прохладное бедро. Девушка вздрогнула, но не отодвинулась. Рот ее приоткрылся. Ровные зубки блеснули отсветом взошедшей луны.

– Мой господин, – проговорила она голосом, в котором перекачивались морские волны, – ты знаешь...

– Молчи! – Мужчина провел рукой по ее ноге, и мозоли, натертые на ладони рукоятью меча, царапнули нежную кожу. – Я знаю, что ты хочешь сказать. И знаю, зачем ты пела эту песню. Не спрашивай, не разрушай чар. Довольно мне дня, чтоб носить одежду охотника.

Девушка отвернулась и надула губки. Теперь взгляд ее был обращен в сторону красных огней, обозначивших Фарангскую гавань. Мужчина нахмурился, но лишь на мгновение. Рука его легла на затылок девушки и повернула ее головку.

– Не нужно играть со мной, маленькая! – сказал он мягко. Но девушка, многое знавшая о нем, ощутила холодок, стекший по позвоночнику. – Я никогда не обижал тебя, – продолжал мужчина. – И не обижу сейчас. Но плата, которую ты получишь, будет такой, какой ее определю я, а не той, которую захочешь ты! – Теперь обе его руки держали голову девушки так крепко, что Нини не смогла бы пошевелинуть ею, даже если б захотела. – Скажи мне, моя фьель, я когда-нибудь обижал тебя?

– Нет! – шепнула девушка.

– Я когда-нибудь обещал тебе что-то?

Нини попыталась вспомнить, но не смогла:

– Нет, господин.

– Может быть, я оставлял тебя огорченной? Была ли моя признательность за то, что ты даешь моим чувствам и моему телу, скудной?

– Нет! – сказала девушка и улыбнулась.

Этот мужчина, несмотря на свои сорок шесть лет и сотни сражений, был лучшим из тех, кто звал ее, чтобы украсить свой отдых. И самым щедрым.

– Не пытайся опутать меня, маленькая плясунья! Столько женщин делили со мной и жесткую палубу корабля, и воздушные ложа дворцов, что на моем уде выросла скорлупа крепче ореховой (девушка хихикнула). Да и чутье мое лишь немногим уступает чутью белого гурамского следопыта. Иначе я не был бы тем, кто я есть!

Мужчина потер ладонью грубый рубец на подбородке, а потом улыбнулся и тряхнул головой, будто сбрасывая что-то.

– Пойдем! – сказал он. – Я пригласил сегодня мимов из Дворца Наместника. Хотел городского скадда, но Отважный, – мужчина хмыкнул, – Шинон меня опередил. Не огорчайся, мимы хороши!

Мужчина поднялся и стряхнул с себя песок. Девушка тоже встала и, неся в руке набедренную повязку, пошла вслед за ним туда, где дожидались, угрюмые и внимательные, воины охраны. Сдвоенные мечи десятников тускло поблескивали на рукавах их курток. Девушка шла прямо на них, и воины расступились, проводив алчными взглядами ее подрагивающие ягодицы, с которых осыпался налипший песок.

Мужчина помог девушке сесть в экипаж, запряженный пятеркой упряжных псов.¹³ Воины-охранники вскочили в седла пардов, мужчина свистнул и погнал упряжку вверх по дороге в сторону Фаранга.

¹³ Упряжные псы – порода собак, специально выведенная для нетяжелых повозок, которые должны двигаться быстро. Упряжные псы – мощные, очень добродушные животные размером с осла.

VII

«Что же до женщин Конга, то они в большинстве очень привлекательны. Тела их стройны, формы округлы, но без излишней полноты. Волосы конгайки имеют темные, мягкие и волнистые и только на голове, потому что на теле их волосы не растут даже и в глубокой старости. От этого, должно быть, и еще от здоровой пищи, кожа конгаек нежная и гладкая, с приятным запахом. Цветом же различна: темно-янтарная, кофе со сливками, красное дерево. В любви конгайки страстны и преданны избранному мужчине. Посему до недавнего времени на рабских рынках конгайки ценились вровень с красавицами из Тайдуана. И ныне ценились бы, но – хвала деду здравствующего императора, – нет более в империи ни рабских рынков, ни рабов! Когда я пишу: женщины Конга, то полагаю под этим одних лишь исконных конгаев. О богопротивных соххогоях скажу лишь, что женщины их так же отвратительны, как и их обычаи...»

Сигвар Гурский. Описание земель. Глава «Благословенный Конг»

– Войди! – произнес Нил, услышав звук гонга.

Дверь распахнулась, и аромат благовоний коснулся ноздрей воина. Он узнал вошедшую: жена Дага, та, что была на вчерашнем завтраке у Шинона.

«Как ее зовут?» – подумал Нил. Но вспомнил, что Даг сказал только: моя жена.

– Приветствую тебя, воин! – с улыбкой проговорила женщина.

Вишневая юбка с золотым узором и косым краем, обнажающим левое бедро. Черная шелковая блузка прикрывает левое плечо, а на правое наброшена кружевная накидка из паутиной ткани. Длинный нижний край юбки опускается ниже правого колена, а верхний исчезает под свободным краем блузки, идущим наискось вниз от пояса с правой стороны до середины левого бедра женщины. Волосы уложены в замысловатую прическу, походившую на крепостную башню. Овальные золотые головки булавок еще более подчеркивают это сходство. Маленькие уши и стройная шея. Высокий гладкий лоб. Тяжелые золотые серьги почти касаются плеч. Зеленые глаза, обрамленные длинными черными ресницами, кажутся еще огромней из-за умело положенного грима. Красная помада на пухлых губках блестит, как полированный металл.

Гостья улыбнулась Нилу.

– Приветствую тебя, прекрасная госпожа! – вежливо сказал воин. – Господина моего нет. Не знаю, смогу ли я, его скромный слуга...

– Сможешь! – перебила женщина. Голос ее – низкий, бархатистый, как мурлыканье кошки. Крупной и опасной кошки.

Женщина сбросила с плеча накидку и опустилась в кресло справа от Нила.

– Меня не интересует твой господин! – сказала она надменно. – Я знаю, что он сейчас пьет розовое вино в доме Шинона и слушает его байки. И оба делают вид, что любят друг друга, как братья. А наш Начальник Гавани, он, конечно, смел, но... – женщина поглядела на Нила, – при этом хитер, как леопард, и вкрадчив, как...

– ...ты! – перебил Нил, осклабясь и бесцеремонно разглядывая конгайку. И, поймав этот жадный тяжелый взгляд, женщина раздвинула алые губы и облизнула их быстрым язычком. Ее лицо, точеное, без малейшего изъяна, плавно сужалось к подбородку. Миндалевидные зеленые глаза ответили Нилу столь же откровенным взглядом.

– Красавица, – проворчал Нил, кладя руку на подлокотник ее кресла, – назови свое имя, чтобы мне не пришлось звать тебя госпожой!

– Я – такая же госпожа, как ты – слуга, воин! – Женщина коснулась руки воина. Камни драгоценных колец, унизывающих длинные тонкие пальцы, переливались в свете алебастрового светильника.

Нил резко придвинул ее кресло так, что оно оказалось напротив его собственного.

– А не боишься ты, женщина, что муж твой узнает? – спросил воин насмешливо.

– Эта жаба? – воскликнула женщина. – Да он валяется, как дохлый слизень, после того как ты его отделал! Его и эту злобную тварь – Торона. – Глаза ее сузились. – Пусть узнает! – Женщина широко расставила колени и взялась руками за подлокотники: – Пусть посмеет вякнуть! Это со своими чинушами он – бык! Я-то знаю, каков он! Гнилой стручок! Собачья отрыжка! – Она вскочила с кресла и схватила Нила за уши. – Ты долго будешь болтать, воин?

Нил положил ладони на бедра конгайки, сжал их и поднял женщину в воздух. Та инстинктивно вцепилась ему в предплечья.

– Мне... больно! – выдохнула она.

– Потерпишь! – властно сказал воин, поднимаясь. Теперь подошвы кожаных плетеных сандалий женщины оказались в двух локтях от пола.

Бицепсы Нила вздулись огромными буграми, но на лице не было ни малейшего следа напряжения – та же неподвижная маска и насмешливый взгляд из-под массивных надбровий.

– Так как же звать тебя?

– Тэлла... Отпусти!

– Хой! – крикнул Нил, подбрасывая ее в воздух и ловя на подставленную ладонь. – Я рад, Тэлла, что ты пришла! – Он покачал ее, сидящую на толстой руке, как на ветке дерева. – Я рад, но будешь ли ты рада – не знаю!

И он захохотал.

– Долго ты будешь так держать меня? – Конгайка одной рукой цеплялась за предплечье Нила, другой развязывала шнуровку блузки.

– Год! – воскликнул воин, подбрасывая ее (она вскрикнула испуганно и восторженно) и снова ловя. – У тебя такая крепкая попка!

– Не только попка! – Тэлла наконец освободилась от блузки и приподняла руками груди. Рисканная операция, если учесть, что она все еще балансировала на ладони Нила.

– Хой! – выкрикнул гигант и швырнул ее сквозь тростниковый занавес в соседнюю комнату.

Тэлла завизжала, охнула, упав на мягкое широкое ложе, служившее постелью Эрда. Нил прыгнул вслед за ней, повалил на живот, задирая юбку, с треском разрывая ткань набедренной повязки.

– Нет! Нет! Не надо! Не спеши! – вопила женщина.

Но гигант не обращал на ее крики ровно никакого внимания. Гора мускулистой плоти вдавила конгайку в ложе. Не в силах ни вскрикнуть, ни вздохнуть, она только полузадушенно всхлипывала. Когда он поднялся с нее, женщина со стоном перекатилась на спину и минуту лежала так, раскинув руки и ноги и жадно ловя ртом воздух, пропитанный запахом ее собственного пота и влаги.

– Ты – сам Тур! – прошептала она, когда ей в конце концов удалось отдышаться.

Нил нависал над женщиной: огромное изваяние, белеющее в полумраке. Маска-лицо приблизилось к ней, и широкий рот накрыл перемазанные красной сладкой помадой губы. Жесткие ладони опустились на мягкие горячие груди, стиснули их. У Тэллы перехватило дыхание. Она извивалась и дрыгала ногами. Но гигант выпил весь воздух из ее легких и целую минуту не позволял вдохнуть. А когда она, почти в беспамятстве, потеряв ощущение времени, тела, всего – только дышать, дышать! – поняла, что рот ее свободен, то даже не сразу ощутила, что Нил вновь овладел ею, и ее ноги уже обвили его, а сознание тонуло в теплой волне, идущей от низа живота.

И снова она глотает ночной воздух, обессиленная, но не опустошенная, наоборот, чувствующая в себе силу. Будто семя, которое она приняла, жжет ее изнутри.

А Нил уже держит ее в объятиях, несет куда-то – и они вместе погружаются в теплую, смывающую пот воду. И Тэлла распласталась на груди воина, а лицо Нила улыбается ей из-под воды.

«Как долго он лежит там и не задыхается!» – думает она.

А вот Тэлла плавает над ним, а его губы касаются гладкого живота – ниже, ниже... Нил снова улыбается под водой – у женщин Конга на теле совсем нет волос, это ново для него. Так же, как для Тэллы – его заросшая светлой шерстью грудь, жесткая поросль над чугунными мышцами брюшного пресса. И ее губы скользят по животу Нила, а он держит женщину за бедра, не пуская. Но она тянется, тянется... И вот то, к чему она стремится, само поднимается к ней.

Шумные волны с плеском ударяются о стенки бассейна, когда Нил, огромный, могучий зверь, выбрасывается из воды, падает на нее, Тэллу, ускользящую... Разве от него ускользнешь?

Вот они, сухие, с чистой хрустящей кожей, лежат на мягкой прохладной ткани, а рассвет уже пробивается сквозь паутинную кисею оконных арок.

Рука Тэллы гладит выпуклую грудь воина.

– Еще, моя смуглая львица? – спрашивает Нил.

– Довольно, мой Тур! – говорит она. – Я устала.

– Врешь! – смеется воин, ловит ее руку и прижимает к своим чреслам.

Прав он. Нисколько она не устала, а втрое сильнее, чем была до этой ночи. И знает Тэлла: это его сила. И знает, что родит сына, который никогда не увидит отца.

Разве такого удержишь рядом? Счастье – он сейчас здесь. Горе – ей так скоро надо уходить. Но у них еще два часа...

– У нас еще море времени! – говорит она. – Целых два часа!

А он снова смеется.

– Два часа? Два часа – всего один шаг! – И снова берет ее в себя. Нет, это она берет его. И два часа, верно, только один шаг. Кто бы мог поверить?

А жадное южное солнце уже пьет ночную влагу. И Тэлла встает... И падает, потому что ноги ее – как та вода, что сейчас па€ром поднимается с глянцевых листьев. А Нил смеется, и относит ее в бассейн, и опускает в прохладную воду. А потом вынимает, раскладывает на мохнатых полотенцах, мнет, щиплет, гладит – и силы возвращаются.

Нил, уже одетый, помогает ей надеть праздничную одежду, подносит круглое зеркало. И Тэлла радостно улыбается, видя, что ночь, против обыкновения, не выпила краски ее лица. Что довольно лишь тронуть тушью ресницы – и ничто не сделает ее красивей. А справа она видит Нила и понимает – только слепой мог считать его уродом.

– Ты прекрасен, мой Тур! – шепчет Тэлла, притягивает голову воина к себе, целует глаза, губы, нос, щеку... – Ты прекрасен! Ты знаешь это?

– Знаю! – говорит Нил.

И Тэлла оказывается высоко над его головой, под самым потолком. «Я счастлива!» – думает она. А стены комнаты вращаются, бегут вокруг. Только запрокинутое лицо Нила неподвижно. И Тэлла смотрит на него сверху. Сверху! Нил опускает ее в кресло, обувает сандалии, ласково прикасаясь к маленьким ступням.

Они спускаются вниз, к ее носилкам. А ленивые носильщики дрыхнут в тени чинары. И на их спящих физиономиях – довольные улыбки: прошлым вечером им принесли ужин, какого они не ели ни разу за всю свою короткую жизнь, и вдоволь темного вина. Вот они встают, разбуженные Нилом. Почему раньше они казались ей такими сильными? Просто карлики рядом с ее возлюбленным! Носильщики трут опухшие веки.

– Хранят тебя боги, мой Тур! – говорит Тэлла.

И, не стесняясь, тянется к его губам. И ей, конечно, не дотянуться, но Нил поднимает ее, прижимает к твердой, как мрамор, груди:

– Хранят тебя боги, моя богиня!

Тэлла покачивается на мягких подушках, а мысли ее блуждают, как накутившиеся веселого дыма хуридские матросы. Никак не согнать ей с лица блаженную улыбку. Тэлла берет острую шпильку, смачивает ее духами и глубоко вгоняет в бедро. Больно, но улыбка упорно сидит на ее лице. Даже становится шире.

«Неужели ты думаешь, что справишься со мной?»

И тогда Тэлла вспоминает того, кто вчера послал ее к Нилу, жестокого, ненасытного в зле, мужа своего, Дага. И улыбка сходит с ее лица, прячется внутрь. И она может спокойно войти в его спальню, пропитавшуюся запахом болезни.

Даг впивается в нее взглядом, обшаривает всю, до кожи, до того, что под кожей, шупает ее своими ледяными глазками, еще более липкими, чем потные руки.

– Ну? – хрипло говорит он.

Тэлла улыбается. Не так, как минуту назад, а так, как должна улыбаться самка леопарда, прокусывая горло жертвы и всасывая свежую кровь.

– Он чист, – говорит женщина. – Он ненормальный, но он чист. И точно собирается в этот страшный Урнгур (верю, милый, что и Урнгур не страшен для тебя). Сумасшедший, но не шпион. Я... – внезапно придумав, – ...обещала ему пропуск. Сказала, что добьюсь этого от тебя.

Даг недовольно морщится (Кривись, кривись, мерзкая пиявка!).

– Должна же я была заставить его поверить! – говорит Тэлла. И, с гордостью: – И я доби-лась своего!

И муж, с кислой миной, но соглашается: да, ты умеешь добиваться своего. И внезапно спрашивает:

– Ну, ты хоть получила удовольствие?

Ледяные глазки-иголки шарят по лицу Тэллы. Тэлла растягивает губы:

– Он слишком велик для меня, – погладив впалую щеку мужа. – Слишком тяжел и груб. Но ты должен дать ему пропуск, будь он сам Равахш. Я обещала, и этот мужлан не должен считать меня лгуньей... Или что-нибудь заподозрить... (Вот довод специально для тебя, гнилой сучок!) Радуйся, что он вчера не убил тебя, поблагодари его хозяина: это магхар, настоящий зверь! Тебе придется вознаградить меня.

– Вознагражу, – соглашается Даг.

Скупость ему не свойственна.

– И ты права, пропуск ему придется дать – сама отнесешь.

Тэлла делает гигантское усилие, чтобы не выказать радости, но безразличного выражения ей не сохранить, и она делает недовольную гримаску.

– Пошли слугу! – говорит она. – Это животное будет опять трахать меня. Я не смогу ему сопротивляться: ты знаешь, какие у него лапы?

Даг морщится: он-то знает.

– Нам придется немного потерпеть! – говорит он.

«Нам! – мысленно возмущается Тэлла. – Если бы дело касалось твоей дряблой задницы, ты не подошел бы и на арбалетный выстрел!»

– Я подарю тебе ожерелье из больших изумрудов! – обещает Даг слащавым голосом. – Оно пойдет тебе, твоим очаровательным глазкам!

Тэлла молчит. Если она согласится только на ожерелье, хитрый Даг может подумать, что она запросила слишком мало.

– И карету из орехового дерева с восьмеркой упряжных псов! – дерзко требует она.

– И карету, – соглашается Даг.

Вот теперь довольно. Тэлла улыбается:

– Хорошо, милый, я сделаю. Но почему бы тебе не отправить меня к его хозяину? Неужели ты думаешь, что я справилась бы с ним хуже, чем этот наглый Шинон?

Даг усмехается.

– Аристократ слишком красив! – говорит он. – Боюсь, ты потеряла бы голову, прежде чем доискалась истины. К тому же Шинон уже подсунул ему какую-то девку. Да и гостиница – более подходящее место для нас, чем дом Шинона. Хотел бы я знать, где строитель этого дома? И кто его сцапал?

– Разве ты не догадываешься? – лукаво спрашивает Тэлла. – Ты, такой проницательный...

– Догадываюсь, – сухо говорит Даг. – Но твой язычок слишком близко от твоих ушек!

Тэлла смеется:

– Ты шутишь дорогой! Тебе лучше?

VIII

*«Их гонят туда, и они идут туда; их гонят сюда, и они идут сюда.
Они не знают, куда идут...»
Надпись на древнем камне*

Эрд сжал коленями бока парда, и тот пошел плавной рысью вслед за пардом начальника сотни. Два десятника скакали слева и справа от светлорожденного. Сдвоенные золотые мечи на рукавах их курток, наброшенных поверх тонких кольчуг, сверкали в лучах солнца. Позади, по трое, ехали солдаты эскорта, тридцать воинов.

Отряд выехал из Фаранга, миновал заставу, где Эрду не так давно отказали в проезде, и парды прибавили шаг. Плодородная равнина лежала по обе стороны неторопливо текущей реки, многоводной Фуа. На высоком берегу росли деревья. Иногда дорога отступала от реки на четверть мили, и тогда возделанные земли оказывались по обе стороны от путников. Иногда в отдалении можно было заметить двух-трехэтажные виллы. А потом справа возникла высоченная каменная стена, протянувшаяся не меньше чем на милю.

– Что это? – спросил Эрд десятника.

Но тот сделал вид, что не услышал. Неожиданно стена прервалась распахнутыми воротами, за которыми Эрд увидел широкую белую дорогу, а дальше – огромный дворец, куда больший, чем тот, что принадлежал фарангскому Наместнику. Светлорожденный придержал парда, чтобы рассмотреть подробнее, но десятник хлопнул его животное по крупу, пард прыгнул, и сбоку опять потянулась сплошная каменная стена едва не в пятнадцать локтей высотой.

«Владение соххогая», – сообразил Эрд.

Сзади послышался топот. Отряд всадников настигал их. Воины на отличных боевых пардах обогнали фарангцев, преградили путь. Сотник взмахнул желтым флажком с гербом Конга: особый гонец Великого Ангана. И всадники тотчас освободили дорогу и умчались обратно. Стена, обозначавшая владения соххогая, кончилась, и снова потянулись плантации, оливковые рощи, виноградники. Сады низкорослых лимонных деревьев, тщательно возделанные поля. Оросительные каналы уходили в глубь долины.

Когда солнце прошло треть своего дневного пути, начальник сотни дал знак: спешиться! Платановая рощица укрыла воинов от полуденного жара.

Пардов расседлали, достали еду и вино. Сотник предложил Эрду разделить их трапезу, и светлорожденный охотно согласился – он успел проголодаться. Когда с завтраком было покончено, солдаты, сняв доспехи и сапоги, расположились в тени. Одни предались игре в кости, другие просто уснули. Сотник поставил часового наблюдать за дорогой. Эрду эта мера показалась излишней: что может угрожать тридцати воинам в их собственной стране?

Начальник подошел к светлорожденному.

– Господин, – сказал он. – Ты можешь отдохнуть. Два часа мы будем здесь. Только прошу тебя, не удаляйся от деревьев.

Эрд кивнул. Он лег на теплую землю. Пестрая от солнечных бликов листва колебалась под дуновениями легкого ветерка. В узких просветах Эрд видел высокое белесое небо. Веки его слипались. Ветер, дувший со стороны реки, приятно освежал кожу. Эрд задремал...

* * *

Прошло не более часа с тех пор, как взошло солнце. Мара шла по пустынной тенистой аллее и тихонько напевала. День прекрасен. И ночь была хороша. Мара покосилась на новый brasлет из черного серебра, инкрустированный крохотными рубинами. Но не он был причиной

ее отличного настроения: она узнала, что Санти жив и увезен на корабле вверх по Фуа (значит, не на юг!). Может быть, слава его дошла до дворца Великого Ангана? Северная женщина, прекрасная, как боги на старинных фресках, похвалит Мару! Вдруг девушка почувствовала нечто странное. Сначала она не поняла, а потом догадалась и так удивилась, что даже замедлила шаг. Аллея была пустынна. А ведь в это время здесь, в богатой части города, обычно довольно много людей. Мара даже слегка испугалась. Но оглянувшись назад и успокоилась: в сотне шагов позади она увидела нескольких человек. Аллея повернула направо, до дома девушки оставалось не больше пяти минут ходьбы. Навстречу ей двигались закрытые носилки, сопровождаемые двумя бегунами.

«Интересно, кто в них?» – подумала девушка, уступая дорогу.

Коричневая штора открылась, но Мара ничего не успела увидеть: к лицу ее прижали платок, и она вдохнула пыль толченого дурманного гриба.

* * *

– Господин! – услышал Эрд голос сотника. – Пора ехать.

Светлорожденный легко поднялся на ноги. Солдаты уже седлали пардов, застегивали ремни амуниции.

«Их стальные кирасы, должно быть, сильно раскаляются на солнце», – подумал Эрд.

Прошло не более трех минут, и отряд, поднимая мелкую серую пыль, снова скакал на запад. Вокруг – те же плантации, сады, поля. Казалось, они уже ехали здесь утром. В просветах между деревьями блестела желто-зеленая вода Фуа. Дневное светило посылало вниз потоки жара. Рубашка Эрда липла к телу, и он порадовался, что не надел кольчугу. Даже грязноватая вода Фуа показалась ему привлекательной. Он почти ощутил, как толкают его прохладные струи, несущие крохотные комочки желтого ила. Эрд глотнул из фляги теплой подсоленной воды.

«Не надо было вчера пить столько вина», – подумал он.

Дорога спустилась в некое подобие оврага. По обе стороны поднимались заросшие жесткой бурой травой склоны. Снизу траву обильно покрывала дорожная пыль.

Слух Эрда уловил топот скачущих пардов. Впереди. Тело его слегка напряглось – дань инстинктивной для воина осторожности. Он понимал, что с таким эскортом вряд ли ему угрожает опасность.

Начальник сотни обернулся и посмотрел на светлорожденного. Губы конгая шевельнулись. Эрду показалось: сотник сказал что-то. Но сквозь шум тридцати четырех бегущих пардов он не расслышал ни слова.

Из-за поворота показался отряд из двух дюжин всадников. Короткие пики и отсутствие опознавательных знаков показывали, что это не солдаты Великого Ангана.

«Воины какого-нибудь соххогая?» – предположил Эрд.

Оба отряда быстро сближались. Двести, сто шагов... Командир чужого отряда, в стальной кольчуге, с тяжелым мечом у пояса, коснулся пальцем сверкающего шлема. Начальник сотни ответил тем же. И осадил парда. Одновременно с этим один из десятников хлестнул плетью животное Эрда. Зверь обиженно мяукнул и одним прыжком вынес Эрда на пятнадцать шагов вперед. Всадники встречного отряда начали перестраиваться.

Почуввав недоброе, Эрд оглянулся на свой эскорт... И ему все стало ясно. Отъехав назад и поставив пардов бок о бок, сопровождавшие светлорожденного солдаты заперли ему выход из ущелья. Начальник сотни и оба десятника глядели на светлорожденного. И лица их были достаточно выразительны.

Эрд посмотрел на отвесные склоны ущелья, заросшие пучками бурой травы и ползучим кустарником. «Пожалуй, хороший пард смог бы подняться! – подумал он. – Но даже плохой арбалетчик...»

Встречный отряд перестроился. Начальник его опустил забрало и вытянул из ножен меч. Всадники опустили копыя, и парды рванулись вперед. В передней шеренге – пятеро всадников, плечо в плечо. И отдельно – начальник отряда, опередивший их на один длинный прыжок. Пард его испустил рык, от которого кровь светлорожденного вскипела.

Командир нападавших, размахивая мечом, первым налетел на Эрда. Непривычный к бою беговой пард светлорожденного шарахнулся в сторону, и вражеский меч, прочертив широкую дугу, прошел в локте от головы северянина. Одновременно белый же клинок Эрда вошел в разорванный криком рот конгая.

Светлорожденный выдернул меч, и враг его выпал из седла и повис на ремне, касаясь мертвыми руками пыльной дороги.

Не больше мгновения заняла схватка. Два прыжка скачущего парда. Два прыжка, на которые опередил начальник свой отряд. Первая шеренга, пять опущенных копий, острия которых были уже в десяти локтях от светлорожденного, вторая шеренга – в восьми локтях от первой, третья...

Взбешенный пард начальника отряда прынул назад, вскинулся на задние ноги и сшибся с первой пятеркой. Три пики одновременно пронзили его, и пард повалился под ноги мчащихся животных. Только один зверь сумел перепрыгнуть через образовавшуюся свалку. Этот единственный всадник оказался лицом к лицу со светлорожденным, когда вторая шеренга врезалась в первую. И ущелье наполнилось воплями людей, ревом и визгом грызущихся пардов.

Эрд отсек наконечник пики своего противника и, без сомнения, прикончил бы его следующим ударом, но сквозь рычание и крики впереди сумел уловить шум наверху. Он посмотрел туда, где над крутыми склонами ущелья синело небо... и мгновенно нырнул под брюхо своего пляшущего парда.

С обеих сторон, перевалив через гребни, верхом на приседающих, визжащих, ревуших пардах катились на него размахивающие мечами всадники. Миг – и они уже на дороге. Все мастерство Эрда оказалось бы бесполезно перед столь сокрушительным ударом. Но налетевшие сверху не сумели справиться со своими пардами, взбешенными ревом сородичей из первого отряда, рвущими друг друга. Боевой пард очень легко впадает в неистовство в бою. Один из зверей рванул клыками парда Эрда. Тот завизжал, лязгнул челюстями, завертелся на месте, но его обидчик был уже в пяти локтях, и клыки укушенного впились в ближайшее – плечо одного из всадников.

Вряд ли кто из нападавших сверху понял, куда пропал Эрд. А если и понял – было не до Эрда.

Волна, хлынувшая с левого склона, опередила правую. Поэтому пард светлорожденного оказался отесненным влево. Зверю удалось устоять на ногах. Повиснув под пятнистым брюхом, Эрд видел множество лап, взметающих дорожную пыль. На расстоянии вытянутой руки от него свешивался вниз мертвый воин с начисто оторванной рукой, дальше бился, пытаясь встать, упавший пард, но лапы сородичей прижимали его к земле, оставляя на пыльной шкуре кровавые следы когтей, а зверь, лежа, рвал их клыками.

Место под брюхом было самым безопасным в этом побоище, но светлорожденный понимал: если он хочет спастись, сейчас самое время.

На расстоянии шести шагов от него начинался правый склон ущелья. Шесть шагов и целый лес когтистых лап.

Но Эрд рискнул.

Обрезав седельный ремень, он упал наземь, проскользнул под брюхом ближнего парда, схватил соседнего за хвост и запрыгнул на широкий круп. Зверь, извернувшись, попытался

схватить человека. Но, сжатый со всех сторон, не смог дотянуться. Собственный его всадник был мертв: истек кровью из разорванного клыками бедра. Эрд встал на ноги и, оттолкнувшись от спины парда, прыгнул на крутой склон ущелья.

Стелющийся кустарник и жесткие пучки травы мгновенно изрезали его руки. Сапоги для верховой езды скользили по гладкой траве. Но, помогая себе мечом, Эрд упорно карабкался вверх. И пока светлорожденный не одолел половину склона, никто не обращал на него внимания. Воин надеялся, что ему удастся уйти незамеченным. Однако он забыл о собственном эскорте.

Начальник сотни сразу сообразил, чем закончится дело. Сразу, как только пронзенный копьями пард упал под ноги скачущих животных. А сообразив, приказал своим солдатам держаться подальше от свалки. Он видел, как Эрд спрятался под брюхо парда. Но ожидал, что светлорожденный останется там, пока все не успокоится. В любом случае у него не было возможности вмешаться. И приказа вмешиваться тоже не было. Сотнику было велено довести Эрда до ущелья, отрезать ему путь назад – и все.

Следуя приказу, сотник должен был позволить светлорожденному уйти, когда увидел его взбирающимся наверх. Но им овладел гнев. И сотник не смог позволить хитрому северянину удрать, когда из-за того погибло столько конгаев.

Эрд уже почти достиг верха стены, когда сквозь вопли и рычание услышал пронзительный крик сотника. Эрд оглянулся. Его эскорт, понукая пардов, пытался взобраться наверх, однако животные, подпрыгнув на шесть-семь локтей, съезжали вниз. Никто из конгаев не догадался спешиться. Эрд достиг края оврага и приготовился к схватке, но, к его удивлению, наверху никого не было. И он бросился к зарослям кустарника.

«Если все начальники Конга столь же бестолковы, – подумал он, – непонятно, почему мы потеряли эту провинцию».

Проломившись через кусты, светлорожденный оказался в пальмовой роще, среди высаженных ровными рядами деревьев.

«Два умело укрытых арбалетчика... Ну, четыре, учитывая, что охотиться придется на меня...» – подумал Эрд.

Нет, это была весьма странная история! И почему его не прикончили, пока он спал? Куда как проще!

Позади раздался топот. Эрд оглянулся и едва не вскрикнул от радости – его догонял одинокий всадник. Начальник сотни.

Эрд остановился и повернулся к преследователю: ничто так не привлекательно для всадника, как затылок убегающего врага. То, что светлорожденный не попытался укрыться между деревьями, настолько удивило сотника, что он придержал животное и потерял единственное преимущество – скорость. Попытайся он грудью парда сбить Эрда, тот вынужден был бы отскочить в сторону и мог угодить под удар меча. А теперь...

Светлорожденный шагнул вперед и издал крик, которому его выучил Биорк: тонкий ужащающий вой, от которого любой пард теряет самообладание.

Животное сотника было отлично вышколено. Пард не встал на дыбы, не бросился прочь, а лишь зарычал и попятился, понукаемый всадником, но не в силах совладать с собственным ужасом. Эрд бросился к нему. Сотник взмахнул мечом, и белый клинок встретился с дымчатым конгским лезвием. Одновременно с этим тонкий кинжал Эрда, проткнув бедро сотника, разрезал артерию. В пылу схватки конгай даже не заметил раны. Он рубанул Эрда еще раз, промахнулся, завертелся вокруг на рычащем парде, пытавшемся было схватить Эрда, но оставившего эти попытки после удара по носу. Эрд уворачивался от меча сотника и выжидал. Он видел, что пятнистая шерсть на боку и светлый мех на брюхе парда уже пропитались кровью наездника. Эрд не слишком торопился, однако и особенно медлить не стоило: несколько спе-

шившихся солдат выбрались из оврага и бежали к нему. Эрду нужен был пард. И он получил его!

Сотник покачнулся в седле, его рука повисла, меч выпал из нее. Светлорожденный схватил конгая за поясной ремень, одновременно двинув кулаком по морде зверя, снова попытавшегося укусить. Сотник вывалился из седла. Прежде чем испуганный пард успел отпрянуть, Эрд взлетел на его спину. Взмах – поясной ремень лопнул, и сотник тяжело упал на траву. Эрд сжал колени, и пард быстрее стрелы помчался вперед. Раненый командир – вот все, что досталось подбежавшим солдатам. Десятник злобно выругался: пард сотника был одним из лучших в Фаранге. Попробуй-ка догони его!

* * *

– Это ты, Хуран?

– Я, господин.

– Что девушка?

– В грезах, господин. Твои люди перестарались, и она вдохнула слишком много.

– Брюхо Равахша! Когда, ты говоришь, Имх сможет заняться ею?

– Я этого не говорил, господин, но думаю, за час-другой до захода она перестанет путать сон с реальностью. Но еще долго не будет чувствовать боли.

– Я недоволен, Хуран!

– Твой слуга сожалеет об этом. Но позволь напомнить: не мне ты доверил эту службу.

– Мой воин – опытный человек. И он нужен мне: не сей между нами вражды!

– Я – твой слуга, господин! Но позволь мне напомнить также, что есть еще один воин, которому может не понравиться, если с девушкой обойдутся неаккуратно.

– Я еще не потерял памяти, Хуран. Надеюсь, ты позаботишься о том, чтобы возможные ошибки наших храбрых и, без сомнения, верных Великому Ангану друзей не огорчили слуха никого из Исполняющих Волю?

– Господин может быть уверенным. Значит ли это, что я могу передавать свои пожелания другу господина как пожелания самого господина?

– Хм... Пока нет. Но если ты будешь предан мне, Хуран, ты не будешь обойден.

– Господин более добр ко мне, чем я сам.

– Да, это так. Полагаюсь на тебя, Хуран. Ступай.

* * *

Этайа коснулась струн, и инструмент отозвался ласковым переливом.

«Почему ты никогда не поешь, светлейшая?» – вспомнила она вопрос, задаваемый многими.

«Разве моя игра несовершенна? – спрашивала она тогда. – Разве ее недостаточно для гармонии? Пение не сделает ее лучше».

«Пение сделает ее другой, не менее прекрасной», – говорили наиболее искушенные в убеждении.

«Да, другой, – соглашалась Этайа. – А мне дорого то, что есть».

Это было неправдой. Вернее, той правдой, что скрывает истину. Но что еще она могла сказать? Будь Эрд сейчас рядом с ней, он знал бы, почему она не поет. Но Эрд был далеко. И Нил, который знал о ней больше, чем светлорожденный, тоже был далеко. И Биорк. Если не считать слуг, один лишь старик купец из Атура жил сейчас в гостинице. Хотя нет, и купца не было тоже...

Но – они уже идут. Этайа еще раз тронула струны. Шаги слышались в коридоре: даже мягкие маты не в состоянии заглушить топот солдатских сандалий. Вот они сопят у двери. Сейчас один из них ударит в гонг. Или просто распахнет непрочную дверь. Этайа взяла следующий аккорд и запела...

* * *

Покрытый пылью и пеной, падающей из пасти, обогранный кровью пард вылетел на отрезок дороги, ведущий к заставе. Стражники прервали игру, вскочили, увидели желтый флажок гонца, все еще привязанный к голове парда, и поспешно бросились отодвигать решетку. Когда один из них признал Эрда, было уже поздно. Пард вихрем промчался мимо. Воины растерянно смотрели, как садится облако пыли, поднятое всадником.

Старший опомнился первым. Выкрикивая проклятия, он устремился к высокому дереву. По деревянной лестнице конгай вскарабкался на верхушку, где было установлено сигнальное зеркало. Серия тревожных вспышек полетела в сторону Фаранга.

Всадник на хрипящем парде мчался по улицам Фаранга едва ли не быстрее, чем посланные зеркалом отблески солнечного света. Сопровождаемый криками шарахающихся фарангцев, нещадно понукая зверя, всадник проскакал в сторону Гавани.

IX

«Фарангскую гавань не без оснований считают северными воротами Конга. Но открытые для торговых судов, ворота эти надежно замкнуты от недоброжелателей – заперты расположенными у входа в залив фортами. А если пиратам моря Зур или иным завоевателям удастся все же проникнуть в залив, их ждет малоприятная встреча с северной эскадрой Конга. Именно Фарангская гавань оказалась тем камнем, о который споткнулись воины нашего императора Ферроса, когда, после окончания Времени Смут, сей достойный правитель пожелал восстановить в Конге справедливую власть».

Сигвар Гурский. Описание земель. Глава «Благословенный Конг»

Фарангская гавань. Черда причалов, скопище судов и суденышек, заполнивших одетое в камень устье Фуа и оба берега залива. Грязная, шумная и веселая Фарангская гавань. Все краски Мира и все его пороки. Самое свободное место во всем благословенном Конге.

Нил уже почти два часа шатался по заплыванным наркотической жвачкой пирсам и еще более грязным задворкам фарангского порта. Он успел поболтать с сотней человек: матросов, носильщиков, шлюх, портовых пьяниц. Распил кувшин темного вина с портовыми стражниками (самые осведомленные люди в порту: брать мзду – большое искусство) и узнал имена всех капитанов и кормчих, что покинули Гавань в начале недели. Узнал он также и имя капитана большого торгового корабля, что должен был отплыть вверх по реке будущей ночью. Перебрасываясь шутками, добродушно переругиваясь с теми, кто оказывался у него на дороге, Нил наконец отыскал нужное судно.

Торговец стоял под погрузкой. Уровень воды в Фуа уже упал, и край палубы судна был почти вровень с настилом пирса. Два десятка носильщиков, сгибаясь под тяжестью кулей, сновали туда-сюда. Узкие сходни качались и жалобно скрипели под босыми жилистыми ногами. Капитан, приземистый, багроволицый, с внушительным носом и могучим брюхом, суетился тут же. Сортировал груз, орал, раздавал тумачи. Здоровенная фляжка на его поясе за последние полчаса изрядно полегчала. Толстые короткие ноги, до колен заляпанные грязью, легко носили могучий торс с места на место.

«Светоч Фуа», новое двухмачтовое судно, пригодное не только для каботажа, но и для дальнего морского плавания, пришвартовалось к одному из самых чистых причалов. И носильщики, набивающие сейчас его трюм, были одними из самых крепких в порту. Это кое о чем говорит понимающему человеку. Такому, как Нил. Великан остановился поблизости, наблюдая, как двое грузчиков волокут, сопя и переругиваясь, огромный тюк. Кормчий подбадривал их восклицаниями. Груз был тяжел. Едва грузчики вступили на сходни, один из них потерял равновесие... Кормчий с воплем вцепился в тюк... Все трое вместе с ношей наверняка оказались бы в грязной воде, если бы Нил не подскочил к ним и мощным рывком не забросил тюк на палубу судна.

Кормчий отер заливший глаза пот, уставился на грудь Нила, что была как раз на уровне его глаз.

– Хо! – воскликнул конгай в восхищении. – Однако ты – силач, кусай меня в задницу!

Нил хмыкнул. Кормчий отошел на шаг и воззрился на сплюснутый нос гиганта.

– Борец! – вскричал он. – Люблю борцов! Эй вы, ленивые слизни, бычий член вам в желудки! Шевелись! Шевелись! На, парень! Выпей, парень! Ты сейчас спас мне три двойных тенга, парень! Нет, не три – пять, кусай меня в задницу! На, пей, парень! Это не какая там блевотина из Хуриды! Хлебни, хлебни! – и втиснул флягу в руку Нила.

Великан по обыкновению ухмыльнулся, в два глотка опорожнил фляжку и вернул хозяину. Тот присосался к горлышку... И крайнее изумление отразилось на лице.

– Пуста, кусай меня в задницу! – сказал он почти тихо. – Нет! Пуста! – заорал он. – Эй, борец! Ты все вылакал, кусай меня в задницу! Ты вылакал полфляги крепкого вина старого Гана Хихарры, кусай меня в задницу! На! – Он ткнул Нилу короткую широкую ладонь. – Старый Хихарра твой друг отныне! Клянусь титьками Морской богини, ты пьешь лучше старого кормчего! Эх, выпить бы нам как следует! Да прямо сейчас. – В хриплом басы кормчего появились нежные нотки. – Нет, не могу. Эти блудливые пожиратели дурманной травы разворуют груз!

Хихарра задумался.

– Нет! – Он дернул себя за золотую серьгу. – Слово моряка, мы выпьем с тобой, борец! Вон идет мой сынок! Мой Флон! Выпьем крепкого винца за здоровье Великого Ангана. И за наше с тобой, борец! – Он ткнул кулаком в живот Нила.

– Эй, старик, – насмешливо сказал Нил. – А кто тебе сказал, что я пойду пить с тобой?

– Ты отказываешься? – возмутился кормчий.

– Конечно! Я уже выпил твоего винца. И довольно! Нет, я не пойду с тобой, старик. Это ты пойдешь со мной. И выпьешь моего винца!

Толстые губы кормчего растянулись в улыбке.

– Шутник? – сказал он. – Шутник, кусай меня в задницу! Согласен! Но если ты еще раз назовешь меня стариком, попробуешь вот этого! – Кормчий показал кулак. – Будь ты хоть сам Тур, борец, кусай меня в задницу!

– Согласен, Хихарра! – сказал Нил и побренчал монетами в кармане.

– Эй, заморыши! Шевелись! Шевелись! Уснете, яйца отвалятся! – закричал кормчий носильщикам, которые, заметив, что он отвлекся, заметно убавили прыть.

Невысокий плотный конгай в синей куртке, с внушительным кинжалом на поясе подошел к ним. Он был похож на кормчего, но, разумеется, у него еще не было ни бочкообразного брюха, ни столь заметных следов возлияний на физиономии.

– Приветствие! Флон! – представился конгай, протягивая короткую, ластоподобную, как у отца, руку.

– Нил! Приветствие!

Флону было лет, пожалуй, около тридцати пяти. В отличие от отца он выглядел спокойным, немногословным. Но Нил заметил, как оживились и шибче засновали носильщики при его появлении.

Конгай внимательно оглядел Нила с ног до головы. И остался доволен осмотром.

– Я взял бы тебя младшим кормчим! – произнес Флон. В его устах это было высшей похвалой. – Иди, отец, отдохни! – ласково сказал он. – Я найду тебя в «Дохлой рыбине», верно?

– А где же еще? – удивился Хихарра. – Ты пригласил меня, борец?

– А то! – Нил еще раз звякнул монетами.

«Дохлая рыбина» оказалась широким приземистым домом с крепкой мебелью и огромным чучелом черной акулы над очагом. Пахло пряным мясом, вином, моряцким потом, к которому примешивался легкий запах дурманной травки. Несмотря на ранний час, посетителей в таверне хватало. Здесь собрались представители дюжины народов Мира, у многих в мочке уха блестела серьга Братства Морской богини. Судя по осанке, одежде, оружию, большинство – не простые матросы, а старшие и младшие кормчие с торговых и военных кораблей, нашедших приют в Фарангской гавани.

Раскланиваясь едва ли не с каждым из сидящих за столиками, Хихарра проследовал в угол зала, к черному резному изображению Морской богини на стенной панели. Там стоял стол, с которого слуга уже смахивал пыль и крошки.

Кормчий уселся на прочный шестиногий табурет и ткнул пальцем в винное пятно на несвежей скатерти. Слуга тотчас убрал скатерть, а второй служка уже бежал за новой. Хихарру знали в «Доходной рыбине».

– Крепкого морского! – велел Нил.

Глиняный кувшин с вином и пара маленьких деревянных плошек тут же появились на столе. Гигант плеснул в чашки вина, и новые приятели опорожнили их с подобающим уханьем.

– Недурно! – произнес кормчий, причмокнув толстыми губами.

Слуга поставил перед ними горшочки с дымящимся рагу.

– Откуда ты взялся, борец? – спросил кормчий, отправляя в рот порцию перемешанного с овощами мяса.

Нил решил, что обычай молчания во время еды свойствен только верхушке здешнего общества.

– Да ты можешь не отвечать, коли не хочешь, – невнятно произнес кормчий.

Он хлебнул вина и захрустел черствой лепешкой.

– Да нет, – сказал Нил. – Что мне от тебя таить? Только ты не поверишь.

– Я?! – Хихарра поперхнулся рагу. – Да я столько видал в нашем сраном Мире, что поверю даже в лысину Равахша, кусай меня в задницу! Валяй, говори!

– Урнгур! – сказал Нил. – То, что со мной было, – пустячок в сравнении с тем, что со мной будет: я иду в Урнгур!

Кормчий перестал есть и очень серьезно посмотрел на Нила.

– Ты – здоровенный бугай, – сказал он. – Пожалуй, здоровше тебя я в жизни никого не видал. Но в Урнгуре с тобой точно – будет! И потом будет. Но без тебя.

– А почему ты знаешь? Ты был там, что ли?

– В Урнгуре не был. На границе был. Знаешь, на границе с Угуром и Хуридой (зачем только Неизъяснимому понадобилось создавать это дерьмо?) есть паршивый городишко. Чагун называется. Я ходил туда с товаром. Видел этих... – Нил весь обратился в слух, – ...урнгурцев. С виду-то они люди как люди. Тощие, не очень чтобы сильные. Шкура темная, потемней моей. Веет от них нехорошим. – Кормчего передернуло. – Гордые, скрытные. В Чагуне болтали, кто в их страну войдет, сразу отправляется к их богу, Хаору. И путешествие это... кха-кха... неприятно. Что еще скажу: был у нас случай. Купец из Хуриды, тоже тварь паскудная, недомерил торговцу ткани. Может, обманул, может, просто ошибся, дело людское. Так урнгурец этот схватил тесак и разрезал бедняге брюхо до самого позвоночника. Так-то! – Кормчий покачал головой. – Нет, борец, в Урнгур я тебе не советую. Хочешь сдохнуть – иди на юг, и все тут!

– Однако ж ты ходил в Чагун, – сказал гигант. – И живой.

– То – Чагун! – сказал моряк. – Да, ходил! Больше не пойду, кусай меня в задницу! Хоть и навар получил неплохой – не пойду. Скверная там торговля, борец.

– Ну, мне и здесь жизни не будет, – беспечно сказал Нил.

– А что так, борец?

– Поломал я тут одного... Тороном зовут... Может, слышал?

– Ой-хой! – воскликнул кормчий. – Конечно, Хихарра знает Торуна! Весь Фаранг знает Торуна! Поломал? – Кормчий нежно и восхищенно таращился на Нила. – Ха! Чуял я, что здоров ты, борец, но ты и меня удивил! Удивил! Но тут ты прав, борец, – жизни тебе в Фаранге не будет, кусай меня в задницу! Он же хранитель тела самого душителя Дага, перец ему в мошонку! Уж Даг тебя не оставит, борец!

– Уж точно, – вздохнул Нил. – Я и этого самого Дага немножко... помял.

– Герой! – понизив голос, сказал кормчий. – Жаль, шкуру твою натянут на столб. Сильно помял?

– Вроде того. Он же хлипкий. Разок встряхнул – глазки и закатились.

– Да, борец! – сказал кормчий. – Пожалуй, в Урнгуре тебе самое место. Сматываться тебе отсюда надо так быстро, чтоб тебя еще вчера здесь не было. Как же тебя еще не сцапали, борец? Ты ж прогуливаешься, почитай, на самом виду?

Нил скромно потупился.

– О! – радостно вскричал Хихарра. – Пойдешь со мной. Ночью. Ночью мой «Светоч» отходит. Точно, в самый раз. Со мной пойдешь, борец! Все! Теперь только спрятать тебя до ночи.

– Я не один, – сказал Нил.

– Да? – огорчился моряк.

– Со мной мой господин, мой отец и женщина.

– Ой-хой! – с чувством произнес кормчий, и рука его потянулась к кувшину. – Тебя одного я еще мог бы вывезти без пропуска. Но четверых... Тем более женщину. А кто твой господин?

– Моряк. Его дядя – командующий Южной эскадрой Империи.

– Кто?!

– Эрд Асенар, светлорожденный.

– Ага... – сказал кормчий растерянно. – Понял... – Хотя было очевидно, что он совершенно ничего не понимает. – Я-то думал: с чего это ты схлестнулся с самим Дагом? Но ты, парень, все же молодец, что задавил эту тварь, Торона. Подлый был человек!

– Он жив, – сказал Нил.

– Зря. Уж этот бы тебя не пожалел. Сколько народу перебил. И на арене, и так, походя. Чего ему было бояться – за ним Душитель! Нет, ты его зря не добил... А эти, сдается мне, – за тобой, кусай меня в задницу!

В таверну вошли человек шесть солдат во главе с десятником. Десятник поманил к себе хозяина:

– Эй, мясо! Иди сюда! Мы тут кой-кого ищем.

Хозяин, пожилой, толстый, со щекастой угодливой физиономией, поспешил к воину, но один из гостей схватил его за руку:

– Не торопись, Момон! – И – десятнику: – Ты что здесь распоряжаешься, железнобрюхий, пес тебя дерит?

Десятник уставился на говорившего, здорового моряка со здоровенным мечом и здоровенным шрамом через все лицо. Десятник заколебался. «Дохлая рыбина» – не из тех мест, где городская стража чувствовала себя уютно. Трое сотрапезников меченого глядели на него в упор. Плечи у каждого были настолько шире десятниковых, что тому сразу расхотелось с ними ссориться. Пожалуй, он так и ушел бы вместе со своими вояками, но тут в таверну ввалились еще два десятка солдат, и стражник осмелел.

– Соленый огузок! – бросил он презрительно. – Не мешай слугам Великого Ангана!

– Всё! – сказал моряк, поднимаясь. – Или ты унесешь отсюда свои вонючие потроха, или я сейчас их проветрю.

Десятник вновь заколебался: в таверне не менее тридцати моряков, полностью разделяющих взгляды обладателя шрама, вооруженных, в грош не ставящих городскую стражу...

Но тут один из солдат заметил Нила: трудно было его не заметить!

– Там, там! – заорал солдат, тыча пальцем.

Нил хотел встать, но Хихарра удержал его:

– Сиди, борец. Без тебя обойдется. Дай и другим побыть героями!

И Нил остался сидеть.

Десятник тоже увидел Нила, и радость сделала его лицо еще менее симпатичным.

– Слово Великого Ангана! – заорал он и выхватил меч.

Одновременно десятки прямых клинков и волнистых лезвий конгайских криссов покинули ножны.

Человек со шрамом встал на пути десятника.

– Убирайся! Это наша таверна!

– А мне насрать! – разъярившийся десятник занес меч.

– Я сказал тебе, что проветрю твои кишки! – хладнокровно произнес человек со шрамом.

Парировал собственным мечом клинок десятника и точным ударом крисса ниже кирасы рассек стражнику мышцы живота.

Десятник выронил меч и схватился за живот. Кровь струилась между пальцев и капала на пол. Лицо его приобрело серый оттенок.

Солдаты сгрудились вокруг начальника, выставив вперед мечи. Атаковать они не решались – на каждого приходилось по меньшей мере по одному бойцу, а то поспеет подмога с кораблей – от стражников и рваных подметок не останется. Десятника подхватили, чтоб он не упал.

Арбалетная стрела оцарапала ухо солдату, стоявшему впереди. Это решило дело: стражники ретировались.

Взгляды обратились к Нилу.

– Он немного повздорил с Душителем! – сообщил Хихарра.

– Да, – ухмыльнулся гигант. – Я немного... придушил его. И он обиделся.

– Не врешь, белолицый? – спросил один из моряков. – Душитель никогда не ходит без мордоворота Торона!

– Торона он тоже немного... Как ты сказал? – Хихарра обернулся к Нилу: – Помял?

– Хочу выпить с тобой! – сказал моряк со шрамом, протискиваясь сквозь обступившую Нила толпу. – Выпить с тобой – честь. Мой трехмачтовик уходит в море Зур. С рассветом. Платы я с тебя, ясное дело, не возьму.

– А почему ты, Рубец? – возмутился худой длинный моряк с кривым носом и блестящими навыкате глазами. – Мой «Удачник» тоже уходит завтра утром.

– А потому я, – отозвался меченый, – что я уже поил своего весельчака, – он похлопал по рукояти меча, – когда ты еще вышеживал свою тридцатую кружку.

– Тихо! – рывкнул Хихарра так, что зазвенели кувшины над головой трактирщика. – Я его привел сюда – со мной он и уйдет, кусай меня в задницу!

– Если б я мог, – громогласно заявил Нил, – я пошел бы с каждым, друзья! Нигде я не видел столько достойных мореплавателей, храни вас Морская богиня! Хозяин! – Он повернулся к трактирщику, голова северянина на поллоктя возвышалась над макушкой самого рослого из моряков. – Хозяин, чашу! Хочу, чтоб вы все стали моими кровниками!

Чаша появилась на столе. Нил опрокинул в нее кувшин с вином, медленно провел кинжалом по предплечью. Кровь из ранки капнула в чашу. Хихарра чиркнул криссом по руке – и его кровь смешалась с кровью Нила. Кормчий со шрамом стал третьим. Через десять минут вино пополам с кровью тридцати семи моряков разошлось по их желудкам. Нил разбил чашу о стену, и дружный рев вырвался из трех дюжин глоток.

– Ты не только силен, борец, но и неглуп! – шепнул Хихарра. – Только что ты был здоровенным аппетитным куском человечины для крысолобов Дага, а сейчас за тобой – два десятка кораблей. Еще малость – и я поверю, что ты не только побываешь в Урнгуре, но и сумеешь рассказать о нем старому Хихарре!

* * *

Когда Шинону доложили, что светлорожденный в городе, он пил кофе и читал балладу о Прекрасной из Тайдуана в переводе на конгаэн.

- Вызвать стражу из порта? – спросил домоправитель.
- К чему? – удивился Шинон. – Он – один. И я – один. Все в порядке.
- Но... – домоправитель замялся, – он очень опасен.
- Я тоже очень опасен. Не докучай! – И углубился в чтение.

Но едва домоправитель вышел, Шинон тотчас отбросил свиток. Подойдя к оконной арке, воин внимательно оглядел собственный парк с высоты третьего этажа. Потом проверил исправность арбалета-ловушки, нацеленного на дверной проем. Сняв мундир, Шинон натянул толстую фуфайку из белой шерсти, подкольчужную куртку из шести слоев паутиной ткани, а поверх – легкую, но очень прочную кольчугу из особого сплава. Затем опять надел мундир. Огромный коричневоглазый боевой пес поднял голову и посмотрел на хозяина.

- Нет, Равахш! – сказал Шинон. – Я слишком люблю тебя. Пойдем.

Он увел пса в дальнюю комнату, снабженную дверью с запором, и оставил там. Вернувшись, Шинон застегнул на руке боевой браслет и положил на стол три метательных ножа, сбалансированных, с тяжелыми широкими лезвиями. Вынув из ножен меч, Шинон осмотрел его и остался доволен. Конечно, это не бивень хармшарка, но дымчатое лезвие из лучшего конгского сплава вполне могло устоять против белого клинка. Пусть Эрд – один из лучших мечей Империи, зато Шинон – из лучших мечей Конга. А измученный схваткой на дороге и бешеной скачкой светлорожденный будет не в лучшей форме. Если Шинон один на один победит упрямого аристократа, обставившего сотню воинов... Конгай улыбнулся: подсказав совершенно нелепый план засады этому бумагоمارаке Хурану, Шинон поступил мудро. Ганг никогда не купился бы на подобную глупость. А раз северянин, как и полагал Начальник Гавани, сумел вывернуться, значит, не скучно будет скрестить с ним клинки. Возможно, смерть Эрда от руки конгского военачальника осложнит отношения с Империей больше, чем смерть его от руки разбойника... Это проблемы Наместника. Кто осудит Шинона за то, что он сумел себя защитить?

Но где-то в глубине души конгай чувствовал сожаление. Да, он убьет Эрда. Но, сложись дело иначе, Шинон охотно оставил бы светлорожденного в живых. Славный парень, немного чванливый, но доверчивый и отважный, как он сам. Пожалуй, проживи он еще десяток лет, – и из него получился бы добрый мореход, не хуже самого Шинона. Даром что аристократ! Шинон вспомнил о соххогоях, и губы его искривились: вот кого он пощупал бы мечом! И заодно узнал бы, действительно ли красноглазые такие бесподобные бойцы, как о них говорят.

Крики, лязг металла, рычание пардов донеслись снизу. Эрд прибыл.

* * *

Сотнику Конону совсем не нравился полученный приказ. Но Шинон объяснил ему: лучше они сами возьмут северянку, чем это сделает Наместник. Лучше, хуже, а воину-моряку позор арестовывать женщину. Но приказ есть приказ. Разумеется, он не собирался врываться без предупреждения. Но едва он протянул руку к дверному билу...

...Этайа запела, и рука сотника так и не коснулась бронзы.

Сколько сам он и его солдаты простояли около резной двери, никто из них не смог бы сказать. Вечность! Все они успели прожить жизнь. Счастливейшую из жизней! И умереть. Так, как умирают лучшие. И воскреснуть. И стать несчастными, чтобы обрести покой. И еще тысячу жизней сменили они, как меняет листву дерево. И росли, как растет дерево. И выросли. И поднялись туда, куда только сильные крылья дракона могут поднять человека.

Кончилось волшебство. Опустил Конон руку, так и не коснувшись била. И стал легким Конон, как будто единственно из света состоял он. И те, кто был с ним, стали такими же. Нет, ни один из них не забыл, для чего пришел к розовой двери с алой ящерицей наверху. Но какое это имело значение? Какое значение имеет детская обида для того, кто стал взрослым?

Добрые улыбки согревали мужественные лица, когда шли они по устланному шелком коридору. Казалось им, что ноги их едва касаются розовой ткани. И спустились они вниз, в просторный холл, а потом – по белым ступеням – на белую дорожку, что вела к высоким воротам. И дальше... чтобы много лет никто из фарангцев не увидел ни сотника Конона, ни десятника Агга, ни тех трех солдат, что пришли в этот день в «Добрый приют».

Х

«О сильном и слабом, благородном и ничтожном доподлинно можно сказать только одно: он умрет», – говорит гурамская пословица. Но не нужно обладать особой мудростью, чтобы сообразить: умрут-то они по-разному.»

Фахри Праведный. Светоч Эдзамы

– Тумес!

Биорк оглянулся: к воротам загона быстрым шагом, почти бегом, направлялся Скон. Вагар похлопал быка по широкой слюнявой морде, поставил на землю ведро и двинулся навстречу старшему служке.

– Пойдем! – сказал Скон, крепко взял Биорка за руку и, ничего не объясняя, повел за собой.

Они пересекли служебный двор и оказались перед маленькой дверью в стене храма. Скон отпер ее ключом и втолкнул вагара внутрь. Биорк догадался, что они – в келье старшего служки.

– Двое железнобрюхих были у Верховного! – сказал он без предисловий. – Ищут тебя!

– Ну и...?

– Я сказал: нет такого! Но мне, ясное дело, не поверили! А ты, значит, вагар?

– Вагар, – признался Биорк.

– Во! – Лицо Скона растянулось в улыбке. – Я уж и сам почти допер! Короче, надо тебе сматываться. Тумес или как там тебя!

– Биорк! – сказал Биорк.

– Биорк! О, хуруг!¹⁴ И не выговоришь! Пусть останется – Тумес! Я б оставил тебя здесь, но раз кто-то настучал – тебя все равно достанут!

– А тебе не влетит от Верховного? – спросил Биорк. – За вранье?

– Хой! Верховному-то что за дело до Наместника? Он соххогоям яйца не лижет! Ему хозяин – Тур! Как и мне! – гордо сказал Скон.

– Быкоглавого я уважаю! – кивнул Биорк. – Он моего сына покровитель!

– Сына? – вытаращил глаза служка. – А! Хуруг! Ты ж вагар! Жаль, что надо тебе валить! Парни тебя прям полюбили! Да и я... – Скон смущенно хмыкнул. – А может, вправду...

– Нет! – твердо сказал Биорк. – Я уйду! Пора уж!

– Ну гляди! – На некрасивом лице служки были и огорчение, и облегчение одновременно. – Знаешь, ежели как-нибудь... Ну, помочь тебе надо будет или что – ты приходи, не стесняйся! И сына своего веди! Он тоже вагар? Мелкий?

– Да повыше меня будет! – улыбнулся Биорк. – Этак локтя на полтора повыше!

– Хой! – изумился старший служка. – Шутишь?

– Он – вождь, – сказал Биорк. – Воин.

– Ну? Слушай, Тумес! – Глаза Скона загорелись. – Возьми меня с собой! А что? Я парень ловкий! Порядки знаю! Возьми! А то вот ты, к примеру, везде был, а я всю жизнь в Фаранге, как амбарная крыса! Возьми, а?

Биорк покачал головой.

– Извини, друг! Не могу! – И, увидев, как огорчил парня: – Но – слово! Если вернусь в Фаранг, тебя найду непременно! А там уж – как бог твой положит! Может, и поплывем с тобой по пенному морю!

¹⁴ Хуруг – ящер примерно в три-четыре метра длиной, телосложением напоминает варана, но свиреп и неразборчив в пище, как акула. И зубами оснащен такими же. Глуп настолько же, насколько свиреп.

– Да ладно! – махнул рукой старший служка. Хотя слова Биорка явно ему понравились. – Сам знаю, каков из меня спутник воину. – И, серьезным тоном: – Ща посидишь у меня. А уж как солнышко вниз покатится, тогда и уйдешь.

И, вскочив со скамьи, на которую уселся было:

– Жди меня тут, Тумес! Ща я пожрать принесу и, – он подмигнул, – винца кувшинчик сворую. Посидим напоследок. Жди, Тумес! Я тя снаружи запру, чтоб никто не сунулся. Да я быстро.

Он сорвался с места и убежал.

Вагар опустился на скамью. Улыбка оставалась на его лице еще целую минуту.

Биорк покинул храм Тура во время полуденного отдыха. Он как раз добрался до гостиницы, когда посланные за Этайей воины выходили за высокие ворота.

По просветленным их лицам догадался Биорк, что произошло. Это и обрадовало, и огорчило вагара. Обрадовало, потому что, ждала солдат завидная судьба. А огорчило потому, что если Этайа использовала последнее средство, значит, ни светлорожденного, ни Нила рядом не оказалось.

«Однако я жив! – подумал вагар. – И где доказательства, что мои друзья мертвы?»

Не желая обращать на себя внимание слуг (Биорк полагал, и справедливо, что они шпионят для своих правителей), вагар вскарабкался на дерево и, раскачавшись, прыгнул на террасу третьего этажа.

– Вовремя, Биорк Эйриксон! – сказала Этайа, когда вагар появился перед ней. – У меня есть достойное тебя дело.

– Слушаю, госпожа! – Вагар потер испачканные цветочной пылью руки. – Но прежде скажи, что с Нилом.

– Отправился готовить наше отплытие, не тревожься. А вот нашему вождю угрожает опасность. И ни ты, ни я не успеем ему помочь. Он расплачивается за вчерашнее. – И светлорожденная рассказала вагару о недавних событиях.

– Ты уверена, что я ничем не могу ему помочь? – спросил Биорк, когда она закончила.

– Оракул, сын Эйрика, вспомни пророчество и смирись. Твое мастерство понадобится другому человеку.

– Кому?

– Ее зовут Мара...

Когда Этайа закончила рассказ, лицо вагара все еще выражало сомнение.

– Фарангская потаскушка? Стоит ли тратить на нее время?

– Твой сын не стал бы так говорить! – укоризненно сказала светлорожденная. – Я просила ее помочь, и я€ не могу не помочь ей. Она попала в беду, когда несла ко мне весть о том, кого я ищу. Этого достаточно?

– Да, – кивнул вагар. – Ты знаешь, что ей удалось выяснить?

Этайа покачала головой.

– Я вытащу ее, – сказал Биорк. – Дай мне след...

* * *

Солнце уже клонилось к горизонту, когда Биорк прошел мимо ворот храма Быкоглавого, покинутого два часа назад. У храмовых ворот топтались угрюмые солдаты в стальных кирасах, с арбалетами на изготовку. Аллея Паломников и храмовый парк были полны стражников. Биорк заметил Верховного Жреца, разъяренных «синих», даже размахивающего руками Скона...

Солдаты перекрыли ворота, никого не впуская и не выпуская. Паломники, уже начавшие собираться к вечернему приношению, бесцельно топтались у входа.

Биорк задержался, чтобы посмотреть, как будут развиваться события. Толпа росла. Настроение конгаев становилось все более агрессивным. С десятков «синих» по ту сторону решетки подзуживали толпу. Но жители Фаранга были слишком добродушны, чтобы броситься на солдат. А сами солдаты вели себя сдержанно: Тур Быкоглавый – покровитель не только земледельцев, но и воинов тоже.

Биорк поспешил дальше. Мимо него проскакал большой отряд всадников, не менее сотни, и, к его удивлению, не в сторону храма Тура, а по направлению к южной стороне порта. Когда вагар достиг площади Умиротворения, на которую выходили армейские казармы, мимо него промчался еще один отряд. Биорку даже пришлось отпрыгнуть в сторону, чтобы парды не сшибли его с ног. Третий отряд поскакал к мосту через Фуа. У ворот казарм на мощном, почти черном парде восседал воин, который заправлял всей этой суматохой. Значок начальника тысячи, строенные мечи под «спящим» конгским драконом, блестел на его рукаве. Лицо тысячника было сосредоточенным, но он не выглядел огорченным. Скорее, наоборот.

«Любит подраться!» – подумал Биорк, разглядывая начальника тысячи.

Четвертый отряд всадников умчался в сторону Гавани.

– Похоже, мой сын приложил к этому руку, – пробормотал вагар и двинулся дальше.

У входа в дворцовый парк, как обычно, стояла стража. Но сегодня у солдат был не столь ленивый и самодовольный вид, как обычно. Оживление, царившее у казарм, не обошло стороной и Дворец. За те пару минут, что Биорк следил за воротами, не менее десятка бегунов покинули Дворец, и столько же вошли внутрь. Биорк отступил к деревьям, окружавшим снаружи стену дворцового парка. Для вагара не составило труда преодолеть ее. Через минуту он уже бежал по ухоженной парковой аллее.

Описание, данное Этайей, было достаточно точным, чтобы Биорк сразу нашел маленькую стальную дверь – вход в подземелье. Дверь была заперта, но вряд ли нашелся бы в Конге замок, способный остановить вагара. Несколько движений бронзового крючка – и дверь, отчаянно заскрипев, отворилась.

Два стражника, разлегшись на полу, играли в кости. Мечи были небрежно брошены в пяти шагах от хозяев. Стражники отвлеклись от игры и уставились на вошедшего.

Маленький воин был явно не тем, кого они ожидали увидеть.

– О! – сказал один из стражников.

Второй ничего не успел сказать: кулак вагара на четверть локтя погрузился ему под ребра. Зато первый успел за это время вскочить и даже вытащить из-за пояса крисс.

– Молодец! – похвалил его вагар, ударяя сначала ногой в голень, а когда стражник с воплем присел – головой в подбородок. Впрочем, лежавшие теперь без чувств стражники выполнили свой долг: шум у двери привлек внимание двух десятков солдат, находившихся в караулке. Когда они, бряцая оружием и свирепо сопя, ввалились в комнату, вагару пришлось отступить.

Часть воинов тут же отрезала Биорка от открытой двери, остальные обступили его полукругом, угрожая остриями мечей. Они были осторожны, помня предупреждение, полученное ими утром. Кроме того, тела товарищей говорили сами за себя. И все же они никогда раньше не видели вагаров.

А когда двадцать здоровенных вооруженных вояк стоят против одного безоружного человека, чей рост не больше, чем у их сыновей, они чувствуют себя глуповато. Тонкие руки вагара не казались страшными. Правда, на поясе его висел нож...

– Брось нож! – гаркнул начальник стражников, рыжий конгай с покатыми плечами борца. Кольчужная рубашка из плоских чешуй закрывала его почти до колен. На голове красовался

круглый шлем, сдвинутый на затылок. Десятник даже не потрудился застегнуть подбородочный ремень.

Вагар снял с пояса нож и бросил его на каменный пол.

– Дурачок! – сказал начальник и ударил его плашмя мечом по голове.

Биорк упал на колено. «Язык змеи», выхваченный из набедренной повязки, прыгнул к лицу начальника стражи и пробил череп на полпальца выше переносицы.

Никто из солдат ничего не понял. Только что они видели широченную спину своего командира, а теперь он валяется на полу, а на лбу его вспучивается кровавый пузырь.

«Язык змеи» покачивался в правой руке вагара. Пальцы левой руки перебирали тонкую цепь. Те, кто никогда не сталкивался с этим оружием, с трудом могут представить, что это такое. Маленькая заостренная гирька из упругой стали на прочной тонкой металлической цепочке в восемь локтей длиной в руках тренированного бойца опасней, чем меч. Соперничая в точности и скорости с арбалетной стрелой, она способна поразить цель и вернуться в руку мастера быстрее, чем противник успеет мигнуть. Сила же удара такова, что «язык» пробивает не слишком толстую кирасу. Конечно, хуридскую, а не конгскую. Особенно же опасен «язык змеи», когда нападающих много и атакуют они с разных сторон. То есть именно в той ситуации, в которой оказался Биорк.

Чем-чем, а трусостью конгаи никогда не отличались. Едва они оправились от удивления, вызванного видом поверженного начальника, как двадцать обнаженных клинков взлетели над головой вагара. Если бы стражники не были охвачены гневом, если бы они питали большее почтение к маленькому воину, вагару пришлось бы несладко. В соседней комнате было довольно арбалетов, чтобы нашить стрелами полдюжины вагаров. Но воин с мечом, особенно если он умеет им пользоваться, не побежит за арбалетом, чтобы подстрелить одного-единственного противника с маленькой железкой, к тому же ростом до плеча. Когда же двадцать солдат без всякого плана бросаются на одного-единственного бывшего туринга...

Первым пострадал солдат с самой быстрой реакцией. Когда он, опередив остальных, напал на вагара, меч соседа распорол ему бедро. Вместо того, чтобы, как ожидали конгаи, отступить к стене и этим прикрыть спину, вагар прыгнул вперед. «Язык змеи» вылетел трижды, и три стражника рухнули под ноги товарищей. Еще один меч воткнулся не туда – гневный вопль пострадавшего смешался с хрипом другого солдата, которому гирька раздробила грудину над самым краем кирасы. Биорк нырнул прямо в образовавшуюся свалку и без ущерба вынырнул с другой стороны. Прежде, чем кто-либо из стражников сообразил, что дичь ускользнула, маленький воин захлопнул стальную дверь и задвинул широкий засов. Еще раньше кто-то из стражников из осторожности захлопнул наружную дверь, замок ее защелкнулся, и отпереть его теперь можно было только снаружи... Лязг рукоятей, которыми стражники забарабанили в дверь, был оглушительным, но бесполезным. Два десятка воинов оказались в ловушке.

Руководствуясь врожденным чутьем вагара, Биорк углубился в подземелье и двинулся к намеченной цели. Любой лабиринт может быть пройден, если у идущего есть интуиция. А у любого вагара, родившегося во тьме каменных пещер-лабиринтов, чувство направления безукоризненно.

Десять минут спустя Биорк увидел широкое низкое помещение, больше всего напоминающее пещеру, – с закопченным потолком и без единого светильника. Лишь свет горящего в открытом очаге пламени озарял грубую кирпичную кладку стен.

Трое находились в этом жутком помещении. Одной из троих была девушка. Руки ее были прикованы к загнанным между кирпичами стальным костылям. Волосы распущены. Никакой одежды. Блаженная улыбка на лице девушки подсказала вагару, что она одурманена и не сознает реальности. Но двое мужчин, составивших ей компанию, были более чем реальны.

Один из них, угрюмый чиновник с отеком бледным лицом, сидел за грязным столом и сосредоточенно грыз кончик кисточки. Второй, более похожий на магхара, чем на человека,

раскладывал на плоском камне у очага металлические предметы, вид которых мог бы привести в трепет самого стойкого воина.

Тот, что стоял у очага, повернулся, и вагар смог рассмотреть его подробнее. Толстогубый, с коротким, свернутым в сторону носом и темно-коричневой нездоровой кожей. Туловище его походило на раздувшийся мешок, поставленный на тонкие ноги. В довершение всего волосы уroda были выкрашены в ярко-красный цвет.

– Умх! – сказал чиновник за столом. – Как думаешь, сколько нам еще ждать?

– Ждать? – тонким голосом переспросил палач. – Зачем ждать?

– Ну, пока дурь из девки выйдет?

– Выйдет! – сказал палач, перебирая свои инструменты.

Вагар разглядел на его лице реденькую бородку.

«Он не конгай, – решил Биорк. – Омбамту?¹⁵»

Палач взял тонкую длинную иглу на деревянной ручке и сунул острие в огонь. Когда, по его мнению, игла достаточно раскалилась, он подошел к девушке, смотревшей на него с бессмысленной улыбкой, схватил ее за руку и принялся медленно ввинчивать раскаленную иглу ей в локоть.

Девушка перестала улыбаться. Какое-то время лицо ее было неподвижно. Потом огромные глаза наполнились слезами.

– Не надо, – проговорила она. – Мне больно.

– Брось ты ее! – сказал чиновник. – Не видишь, она еще не очухалась.

Палач подошел к очагу и плюнул в огонь.

– Я не буду ждать! – сказал он. – Опять до утра провозимся!

Девушка с ужасом смотрела на свой локоть, из которого торчала игла. Вагар скрипнул зубами: он ничего не мог сделать – между ним и комнатой была стальная решетка. Толстые прутья, заделанные в камень.

Палач подошел к девушке и пошевелил иглу. Она вскрикнула.

– Слышишь? – спросил палач. – Погоди немного – и она так завизжит, что ты оглохнешь.

– А она – ничего, – сказал чиновник и сглотнул слюну.

– Не люблю баб! – сказал палач и снова сплюнул. – Любуйся пока. Тем, что останется, даже магхар побрезгует.

– Ну ты говоришь! – сказал чиновник. – Вдруг она сразу все выболтает?

– Ну и что? – возразил палач. – Откуда мне знать, что она не врет? Нет! Моя работа мне известна. А твоя работа – кистью мазать. Кончим – пойдешь купишь бабу и трахнешь.

– После твоей работы только плевать хочется, – вздохнул чиновник. – Какие там бабы!

– Привыкай, привыкай! – покровительственно сказал палач. – В помощники возьму. Видал, как хозяин меня жалует?

– Лучше сдохнуть! – сказал чиновник.

* * *

На парковой лужайке, звеня мечами, вертелись четверо всадников. Трое были личными стражниками Шинона. Четвертый – Эрд. Прекрасный пард под светлорожденным был весь покрыт бурой засохшей кровью.

«Ранен? – предположил Шинон. – Нет, вряд ли. Слишком много крови, чтобы остаться в седле». Тут Шинон узнал парда своего сотника и огорчился: добрый был солдат. Преданный. Во имя Быкоглавого – он же приказал своим людям не вмешиваться!

¹⁵ Омбамту – уроженец Омбама, страны, расположенной на восточном побережье Красной Земли, восточного материка.

Эрд вышиб из седла последнего из противников и погнал парда прямо к дому. Шинону показалось, что взгляд светлорожденного все же зацепил его сквозь завесу листвы. Он поспешил в комнату и услышал на лестнице грохот.

Заляпанная кровью и грязью широкая грудь парда отбросила тростниковый занавес. Пригнувшись, чтобы не задеть верх дверной арки, сжимая в руке окровавленный меч, в комнату ворвался Эрд.

С глухим чмоканьем стрела арбалета-ловушки вонзилась в горло парда. Шинон, выругавшись, метнул нож. Раненый пард, поднявшись на дыбы и попятившись, уперся в стену и тяжело рухнул на пол, загромоздив половину комнаты. Лапы и хвост зверя судорожно дергались.

Эрд успел соскочить – его поясной ремень не был пристегнут к седлу. Брошенный Шиноном нож не поразил северянина в грудь, но разрезал плечо, и рукав изорванного камзола сразу набух от крови.

Второй нож, брошенный противником, Эрд легко отбил взмахом меча.

Перепрыгнув через стол, Шинон рубанул мечом. Эрд уклонился и попытался достать шею конгая. Тот отвел меч браслетом. Противники обменивались редкими ударами, выжидая. Тактика эта была выгодна Шинону: светлорожденный устал и ранен. Долго ему не продержаться. Эрд тоже понимал это. Он вынужден был атаковать всерьез. И нанес удар «пирующий клинок» – подсекающее движение с резким рывком вверх. Шинон подпрыгнул, чтобы уберечь колени, и едва избежал лезвия – клинок светлорожденного прошел в полуладони от его паха. Зато Шинон успел поймать белый клинок собственным мечом, ринулся вперед и ударил Эрда в лицо шипами браслета. Эрд устал и уклонился недостаточно быстро: шип рассек лоб, и струйка крови протекла вниз, заливая глаза.

Ни один из противников не сказал ни слова: оба берегли дыхание.

Светлорожденный наискось ударил мечом. Простой удар. Но быстрый, как молния. Такого Шинон не ожидал и не успел парировать. И хотя меч Эрда прошел лишь вскользь по кольчуге, но конгай пошатнулся и ответный удар нанести не успел. Эрд получил преимущество и тут же воспользовался им, выполнил «падение дракона» – серию из трех поворотов, заканчивающихся прямым выпадом. Конгай отпрянул назад, но позади оказался стол, и белый меч пронзил ногу Шинона ниже колена, переломив кость. Конгай упал.

Но светлорожденный уже не смог воспользоваться преимуществом – силы оставили его. Чтобы устоять, Эрд тяжело оперся на меч. Сознание его туманилось, стены комнаты качались, он потерял слишком много крови, слишком много сил...

Шинон зацепился левой рукой за край стола, кое-как поднялся, встал на здоровую ногу. Конгай знал: если Эрду удастся справиться со слабостью, он убьет Шинона. В подобных поединках пощады не просят.

Эрд справился. Взгляд его вновь стал осмысленным, и он сделал осторожный шаг к Начальнику Гавани, что стоял у стола, опершись на него левой рукой. Кончик белого меча описывал завораживающие кривые. Но Шинон был слишком опытен, чтобы смотреть на меч. Взгляд его был сосредоточен на бледных губах светлорожденного... А рука прижимала к столу рукоять последнего метательного ножа.

Эрд шагнул вперед... И конгай, перенеся вес тела на здоровую ногу, метнул нож и радостно вскрикнул: узкий клинок на ладонь вошел в живот светлорожденного.

Миг спустя меч Эрда, разорвав кольчугу, пронзил грудь конгая.

– Жаль, что ты... шпион! – выдохнул Шинон. И умер.

Последним усилием Эрд попытался вырвать меч из падающего тела конгая. Но не сумел. Пол под его ногами вскинулся, как корабельная палуба в шторм, рукоять выскользнула из пальцев, и светлорожденный безжизненным кулем повалился рядом с мертвым Шиноном.

* * *

– Я могу положиться на тебя, Самит? – спросила Этайа стоящего перед ней пожилого мужчину, одетого в традиционный костюм имперского купца.

– Без сомнения, светлейшая! – Самит коснулся седой бороды и с достоинством поклонился женщине.

– Ее будут искать!

– Пусть. На моих кораблях, светлейшая, я могу вывезти все, что ты пожелаешь. Здешние чиновники слепнут при виде золота.

– Благодарю тебя, почтенный Самит! Приди ко мне через два часа.

– Та, за кого ты просишь, будет здесь?

– Надеюсь на это. Храни тебя Морская богиня!

– Да хранит она и тебя, светлейшая!

* * *

Вагар взялся руками за ржавые прутья и, упершись ногой, изо всех сил потянул. С тем же успехом он мог надеяться вырвать грот-мачту большого корабля.

Палач тем временем раскалял на огне металлический прут со сплюснутым концом. Он вынул его из очага, осмотрел, плюнул, остался недоволен и снова сунул прут в огонь.

– Рыбы мозги! – выругал себя вагар.

Со всех ног он бросился назад, к выходу из подземелья.

– Может, спросить у нее что-нибудь? – предложил чиновник, которому было скучно сидеть без дела.

– Не время! – отозвался палач. – Сиди. Девка еще не готова.

Он вынул из пламени прут и тронул им деревянную скамью. От затлевающей древесины поднялся дымок.

– Годится, – пробормотал палач с удовлетворением и, сжимая прут, приблизился к девушке. Прищуренные глазки с красными белками прошли по ее телу. Палач кивнул сам себе и схватил ее за грудь выпачканной в саже рукой.

Глаза девушки выкатились от ужаса. Она закричала и забилась на цепях. Палач приблизил к ее соску раскаленное железо...

– Имх! – раздался за его спиной повелительный голос.

Палач недовольно оглянулся, не выпуская грудь девушки. Он услышал резкий металлический щелчок, выронил прут и повалился на камни. Черенок арбалетного болта торчал у него из глазницы. Испуганный чиновник выскочил из-за стола и уставился на вагара, поднявшего второй арбалет.

– Ты! – сказал Биорк. – Ключи от цепей!

Чиновник быстро-быстро закивал головой. Он, как замороженный, глядел на черный наконечник стрелы.

– Освободи ее!

Чиновник поспешно бросился к пленнице, вытащил из кармана тяжелую связку ключей и отпер замки. Девушка повалилась на каменный пол.

– Как мне попасть к вам? – спросил вагар.

Чиновник задумался. Потом довольная улыбка появилась на его испуганном лице:

– Да, да, к нам! Ты пойдешь по коридору направо, господин, затем свернешь еще раз направо...

– Лжешь, – равнодушно сказал Биорк. – Впрочем, это не важно.

И нажал на спусковой крючок. Арбалетный болт, войдя в правый глаз, пробил глазницу, мозг и застрял в затылочной кости. Скорее всего чиновник, как чуть раньше – палач, даже не успел осознать, что умирает.

Вагар прикрыл глаза. Он размышлял. Нужно вывести девушку из дворца. Первое: отыскать новый путь. Второе: сделать все так, чтобы не привлечь внимания. Третье: уложиться в отведенное время.

Прошло четыре минуты. Биорк открыл глаза и начал действовать.

В оружейной стражников он отыскал топор, без особого труда разбив каменную кладку, вышиб пару прутьев решетки и протиснулся в пыточную. Мара лежала на спине, бессмысленно глядя в потолок. Вагар наклонился к ней, принялся к ее дыханию и определил наркотик, которым ее отравили. Затем быстрым движением выдернул из локтя девушки иглу. Мара вскрикнула, попыталась оттолкнуть своего спасителя.

– Встать! – рявкнул Биорк, используя власть Голоса, проникавшего даже в затуманенное сознание.

И Мара встала.

Через пять минут они покинули подземелье, поднявшись через люк на солдатскую кухню. Трем поварам Биорк очень доходчиво продемонстрировал, что такое Мангхел Сёрк, боевое искусство вагаров. Еще через пять минут Мара – в одежде служанки, а Биорк – в фартучке поваренка, со значком раба на лбу и большой корзиной, полной грязной посуды, покинули кухню. А еще через пять минут так же беспрепятственно покинули дворец. Привратная стража на служанку и поваренка даже не взглянула.

На полпути, неподалеку от площади Умиротворения, Маре стало совсем плохо, и Биорку пришлось сделать остановку.

Солдат на площади стало поменьше. И начальника тысячи уже не было. Зато у храма Тура кипела возбужденная толпа. Вдоль ворот цепью стояли копейщики, за ними – шеренгой мечники с клинками наголо, а за мечниками – всадники на пардах, с арбалетами в руках. Между толпой и солдатами был просвет в пять шагов шириной. Каменные плиты перед строем были забрызганы кровью.

«Самое время уходить из Фаранга, – подумал вагар. – Здешним правителям точно не до нас».

* * *

Два человека встретились в пустом пиршественном зале гостиницы «Добрый приют».

– Приветствие, почтенный Самит!

– Рад видеть тебя, Хихарра!

Оба купца соединили ладони.

– Как идут дела, брат?

– Привез груз из Гурама. Думал, распродам в Фаранге, да не вышло. Придется подняться до Кунга, иначе по хорошей цене не сбыть.

– Что нового в Гураме?

– Землетрясение, почтенный Самит! Уже шестое в нынешнем году. И убытки велики.

– Дела! И у нас трясло. Прогневался Повелитель Тверди. Однако ж ты говорил о своем товаре. Думаешь, в Кунге заплатят больше?

– Уверен. Кораблям гурамцев запрещено подниматься вверх по реке. Это они сбили здесь цены на свой товар.

Оба покивали понимающе.

– А как идет твоя торговля, почтенный Самит? – спросил конгай. – Велик ли барыш? Слышал я: уже четыре корабля привел ты в Фарангскую гавань.

Имперский купец провел ладонью по бороде:

– Хвала богине! В убытке не остаюсь. Но трудно стало торговать в благословенном Конге. Мало товара.

– Ой-мей! – удивился Хихарра. – Три урожая в год дают наши поля!

– Однако цены на пряности высоки, пошлины еще выше. Эдзамская мука сейчас намного дешевле, чем конгская.

– О! – лукаво улыбнулся Хихарра. – Не верю, что столь опытный купец, как Самит, не нашел, чем загрузить трюмы!

– Смейся, Хихарра! Ремесленники Конга еще не забыли свое мастерство. Ваши мечи – по-прежнему лучшие в Мире.

– Если не считать тех, что куют вагары на западе, – уточнил конгай.

– ...Но ты удивишься, – продолжал Самит, – если я скажу, какой еще товар я повезу на север!

– Трудно удивить Хихарру! Попробуй!

– Люди! Я повезу людей!

– Удивил! – сказал конгай. – Но зачем? Разве они не станут свободными, едва ступят на землю Империи?

– Они и сейчас свободны! – засмеялся Самит. – И хорошо платят за места на моих палубах!

– Скверные времена! – Хихарра помрачнел. – Если народ Конга уходит из своей страны!

– Прости мне мой смех, Хихарра! – извинился северянин. – Я не подумал, что могу огорчить тебя!

– Пустое! Но скажи, разве отважный Шинон не препятствует тебе? Уж он-то...

– О, у него столько шпионов, что они сами забыли, кому служат! – перебил Самит. – А начальник таможни, сам знаешь...

– Знаю, – кивнул Хихарра. – Что ж, удачи тебе, Самит! Но позволь задать тебе вопрос? Купец из Империи кивнул.

– Кто таков Эрд Асенар?

– А зачем тебе? – насторожился Самит.

– Он и слуги его этой ночью будут гостями на моем судне, – честно признался конгай.

Самит задумался. Потом спросил:

– А зачем светлейшему Эрду идти вверх по Фуа, он не сказал тебе?

– Кто знает? Его белолицый слуга говорит: им нужен Урнгур. И сам слуга таков, что я могу поверить: он-таки доберется до Урнгуга, кусай меня в задницу! Так что Эрд? Он, верно, может идти в Урнгур, или это – предлог, чтобы скрыть настоящую цель? Не хотел бы я везти к истокам Фуа врага Конга!

– Ты спросил! – произнес Самит задумчиво. – И ты знаешь, что я – слуга императора. А светлорожденный Эрд? Он высший слуга императора! И ты согласишься моим словам, конгай?

– Ты – кормчий. И я – кормчий! – с усмешкой сказал Хихарра. – Ты не станешь мне врать. Если Эрд – враг Конга, шпион, ты просто сказал бы: не знаю. Я прав?

– О, ты хитер, Хихарра! Ты – Торговец! – восхитился Самит. – Да, ты прав. И будь спокоен. Светлейший Эрд Асенар может захотеть достичь даже луны.

– Он что, сумасшедший?

– Нет. Хотя – да. По-своему. Он пойдет, если решит, что это – честь для него. Слышал: в бою он ведет себя так, будто ищет смерти. Уверен, если он ее найдет – смерти не поздоровится! И у него меч из бивня хармшарка. Таким мечом, если он заговорен, можно сразить даже демона.

– Белый меч? – воскликнул Хихарра. – И он решился взять с собой такую ценную вещь? Разорви меня хуруг! Верно – сумасшедший, кусай меня в задницу!

– Не забывай! – захихикал Самит. – Меч Эрда – в руке Эрда!

* * *

Домоправитель вошел в комнату сразу же, как только услышал вой запертого пса. Он не посмел бы войти, если бы не был уверен, что хозяин не сможет возразить. Эрда он опасался значительно меньше. Однако был приятно удивлен, обнаружив его лежащим без чувств около тела конгая.

Перешагнув через оскаленную морду мертвого парда, домоправитель подошел к труп Шинона и взялся за рукоять белого меча. Только встав обеими ногами на труп, домоправитель сумел выдернуть клинок.

В комнату неслышно вошла служанка.

– Морон! – окликнула она домоправителя.

Тот вздрогнул и обернулся. Лицо его было искажено страхом.

– Ты зачем здесь, Дайна? – прошипел он.

– А ты зачем? – с вызовом ответила девушка.

Домоправитель пронзил ее взглядом, но ничего не сказал. Меч все еще был в его руках.

Девушка подошла к распростертому на полу телу светлорожденного и склонилась над ним.

– Красивый! – прошептала она, разглядывая окровавленное лицо Эрда. Девушка наклонилась еще ниже. Домоправитель посмотрел на ее тонкую смуглую шею, и губы его искривила недобрая усмешка.

– Да он жив! – вдруг вскрикнула девушка.

И в этот момент конгай нанес удар. Белый меч прошел сквозь шею девушки так легко, будто это была соломинка. Круглая головка отскочила, покатилась по полу и остановилась возле оскаленной морды парда, удивленно глядя синими глазами. Обезглавленное тело упало на Эрда. Кровь толчками выплескивалась из перерубленных артерий.

– Великий Тур! – прошептал домоправитель, глядя на белое лезвие, воткнувшееся в мат в ладони от его ступни. – Я мог повредить ногу!

Потом его глаза обратились к лежащему без сознания светлорожденному.

– Значит, живой? – произнес конгай.

Он выдернул из пола меч и потрогал рукой лезвие у рукояти, там, где оно не было запятнано кровью.

– Значит, живой! – повторил он, занося меч...

* * *

Маленький вагар вошел в гостиницу, ведя за собой Мару.

– На третий! – крикнул он сонному слуге и втокнул девушку в подъемник.

– Где я? – настороженно спросила Мара.

Вагар заглянул в глаза девушки. Туман рассеивался.

– У друзей, – лаконично ответил он.

Подъемник остановился, и Биорк подтолкнул конгайку вперед.

– Этайа! – позвал он, останавливаясь у входа в апартаменты Эрда.

– Входите! – раздалось из-за дверей.

– Я займусь ею, – светлорожденная подхватила девушку и помогла ей сесть. – Биорк, спустись вниз, найди почтенного Самита, и через четверть часа поднимитесь ко мне.

Когда вагар и Самит вошли в комнату, Мара чувствовала себя значительно лучше. Этайа одела ее в собственное платье из тайдуанского шелка. Талию девушки обвивал кожаный пояс, черный, глянцевого, с тисненым тайдуанским же орнаментом. На серебряной пряжке был вычеканен герб, которым удостоил Этайю император: фигурка танцующей богини Радости. Герб, как нельзя более подходивший и самой Маре.

– Светлейшая! – произнес Самит с легким поклоном.

– Твой помощник? – спросила светлорожденного, разглядывая хитрую физиономию Хихарры.

– Не удостоен чести, госпожа! – пророкотал толстый кормчий. – Я, скорее, твой помощник, если мой побратим Нил, говоря «та женщина», имел в виду тебя?

– Меня. Благодарю! – ответила Этайа. – Не будешь ли ты столь добр, чтобы подождать, пока я устрою девушку?

Хихарра взглянул на Мару, и челюсть его отвисла.

– Мара! – воскликнул он. – Что ты здесь делаешь, дочка?

Девушка ничего не ответила, лишь улыбнулась кормчему бледными губами.

– Это ее ты вручаешь моему попечению? – спросил Самит.

– Да!

– Хлопотное дело, госпожа! – сказал купец. – Она красива.

– Что с тобой за беда, Мара? – вмешался Хихарра. – Могу я помочь?

– Если у тебя есть ключи от подвалов Наместника и сказка для его палача, – сказал Биорк.

– Жребий Неизъяснимого! – в ужасе воскликнул кормчий. – Ты можешь попасть в лапы Имха?

– Попала, – сказала девушка. – Он, – конгайка указала на вагара, – вытащил меня.

Хихарра обернулся к Биорку.

– Твой должник! – сказал он торжественно.

– Оставь! – отмахнулся вагар. – Ты же побратим моего сына.

– Ты?... Сы-сына? – Хихарра выпучил глаза. – Ты? Боги! Кто же была его мать? Великанша с Ледяных гор?

Неожиданно дверь в покои распахнулась, и внутрь уверенно вошла женщина. Однако, увидев совсем не то, что ожидала увидеть, она на секунду замерла, а затем попыталась улизнуть. Вагар поймал ее за руку и втащил обратно.

– Ты кто? – спросил маленький воин, стальными пальцами сжимая ее запястье.

– Быстро пусти меня, недомерок! – сердито крикнула женщина, тщетно пытаясь освободиться. – Да ты знаешь, кто я?

– Хочу знать, – отозвался вагар, еще крепче стискивая руку.

– Жена почтенного Дага! – тихо сказала Мара.

– Ты... – крикнула женщина. – Я...

– Зачем ты здесь? – спросила Этайа. – Ты ищешь Нила? Отпусти ее, Биорк: она не враг.

– Пусть докажет! – возразил вагар.

– Докажу, если отцепишься от меня! – огрызнулась Тэлла.

Вагар выпустил ее, и она принялась растирать запястье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.